

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ №2(6)
ПОЛЕ
2012
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Набат

Олеся Рудягина. Где Вы, мош Василе?3

Поли-АРТ

Галина Кочарова. «Жизнь ей лишь
радость сулила» 7

Пушкинская горка

Александр Попов. Вещество свободы 16
Марина Сычёва. Дождись, пожалуйста 67

В Россию?
В Россию!

Здравствуй, Смоленщина! 22
Вера Суханова. Из стихов о Смоленске 34

Зёрна и плевелы

Елена Кушнир. Исполнение желаний. Часть 2 35
Олег Панфил. Пролетая сквозь пролет 40

Поле
притяжения

Лаура Лазарева. Страхи 50
Сергей Сулин. Первая перелётная 97
Ангела Енаки. Открывая дверь 122

Эхо XX века

Ольга Тиховская. Эмиль Лотяну: «Показать,
насколько талантлив наш народ...» 56

ИНФО - поле
АРП РМ

Поздравляем! 73
АРП РМ – Участница Международной
книжной выставки 73

Ближние
зарубежья

Таджикистан. Поэзия и проза76

Михай Эминеску. Переводы Дианы Жалбэ	112
Из украинской поэзии.	
Переводы Нины Авидон	115
Интервью с Зоей Мастер	138
Пётр Шорников. Штопор «Перестройки»	143

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова, Сергей Пагын, Татьяна Орлова, Виктория Чембарцева, Михаил Поторак*

Литературный редактор и корректор – *Антонина Иванова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Ильина*

Отпечатано в типографии SRL "Metrompaş"

г. Кишинёв, ул. Фереедулуй, 4

ISSN 1857-1301

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции «Русского поля»

ГДЕ ВЫ, МОШ ВАСИЛЕ?

Мы, похоже, начинаем обречённо привыкать к аномальной жаре и, хватая ртом раскалённый воздух, без боя принимаем на веру апокалипсические пророчества легиона нострадамусов. Ежедневно местные СМИ приносят новости всё более безрадостные. Засуха. Наводнения. Грядущее повышение цен... Однако наши руководители, однажды приватизировав истину в последней инстанции, заняты, кажется, единственной проблемой возможно большего раскалывания общества.

Закрыт оппозиционный телеканал NIT. Запретили советскую символику. Объявили «гнилой раной на теле республики» Мемориал воинской славы «Вечность». Вот-вот начнут сносить... А вот тут, господа хорошие, – стоп! Всему есть предел. Делаем глубокий выдох и выходим из ступора!

Сегодня Молдова оказалась на переднем фланге антифашистской борьбы. Памятники, установленные в честь павших в Великой Отечественной войне воинов, в республике всё чаще подвергаются осквернению отморозков, оставляющих после себя фирменный знак – фашистскую свастику; гитлеровские холуи Второй мировой провозглашаются национальными героями, а легионеры экстремистских организаций маршируют рядом с унионистами по улицам наших городов, спасаясь от ярости граждан под трепетной защитой полиции. И если у кого-то и были иллюзии в отношении истинных целей «евроинтегрантов», то сегодня их не осталось вовсе. Цель – уничтожение суверенитета и государственности Молдовы, лишение её народа права на самоидентификацию и самоопределение.

...20 лет колотит и трясёт в политической лихорадке мою землю. 20 лет! Казалось бы – ну, вот, наконец, пришли господа либералы к власти! Правдами, неправдами, поджогами-погромами правительственных зданий, что до сих пор воспринимается одними – актом неслыханного в Молдове вандализма, другими – спонтанным (но хорошо организованным) революционным порывом ведомых университетскими преподавателями за ручки на площадь молодёжных масс.

Ну, так радуйтесь! Воплощайте предвыборные обещания: способствуйте возрождению и процветанию страны, помогайте людям выживать в период глобально-жесточайшего мирового кризиса, защищайте социально уязвимых, возвращайте работоспособных с ударных забугорныхстроек, поднимите из запустения вымирающие сёла, дайте возможность честно заработать предприимчивым, вкладывайте средства в культуру и образование, – заботьтесь, власти предрержащие, о своём народе, о простых людях, как о собственных детях, как о себе любимых! Наивно?! Но в такой маленькой стране, как Молдова, где граждане обладают золотыми руками, трудолюбием и колоссальным зарядом мудрости и терпения, – разве невозможно?! Построение такого вот скромного рая в отдельно взятой, благодатной, стране. Почему бы не объявить Эру национального единения и согласия, отбросив «измы» и реваншистские амбиции, почему бы не помочь людям перестать испытывать страх

перед будущим, каменя от несправедливости попирающих человеческое достоинство законопроектов, не выдёргивать у них почву из-под ног?! Почему бы не позволить им почувствовать себя хозяевами своей земли? Наконец! После, как вы заученно и проплаченно бубните, – веков тьмы владычества оккупантов. (Должно быть, в древних истлевших своих гробах перевернулись наши предки, освобождавшие эту землю в 1812 году от многовекового османского ига, в день объявления примаром столицы 16 мая – Днём траура!)

Старая притча о слепцах, исследующих слона на ощупь, повествует, как первый слепец провозгласил, что слон, – это змея. Другой горячо утверждал, что слон – верёвка. Третий истошно вопил: «Нет! Слон – это столб!» – в зависимости от части тела, оказавшейся у каждого под руками. Сегодняшние политики и ангажированные историки в понимании и трактовке истории представляют из себя таких же уверенных в своей правоте слепцов. И следовало бы их пожалеть, если бы не абсолютная уверенность в том, что все подтасовки и смещения акцентов делаются намеренно, и глаза отцов науки если и не заклеены скотчем новыми хозяевами, то безобразно услужливо косят. И вот уже нашим детям вещают в школах о легитимности власти 1918 года, расстрелявшей не проголосовавших за объединение с Румынией депутатов «Сфатул Цэрий»; «толерантности и человечности» фашистского диктатора Антонеску; «беспросветных ужасах» советского периода и *отсутствии в природе нации молдаван – «выдумки советских оккупантов!»*

Андерсеновский Тролль расколотил своё зеркало, миллиарды мельчайших осколков вселенского зла достигли наших широт и застили важным тётям и дядям честные государственные очи!

А что же делать с памятью старшего поколения, которое помнит, как всё было на самом деле: кто, пройдя голод, холод, тиф, мясорубку репрессий и войн, любовно отстраивал и воздвигал республику после, превращая её в цветущий «всесоюзный сад»; кто жизни положил на развитие промышленности Молдавии – испокон веков аграрной страны, на просвещение, образование и здравоохранение её народа, развитие науки и искусства?! Как быть с памятью среднего поколения, – о репрессиях уже только читавшего? Выросшего в республике, где во дворах играли друг с другом «разноязычные» дети; где один за другим сдавались в эксплуатацию целые городские жилые районы, предприятия и великолепные культурные центры: Ботаника, Рышкановка, Чеканы; заводы «Мезон», «Счётмаш», «Виброприбор», «Альфа»...; Оперный театр, Органный зал, Цирк, Национальный дворец, Дворец Дружбы, Центральный выставочный зал; где в каждой деревне обязательно строились книжный магазин и Дом культуры; где издавались прекрасные книги; где первого сентября ребятишки городов и сёл шли в новые школы и детские сады, а их родители гарантированно трудились и – представьте! – бесплатно получали квартиры! Как же быть со знаменитейшими фильмами, музыкой, пьесами, телевизионными и театральными постановками молдавских авторов – композиторов, режиссёров и сценаристов, – созданными в те годы, олицетворившими в мире Молдавию? Как быть с нашей памятью, в которой звучат имена людей, составлявших гордость национальной и, безусловно, советской культуры: Марии Биешу, Иона Друцэ, Эмиля Лотяну, Николая Сулака, Вероники Гарштя, Михаила Мунтяну, Евгения Доги, хоровой капеллы «Дойна»; ансамблей «Жок», «Норок», «Контемпоранул»; сотен актёров, певцов, музыкантов, писателей, поэтов, ставших звёздами в советские годы?! Как же с памятью?! А память можно объявить персоной нон грата и закатать под асфальт глухого тоталитарного забвения, грохнув на неё на центральной площади столицы гранитную глыбу!

...Несколько лет назад в информационной программе «Месаджер» я увидела сюжет, поразивший своей показательностью. В разгар очередной жесточайшей засухи корреспонденты нашли в Молдове хозяйство, практически от неё не пострадавшее. Пшеничные, подсолнечные, кукурузные поля не были испепелены дыханием Лаура-Балаура*. Как же так?! О, чудо, чудо!!! Мистика! Заколдованное место! О, Инопланетный Разум, слава тебе! – вскричали восторженные телезрители у экранов. Всё, однако, оказалось прозаичнее. В отличие от прочих – растерзанных и разворованных – колхозов, в этом хозяйстве умудрились сохранить советскую систему ирригации. И поля-огороды вовсе не думали пострадать от отсутствия осадков. Как же так? Почему у соседей, да и по всей стране такие системы – как мрачное наследие тоталитарного прошлого – разобрали на грузила, а тут всё целёхонько?! И тут (фанфары!!!) на экране появился герой, Сказочный богатырь, – такой, победивший огнедышащее чудовище, седовласый Фэт-Фрумос на заслуженном отдыхе, – в лице многолетнего сторожа системы. Добрый мош** Василе продемонстрировал волшебный «меч» – огромный разводной ключ. И поведал, что, когда односельчане пришли воодушевлённо громить «наследие прошлого», он просто вышел к ним навстречу с этим последним аргументом в защиту охраняемого объекта наперевес! И радужные струи живой воды до сих пор спасают урожай...

Где Вы, мош Василе?! Где Ваш волшебный ключ? Он, похоже, просто необходим для защиты страны от полнейшего разрушения и сползания в кровавый котлован возможных грядущих гражданских конфликтов, для реанимации заживо погребённой совести у тех, кому избиратели доверили свои жизни.

Кажется, всё просто: нужно упрямо идти от тьмы – к свету, от невежества – к знаниям, от плохого – к хорошему. Ан нет! Почему-то, как в театре абсурда, в нашем королевстве избирается худший сценарий развития событий: беспрецедентная поляризация общества, отсутствие чувства ответственности за судьбы собственного народа *сегодня*, бесконечное возвращение к горючей теме политических репрессий – *выстраданной, вскрытой и осознанной в СССР обществом ещё полвека назад*; опаснейшее зависание на грани гражданской войны!

«...от невежества – к знаниям». Нет, и здесь всё ровным счётом наоборот! Всем ясно, что «оптимизация», навязанная нам извне, приведёт к плачевным последствиям в образовании. Что сотни учителей останутся без работы; что автобусы, закупленные для доставки учащихся в соседние сёла, будут нещадно ломаться, застревать, опаздывать, биться на наших дорогах; что дети будут болеть, уставать, не успевать, комплексовать в чужой обстановке, пропускать уроки; что классы с тридцатью пятью учениками – это катастрофа и для учителей, и для учащихся! Первыми же, естественно, под удар попадают русские школы и лицеи. И ведь чиновников совершенно не интересует, насколько квалифицированы кадры этих учебных заведений, какой нравственный и образовательный потенциал несут, насколько успешны – по сравнению с другими – выпускники этих школ! Закрывать!

...Представьте себе ситуацию, когда вы, придя на приём к уникальному врачу-специалисту, находите на его месте... сантехника или завхоза (проведённого по конкурсу на замещение – внезапно признанной вакантной – должности). Невозможно? Отчего же! Скоро, видимо, мы будем сталкиваться с такой ситуацией повсеместно! Ведь стало возможным смещение высококлассного специалиста, директора кагуль-

* Лаур-Балаур – сказочное чудовище – дракон молдавских и румынских сказок.

** мош (moş) – дед (молд.)

ского теоретический лица имени С.В. Рахманинова, математика Тинны Николаевны Адваховой, отдавшей ему почти 25 лет жизни и превратившей унылую провинциальную школу в блестящее престижное учебное заведение! Стало возможным замещение её... *учителем физкультуры из сада-гимназии села Румянцево!*

Шестого апреля, обеспокоенная тучами, сгустившимися над головой директора, о проведении беспрецедентного безосновательного конкурса на замещение её должности *за два месяца до окончания учебного года (!)*, писала газета «Русское слово». Ничего не помогло – ни коллективные послания коллег Тинны Николаевны в Министерство образования, ни заступничество органов местной власти, общественных организаций и Русской общины, ни петиции родителей и детей, ни статья в поддержку неординарного руководителя, ни доводы здравого смысла. Пятого апреля Тинне Николаевне исполнилось 60, а уже *девятого* на её месте появился человек, никогда не работавший в лицее, понятия не имеющий, что сегодня представляет из себя этот сложный многофункциональный организм, любовно отлаженный Тинной Николаевной и её соратниками! Какие же такие грандиозные позитивные новшества ожидали коллектив лица с приходом навязанного ему руководителя? «Что делает новый директор?» – спросила я у кагульчан. «Красит! Его не устраивает цвет стен в лицее»... А в этом году здесь проходил семинар учителей французского языка, куда была приглашена и делегация из Франции. Гости были приятно поражены увиденным, и вовсе не стены стали объектом их пристального внимания.

В лицее применялись новейшие разработки и методики обучения, за четверть века лицей превратился в настоящий методический центр, куда перенимать опыт приезжали педагоги со всего юга республики. Сама Тинна Николаевна Адвахова восемь лет руководила методотделом директоров русских лицеев. В её лицее ребята свободно владели, кроме родного, государственным языком, углублённо изучая английский и французский; неизменно показывали высокие результаты на выпускных экзаменах и при поступлении в вузы, были востребованы за рубежом. И, может, самое главное: в лицее царил совершенно особый дух творчества и товарищества – ребята, стремясь к самоуправлению, создали детскую парламентскую республику, названную «ЧИЖ»: «чрезвычайно интересная жизнь»!..

Недавно, откликаясь на более чем неудовлетворительные результаты сдачи экзаменов на степень бакалавра выпускниками страны, премьер-министр заключил: «Современное обучение на нуле!» «Это неправда!» – уверена Тинна Адвахова. «Наши дети – успешны! В кагульском теоретическом лицее им. С.В. Рахманинова базовое образование очень сильное. Мы растим будущее страны!» Почему же тогда всё это богатство, весь этот уникальный опыт построения образцового лица, всю эту систему одаривания ребят прочными знаниями и *чрезвычайно интересной жизнью*, – вместо того, чтобы изучать, осмысливать, взять на вооружение и предлагать к использованию в других учебных заведениях, – отдают в руки «завхоза»?! Вопрос чисто риторический. Дальнейшая судьба русского лица очевидна и – символична. В действии – курс на уничтожение смысла всей жизни миллионов честных сердец и светлых умов минувших поколений, их страстного порыва к справедливости, гуманизму и свету! – Под асфальт! И Камень Г.*** на грудь!..

Мош Василе, где Ваш ключ?!

Олеся РУДЯГИНА

*** памятник «жертвам советской оккупации» прозван горожанами «Камнем Гимпу»

ГАЛИНА КОЧАРОВА

ЖИЗНЬ ЕЙ ЛИШЬ РАДОСТЬ СУЛИЛА...

Сегодня, когда я пишу эти строки об одной из самых великих певиц XX века, когда ещё не исполнилось и сорока дней с момента её трагического ухода из жизни, мы всё острее осознаем, чем была Мария Биешу для каждого из нас – для тех, кому посчастливилось называть себя её современниками. Страницы газет и журналов, Интернет, радио- и телеэфир буквально заполнены заголовками с её именем, и везде, как водится, принято перечислять профессиональные успехи и достижения, награды и премии Марии Биешу, оценивать её общественную деятельность...

Для тех же, кто возвращается в музыкальном мире, кто был с ней лично знаком (а мне довелось не только писать о ней, но и общаться с этой удивительной женщиной) Биешу была особым редким человеком, личностью, обладавшей исключительной, как принято ныне говорить, харизмой. Одновременно это была глубоко чувствующая женщина, чья душа чутко резонировала на события окружающей жизни, и именно потому её собственная судьба оказалась столь тесно связанна с музыкой и музыкальным театром, где она проживала еще одну, отдельную – художественную жизнь. Каждый образ, воплощенный ею на сцене, становился частью её самой, что делало героинь Марии Биешу такими естественными и искренними! Она словно воссоздавала их живой голос,

преломляя чувства персонажей сквозь призму своего уникального вокала.

О её волшебном, сразу распознаваемом среди тысяч других, голосе писали многие критики, как в нашей стране, так и во всех уголках света, где Биешу встречали благодарные слушатели. Но наиболее образную характеристику голосу певицы дала близкая подруга и биограф Марии Биешу Елена Вдовина в

своей талантливой биографии Марии Биешу: «Итак, голос. Само его звучание завораживает неповторимой красотой, свежестью, полнотой звука. Тембр его заключает в себе собственную волнующую выразительную силу, подобно, скажем, собственной выразительной силе цвета у импрессионистов. В этом голосе – богатейшая гамма тембральных нюансов и красок: алмазно-чистый блеск, тёплая, нежная матовость, насыщенные бархатно-глубокие тона».¹

Марии Биешу был свойствен и особый драматический талант, базирующийся во многом на природном артистизме и редкой интуиции. А ей он был особенно необходим – ведь если взять сыгранных ею героинь, которых было не менее тридцати, Марии Биешу (как она сама отмечала это) постоянно приходилось переживать на сцене трагические моменты их ухода из жизни, за редкими исключениями, вроде ролей Иоланты, Татьяны или Турандот. И в каждой из таких сцен ей удавалось достичь сильнейшего воздействия на зрителя: я не могу забыть, как, сопереживая ей в сцене смерти Мими на спектакле «Богемы» 1977 года, сама невольно обливалась слезами, хотя прекрасно знала оперу и, конечно же, понимала всю условность театрального действия.

И, как ни грустно об этом думать, но мне сегодня всё больше кажется, что на жизнь самой Марии Биешу словно спроецировались слова из арии Лизы, несчастной героини «Пиковой дамы» П. Чайковского, где в начале звучит фраза «Жизнь мне лишь радость сулила», но потом – «Туча пришла и грозу принесла, счастье, надежды разбила»... И, действительно, судьба Биешу была очень счастливой в плане певческой карьеры, но безоблачного счастья, как мы знаем, не бывает, и это, к сожалению, отразилось на личной жизни и состоянии здоровья в последние годы певицы.

А как всё красиво и, в чём-то даже неожиданно, начиналось! На первых этапах творческой жизни Марии Биешу её всё время словно вёл за руку счастливый случай. В этой связи хочу поделиться тем, что мне совсем недавно рассказала одна из представительниц старшего поколения местных музыкантов Людмила Гончарук (хотя о достоверности этой версии мне трудно судить). По словам Людмилы, её мать, эколог по образованию, находясь в районе в служебной командировке, впервые обратила внимание на талант будущей примадонны, услышав, как в поле замечательно поёт девушка на тракторе. Спросив у людей, кто это, получила ответ: «А, это Мария, наш соловей!» Тогда Мария Биешу пела для себя, по внутренней потребности души, пела много и самозабвенно, поражая окружающих своим поставленным от природы голосом. Далее рассказчица продолжает: «Мама, вернувшись, сообщила мне о своей музыкальной находке, а я, в свою очередь, – Тамаре Чебан, которая вместе с Николаем Киосой сразу же поехала послушать певицу-самородка, чтобы лично убедиться в её таланте. Они сразу предложили Марии поступать в консерваторию».

В монографии Е. Вдовиной описание этой ситуации отсутствует, но подчёркивается, что Марию заметили на районной олимпиаде самодеятельного искусства в 1955 году, и тогда же – на Республиканском смотре художественной самодеятельности, после чего её выступление даже включили в программу праздничного концерта. Вступительные же экзамены не обошлись без неприятных событий – простуда, да ещё и ушибы и ссадины, которые Мария получила при падении,

¹ Вдовина Е.В. «Мария Биешу: Страницы биографии». – Кишинёв: Лит. артистикэ, 1984.- С.94.

усугублялись неудобством наряда, в который её одели новые друзья по общезнанию, непривычностью высоких каблуков и подтекавшей косметикой на лице. Всё было новым и волнующим для простой девушки из народа, оказавшейся в большом городе и с трепетом ожидавшей выхода на сцену перед авторитетной комиссией. Дома она тоже не сразу получила поддержку в своём желании стать артисткой. Мария Лукьяновна с юмором рассказывала в одном из своих интервью о том, как восприняла её мама известие о поступлении дочери в консерваторию: «Она бегала за мной по двору с веником и кричала: “Как, ты училась в сельскохозяйственном техникуме, а теперь собираешься делать консервы?!”».

Тогда ни Мария, ни её заботливая мама даже не помышляли о грядущей славе, ведь ещё многому предстояло научиться в консерватории. И вновь Биешу повезло: она поступила в класс вокала к Сусанне Лукьяновне Зарифьян, которую потом всю свою жизнь поминала добрым словом. Этот педагог не только заложила базу профессионального образования Марии Биешу, но и научила много и настойчиво работать, причём работать со смыслом, со вниманием относиться к каждому звуку и каждому слову. На протяжении всей своей жизни певица помнила этот завет, а коллеги и работавшие с ней опытейшие концертмейстеры всегда отмечали огромное трудолюбие и особо ответственное отношение Марии к разучиваемым партиям.

Так что был ли случайным взлёт Биешу на Олимп вокального искусства, – большой вопрос.

В консерватории умение беззаветно трудиться, осваивая профессию музыканта, ей очень пригодилось – и на сольфеджио в классе Леонида Саввича Борова, и при обучении игре на фортепиано у юной тогда преподавательницы Изольды Милютиной, в будущем видного музыковеда и близкой подруги Биешу. С семьёй Милютиных Марию вообще многое связало по жизни – недаром она всегда считала себя особенно обязанной Борису Семеновичу Милютину, «виновнику» своего первого звёздного успеха. В своё время, когда я писала монографию об этом удивительном человеке и известном дирижёре, он рассказал мне о событии, которое выдвинуло Марию Биешу в первые ряды молдавской оперной элиты: «В театре, когда готовилась к постановке «Тоска» Пуччини, возникла неприятная ситуация: одна певица, исполнявшая партию Тоски, заболела, а с Эмилией Парники у нас на репетиции возник конфликт – она не хотела меня слушаться, и я отвел её от исполнения. А поскольку я хорошо знал возможности Биешу с тех пор как она занималась у меня в оперном классе, то решил ввести в спектакль её, что мы и сделали с Платоном». Фантастически повезло тогда Марии, как повезло и оперному театру, и здесь, конечно же, если судить по первому впечатлению, особую роль снова сыграл его величество Счастливый случай. Однако везения в таких случаях явно недостаточно, а определило звёздную судьбу Марии то, что к тому моменту она прекрасно знала партию Тоски.

В том же, что после премьеры «Тоски» в 1962 году Мария Биешу, как обычно говорится в таких случаях, «проснулась знаменитой», сыграли роль и многие другие факторы, в том числе и опыт преодоления препятствий, которые ожидали её во время учёбы. Ведь тогда Биешу, кроме специальных дисциплин, приходилось изучать и общеобразовательные предметы. И в этом смысле ещё одним человеком, сыгравшим особую роль в студенческие годы Марии Биешу, стал Леонид Симонович Гуров. Как рассказывала мне в своё время его супруга, Ревекка Осиповна Гройсзун (она много работала с вокалистами, ещё будучи концертмейстером в классе Лидии Бабич), у Марии никак не хотел принимать экзамен по эстетике Александр Кириллович Суслов, и лишь после того, как Леонид Симонович привёл его, что называется, за ручку, послушать пение Биешу на одном из экзаменов, ситуация разрешилась – настолько бескомпромиссный обычно Суслов был покорён её талантом.

А каким великим счастьем, дарованным самим небом, был для Марии-студентки её голос! Однако и здесь возникали проблемы: на определенном этапе обучения его богатые возможности настоятельно потребовали верного определения вокального амплуа. С Биешу разучивали то сопрановый, то меццо-сопрановый репертуар, и лишь после заключения Акустической лаборатории при Московской консерватории и прослушивания в Киевской консерватории у самых авторитетных профессоров педагоги смогли сделать окончательный вывод о природе голоса Марии. Но по-настоящему она ощутила, как надо петь оперным голосом, слушая арию Тоски в исполнении Марии Каллас, своего кумира. Позже Биешу встретится с ней «на равных», и в её архиве займёт почётное место фотография Марии Каллас от 1997 года, с дарственной надписью великой певицы.

И как же символично было то, что счастливый дебют Марии Биешу состоялся именно в «Тоске»! Традиции *belcanto*, освоенные ею органично и естественно в годы учёбы, стали после этого на всю жизнь главным ориентиром Биешу, найдя в её пении наивысшее проявление. Правда, далеко не все записи, сделанные когда-то, могут дать должное представление о красивейшем, свойственном только ей, полётном тембре в высокой тесситуре, о насыщенных обертонах среднем и нижнем регистрах. Все эти лучшие качества её голоса сохраняются лишь в записях современных, выполненных на должном техническом уровне. Судя по ним, можно понять и то, на чём была основана присущая Марии Биешу удивительная вокальная приспособляемость к разнообразному в жанровом отношении репертуару. Она всегда чувствовала себя не только оперной, но и камерной певицей, а как истинная дочь родной земли, она всегда отдавала дань её песням – и тогда, когда работала во «Флуераше» у Сергея Лункевича, и потом, в концертах, где выступала с романсами и народными песнями.

Среди её видеороликов, выложенных на YouTube, можно найти, например, «Свадебную песню» – фольклорную музыкальную зарисовку, где покоряет всё: и фото молодой Марии, пленяющей белозубой улыбкой, мягкой волной блестящих волос и светящимися счастьем глазами, и яркое, полнокровное звучание голоса, и темпераментная, зажигательная манера исполнения. В другом ролике, где Мария по-своему поёт излюбленную в свое время Тamarой Чебан «Дойну» Евгения Коки, она создает, на мой взгляд, не меньший шедевр, чем даже в партиях своих оперных героинь, – настолько ощущается её абсолютное чувство полной самоотдачи родной природе и по-настоящему народному мелосу. Здесь, особенно в

первом, более медленном разделе, как нельзя лучше оцениваешь гибкость голоса Биешу, тонкую, детализированную интонацию, точную мелизматику, широкое, полной грудью берущееся дыхание.

А ещё на моей памяти – очень смелая попытка, сделанная в своё время Марией Биешу, когда она, вслед за Марией Каллас, решила в одном из концертов спеть арию Розины из «Севильского цирюльника» Россини и легко справилась с ней. Правда, слава Богу, что дальше этого дело не пошло, ведь могло получиться и так, как было когда-то с Зарой Долухановой, решившей расширить диапазон своего насыщенного, но мягкого и гибкого меццо-сопрано, а в результате слишком облегчившей его тембр и потерявшей индивидуальную окраску в нижнем регистре.

Свой богатый голос Мария Биешу сохраняла долго, и даже в 2006 году, уже в солидном возрасте, она с успехом выступала в Москве, в Доме учёных, в одном концерте с молодым Давидом Гвинианидзе, и в шубертовской Ave Maria покоряла зал, в котором сидела и Ирина Архипова, мастерством филировки звука на верхних нотах. В консерватории же все данные от природы качества голоса только отшлифовывались, и, оканчивая консерваторию уже у Полины Ботезат, к которой Мария была переведена после ухода С. Зарифьян на пенсию, Биешу уже была обладательницей настоящего сокровища. А накопив сценический опыт в оперном театре, куда была принята сразу после окончания консерватории, и выступая на концертах и фестивалях, получила всеобщее признание и, главное, ещё один, вполне заслуженный подарок судьбы – поездку в 1965 году на стажировку в Милан, в знаменитый театр La Scala.

Правда, в Италии её голос никто и не пытался ещё более совершенствовать, и для Марии те два года стали лишь новой ступенью на пути освоения итальянского языка и нового оперного репертуара. Но зато в будущем итальянская репертуарная линия на многие годы определила и афишу ставшего для неё родным домом Молдавского оперного театра, и программы организованного ею и приобретшего всемирную известность фестиваля «Приглашает Мария Биешу», словно магнит притягивающего по осени в Кишинёв музыкантов из разных стран. Всех их словно влечёт волшебная магия самого имени Биешу – певицы, которую Григоре Виеру как-то назвал «золотой розой в ладонях Родины».

Право приглашать в гости в Молдову, право быть лидером в своём искусстве она получила, как известно, блестяще заявив о себе на Третьем международном конкурсе имени П. Чайковского в 1966 году и, конечно же, завоевав на следующий год в Японии Золотой кубок и титул «Лучшей Чио-Чио-сан мира». Выступая там на Первом международном конкурсе певиц «Мадам Баттерфляй» в скромном кимоно Миуры Тамаки, доставшемся ей, опять же, по воле случая, Мария Биешу покорила всех глубиной трактовки образа юной гейши из Нагасаки настолько, что в дальнейшем по-прежнему оставалась лучшей исполнительницей этой партии. Всегда была она и почётной гостьей Страны восходящего солнца, и не раз входила в состав жюри на следующих конкурсах. И не случайно, через сорок лет после победы Биешу, конкурс «Мадам Баттерфляй», – возобновлённый после длительного перерыва благодаря стараниям не только японской стороны, но и самой Марии, – принимала Молдова.

Именно в этих ипостасях – в фольклорном репертуаре и в партии Чио-Чио-сан – Мария Биешу произвела на меня лично сильнейшее впечатление ещё до моего приезда в Кишинёв: ту, первую для себя информацию о ней, я получила

из телевизионных передач. И лишь позже мне довелось услышать её пение «вживую», в оперных спектаклях и с концертной эстрады, когда со сцены звучали арии и романсы русских и зарубежных композиторов и, конечно, столь дорогие для певицы, принадлежавшие разным авторам версии Ave Maria. Особенно она любила их у Шуберта и Каччини. Наверное, когда она пела их, ей казалось, что дорогой ей божественный образ не только хранит её в минуты погружения в мир музыки, но и сопровождает всю жизнь, – так же, как знаменитая молитва Нормы Casta diva.

Всегда дорогим для неё был и образ матери. Маму, которую Мария и её сёстры берегли и лелеяли, преданно заботясь о ней, Биешу воспела в романсе Златы Ткач *Chipul mamei* («Образ мамы»), запись которого также есть в Интернете. Звучание романса отличается особой проникновенностью и теплотой. Она была бесконечно любимой и преданной дочерью своей мамы, Татьяны Степановны, с которой старалась всю свою жизнь быть рядом, ради чего отказалась даже от предложенной ей блистательной карьеры за рубежом. Сама же Мария, не испытав счастья материнства, стала мамой для многих: для всех своих крестников, для семьи сестры Вали, для её внуков, которых растила как собственных и которым передала часть своего музыкального таланта.

Материнское, женское начало всегда ощущалось и в обращении Биешу со своими коллегами и сотрудниками организованного ею Союза музыкальных деятелей, призванного, по её мысли и по мысли её ближайшей подруги и не менее великой певицы Ирины Архиповой, хранить традиции и ценности музыкальной культуры страны, находить и поддерживать новые таланты, воспитывать молодое поколение. Под эгидой Марии проходили исполнительские конкурсы, мастер-классы крупных певцов, инструменталистов и дирижёров, благотворительные концерты, оказывалась поддержка ветеранам и многое другое. Долгие годы этот творческий союз также поддерживался силами единомышленников и помощников Марии Биешу, в основном, женщин, и потому, наверное, здесь всегда царил атмосфера доброжелательности и радушия, отношений без официоза и «закулисья», без какого-либо авторитарного давления. Здоровый дух всегда был обеспечен в Союзе особым пиететом по отношению к нашей Примадонне: нельзя было не понимать, что личность Биешу словно господствовала над суетой и неурядицами бытового существования. В её же собственной жизни она побуждала себя быть выше даже той обидной для всех несправедливости, которую пришлось переживать за последние два десятилетия, когда на нашу общую судьбу опустилась та самая «туча» политических распрей и экономических потерь. Великая артистка лишь в некоторых интервью позволила себе посетовать на то, что все её многолетние заработки «сгорели» в банке после развала Союза ССР, что в ряду заслуженных ею званий стали «стесняться» упоминать о титулах Народной

артистки СССР, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской и Государственных премий...

И как знать, если бы не мизерный размер её пенсии и неподъёмные расходы по содержанию дома (а особняк этот, кстати, был получен Марией ещё при советской власти), она, возможно, смогла бы, серьёзно заболев в конце жизни, намного раньше обратиться к московским врачам и продлить свои дни на этой Земле! Земле, где она, кстати, испытала гибельное воздействие Чернобыля, где Марии Биешу пришлось выступать в самые опасные дни наиболее активной радиации (не оттуда ли её болезнь?)...

А как тяжело психологически приходилось ей, знаменитой на весь мир артистке, когда она обивала вместе со своей преданной помощницей Прасковьей Бергия пороги приёмных министерств и потенциальных спонсоров, униженно выпрашивая средства на проведение планируемых Союзом конкурсов и фестивалей! Ручеёк милостиво жертвуемых ей на это денег всё мелел и мелел с каждым годом, и далеко не все представители нынешней власти стремились «осчастливить» своим присутствием спектакли и концерты, задуманные и реализованные лишь благодаря авторитету Биешу и безграничной любви преданных ей помощников и поклонников! И какое счастье, что имя им – рать...

Это ещё раз продемонстрировало всенародное прощание с Марией Биешу, рельефно высветившее истинный масштаб этой крупнейшей личности современного музыкального мира. Последнюю дань уважения и восхищения пришли отдать ей не только (я бы даже сказала – не столько) официальные лица. Огромная человеческая масса, объединив людей, приехавших с разных концов Молдовы и едва ли не всё население Кишинёва, прошла 19 мая 2012 года по ступеням Национального театра оперы и балета (теперь уже гордо носящего имя Марии), а затем проследовала в траурной процессии по улицам молдавской столицы до Армянского кладбища, где великая певица и нашла упокоение рядом со своей мамой. Последние аплодисменты и море цветов – всё, чем мы смогли отблагодарить Марию за сделанное ею для Молдовы и для каждого из нас.

Знаком особого поклонения и признания интернациональной значимости фигуры Марии Биешу стали выступления на панихиде приехавшей из Румынии замечательной певицы Феличии Филипп, давней подруги Марии, и Владислава Пьявко, не раз бывшего гостем фестивалей «Приглашает Мария Биешу», а ныне возглавившего Союз музыкальных деятелей России после ухода из жизни его супруги, Ирины Архиповой. И то, что он возложил на могилу певицы венки от своего имени и от имени своей организации, воспринималось как дань памяти нашей Примадонны от имени всей России – России, чьей культуре была всегда привержена Мария Биешу!

Об этом она отдельно сказала в дни фестиваля осенью 2011 года в интервью Ольге Ляховой: «Я не считаю себя зарубежной. Я Москву люблю, здесь я выросла, здесь пришла ко мне моя слава. Я люблю русскую музыку, я пела Чародейку, которая мне очень нравилась, Лизу, Иоланту»... Конечно, в этих фразах сквозила ностальгическая боль её души по прошлому, по огромному культурному пространству Советского Союза, где Марию Биешу всегда встречали с восторгом, по годам молодости, когда в жизни ей ещё только предстояло охватить так много новых, светлых впечатлений. Воспоминания давали силу бороться и надеяться, Мария не раз говорила: «Вот я выберусь и ещё спою». А на прошедшей в 2009

году презентации книги *Viața mea e un turneu...*², когда юный скрипач исполнял обработанную Борисом Дубоссарским арию Нормы *Casta diva*, мне показалось (и потом Мария Лукьяновна подтвердила это в разговоре со мной), что она, ощущая внутри себя каждый звук этой божественной мелодии, словно соучаствовала в исполнении. Тогда в ней, видимо, ещё жил прежний великолепный голос. Последнее же публичное выступление Биешу на публике состоялось на открытии последнего организованного ею фестиваля осенью 2011 года, когда она, сидя в кресле, ослабевшим, но вполне узнаваемым голосом, спела всё же один куплет из любимого романса *De se nu-mi vii*. Эта трогательная сцена, выложенная видеозаписью в Интернет (хотя многие считали этот эпизод ненужным, снижающим впечатление от образа Марии), осмысливается сегодня как прощальный взгляд певицы на свой артистический путь. Для меня же она невольно ассоциируется с недавно услышанным и очень трогательным стихотворением поэтессы-любительницы А. Остапенко, тоже недавно ушедшей из жизни:

Ода романсу

Романс – высокой ноты чистота.
В нём столько светлой грусти и печали,
Слова любви и красоты
Проникновенно в нём звучали.

Он вдруг вернул издалека
Торжественным призыванием искусства
Ушедшее, казалось, навсегда,
Но заново прочитанное чувство.

Возможно ли теперь принять
И всепрощение, и милость
От той любви, что не свершилась,
Что не смогла тепла нам дать?

Возможно ли ответить ей?
Она и посейчас тревожит,
Она не хочет и не может
Уйти из памяти моей.

И сегодня я вижу в этой последней попытке Марии Биешу спеть на фестивале своего имени её стремление отдать людям в последний раз хотя бы то, что она ещё могла им дать. И Мария сделала это пусть не сама, но силами участников заметно помолодевшего в последние годы фестиваля, который вскоре должен отметить свой юбилей. Одновременно это – и дань традициям народа Молдовы, которому она всегда оставалась верна: ведь не случайно Мария Биешу завещала похоронить себя в молдавском национальном костюме – так, как когда-то она пела во «Флуераше». И лишь на ногах у неё были, кажется, туфли Турандот...

² Maria Bieșu. *Viața mea e un turneu...* – Chișinău: Editura Cartea Moldovei, 2009.

Нам, современникам Марии Биешу, остаются в наследство не только воспоминания, книги, статьи и широкая пресса, сохраняющая память о ней. В отличие от голосов певцов прошлого, не имевших такой возможности, её голос запечатлён на дисках, пластинках и видеозаписях, о ней сняты кинофильмы, включившие в себя документальные кадры и музыкальные эпизоды с её участием. Сильнейшие впечатления дарит зрителю и фильм-экранизация оперы «Чио-Чио-сан», где партнёром Марии был Владимир Атлантов. То, как представлена в этом фильме трагедия маленькой японки, и посейчас вызывает состояние катарсиса в наших душах, ещё раз подтверждая исключительную силу таланта и благородство жизни той, что посвятила себя великому искусству Музыки и Театра. О том, почему свой уникальный и незабываемый голос она так долго и радостно дарила людям и, как всякий глубоко верующий человек, – Богу, Биешу сама как-то сказала: «Из вечной книги Святого Писания мы узнаём, что и в небесах поют. Сонм ангелов хвалит пением Господа. И, может быть, именно отсюда пришло в наш язык выражение, так много говорящее – “поет, как ангел”... Это значит, что человек, о котором так говорят, поёт так красиво, что красивей быть не может...»³

Сама Мария Биешу пела именно так – и как человек, и как ангел, словно понимая свою особую миссию на этой земле, – ведь красивей чем пела Мария, наверное, петь никто больше и не сможет...

3 июня 2012 г.

³ Vă invită Maria Bieșu. Viziuni actuale asupra operisticii și baletului. Chișinău: Uniunea Muzicienilor din Republica Moldova, 2000, p.3 (перевод – Г. Кочаровой)

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

АЛЕКСАНДР ПОПОВ

ВЕЩЕСТВО СВОБОДЫ

* * *

Холодный март, нечестная игра.
Танцуй со мной, не выпускай из спальни.
Темно внизу и в небесах дыра,
а где мой дом давно никто не знает.

Этаж такой, весь в небе-океане,
чуть оступись: прости-прощай, земля!
Как хлеб для чаек память, жизнь предстанет,
когда уснём, смиримся – ты и я.

У воли божьей множество имён,
так много их, что не упомнишь, чья.
А он и сам попутчик, не судья,
когда весна уносит этот дом.

Смотри со мной на занесённый склон,
на бодрых воробьёв у краешка времён.
Вот солнце вновь спасает нас сквозь стёкла,
а мы ничьи, ничьей мечты осколки.

Как в мире целых треснувший кувшин
чуть дребезжит от грохота машин,
ждёт часа своего, давно ему пора:
холодный март, недетская игра.

Мы будем жить, весна лишь началась,
и воздух льётся в наши души всласть.
Молчи со мной, чтоб перейти границу,
где мы могли на черепки разбиться.

Пусть нам приснится дальний свет предгорий
и моря шум, и лодки в этом море,
в которых будем плыть мы до утра:
холодный март, безбрежная игра.

* * *

Вещество свободы
хранится за семью печатями, за тридевять земель,
неблизкий путь.

По скользким тропинкам безумия,
через долину разбитых сердец,
мимо пропасти отчаянья,
как кому повезёт,
опираясь на мгновения, которые навсегда изменили
всё, что было до них.

Для вещества свободы
нужен крепкий пустой позвоночник,
флейта времени,
посредник великого смертельного безмолвия
и простых вещей, которые дороги сердцу.

Переплыв реку смерти,
начинаешь догадываться, каким будет море,
с трудом вспоминаешь, почему не сиделось дома,
и это – уже неважно, всё, что есть.

Что искал? То, не знаю что.
Куда шёл? Туда, не знаю куда.

Все дороги вели к веществу свободы:
прикоснёшься – ничего нет,
одно неуловимое электричество,
обнимемся при встрече – будто простились,
остаешься неподвижным – жизнь несётся сквозь тебя:
неуловимое электричество, река бесконечности,
неблизкий путь.

* * *

Богам любви неведома жестокость,
поэтому и жалость ни к чему.
Они безумно отмеряют сроки,
ни жизнь, ни смерть не ставя нам в вину –
но только выбору внимают твоему.

Должно быть, так во тьме лесов весенних
прислушиваются волки к высоте,
к движениям, полным звуков, крови, звеньев
их бега по живительной тщете,
и сами они тщетны, и не те,
чей замысел всего здесь вдохновеньем.

И я пригубил от любви однажды,
глупец бесстрашный, как и все глупцы –
потерями сменяются дары
и жертвами в курильнях безучастных.
Где ты вчера любил, боготворил, был счастлив –
сегодня вечности штудируешь азы
и платишь за науку ежечасно
самим собой, до полной чистоты,
и лишнего почти что не осталось.

Немногое теперь само собой
и продолжение требует усилий.
Всех струн дрожанье, всех сухожилий строй –
обезоруженные часовые
грядущего, чей тайный кислород
у жизни прежней,
у смерти на поруки нас берёт.

* * *

Ветра листают твой календарь.
Выйди из дома, посмотри в осеннее небо –
что у тебя отняли?
чего никогда не будет? –
ах, всё это смешно,
когда пахнет первым морозом,
когда во снах твоих солнечно,
когда сказаны все слова, –
а что-то по-прежнему далеко
и нет остановки

Вот мы были с другими
и были одни,
звёздные тяжёлые сети
приходили по наши души, –
ах, они не щадили
лет наших кратких, сердец живых.
Не плачь, детка, не плачь.
Далеко ещё, далеко
и нет остановки

Расскажу тебе другую сказку,
новую и волшебную –
будто на заднем дворе твоего дома
что-то происходит – что там?
большая жизнь, осмысленные движения света,
на заднем дворе твоего дома,
кто бы мог подумать!

HighWay у самых дверей,
и где!? – в такой глуши!
где, казалось, уже никто никогда...
так темно бывает, детка, так темно...
и вдруг, вот это –
подъезжают какие-то огромные,
гружённые светом, дальнобойщики чуда,
большая жизнь, осмысленные движения света
и нет остановки

* * *

Твои праздничные цветные ленточки
так легко выскальзывают из рук...

Я уже где-то видел это –
вот их было так много,
таких ярких, таких чудесных!
потом ты просыпаешься,
а вокруг чужие сны
и сердце украли.

Отчасти дело в том,
что мой хватательный рефлекс уже не тот,
ведь мне уже за сорок
и я прикасаюсь к тебе как к чуду,
зная, что время обожает уносить цветные ленточки
прочь,
снимая мясо до костей.

И после этого, перед тобой долгие-долгие дороги,
о которых не хочется рассказывать,
но однажды выходишь из темноты,
смотришь на праздничный фейерверк
и не знаешь, где проснёшься.

Не осуждай меня
за то, что не проявляю цепкости хищника,
схватившего кусок мяса.

Твой праздник прекрасен,
лёгкие шёлковые ленточки ласкают кожу
и чужие сны почти незаметны.

* * *

В Кишинёве перемены к лучшему на каждом шагу,
кислород льётся в каждую клетку.
Моё сердце съедает все, что ему дают,
и говорит спасибо,
ведь могло и вовсе не быть
этого лета.

Любовь это кайф в самом начале и уже потом,
много после,
если ты выжил.
А по ходу –
перемены к лучшему и ничего случайного.
И теперь
я танцую по каждому поводу
между восторгом жить и минами неудачника,
между радостью воздуха и чёрным отчаяньем –
вначале никогда не знаешь, что окажется ближе.

Когда над городом проходит гроза...
солнце в разрывах облаков, дома, деревья, столпы света –
смотришь на жизнь с высоты холмов
и ничего не жаль.
Всё на огромной скорости обретает своё место,
просто ты ещё не знаешь
где это.

Я люблю тебя, Кишинёв!
Дворов твоих звёздная темнота
пропавшая
оберегала наши сердца до срока,
учила любить, щадить, не умирать,
по возвращении из дальней дороги
ни о чём не спрашивает.

Навсегда – это слишком много для маленького человека.
Днём на улицах торгуют черешней,
персиками и прочими земными радостями... –
кто здесь надолго?
Как говорит мой друг:
– Нет никакого завтра. Любите сейчас.
Я здесь побуду ещё немного –
день, месяц, пару лет... пласт вечности
перевернётся, опрокинется, не останется.
Всё к лучшему для золотой пылинки,
мгновения,
проблеска,
ускользающе малого в нас.

* * *

Каждое слово, что было вначале –
окончательно и случайно.

Мне нравился змеиный её язык,
ласковый холод, пробирающий каждое пёрышко
незримых крыльев,
опасная нежность,
изысканное воровство...

Юность любит то, что её разрушает.

мы остаёмся друг в друге, как тёмные реки
не совпадаем всегда, изначально, конечно, навеки

Юность с лёгкостью делает мантрой
случайные имена,
странные отблески,
первые капли дождя...

безобидный наркотик невинности,
дрожь нетроннутых вен

И теперь,
когда на всех нас снисходит
сплошная великая смертельная благодать,
я вспоминаю с удивлением и любовью
каждое слово, что было вначале

будто в сумерках, на исходе дня
птиц выпускаю на волю,
а они кружат, кружат
и вот-вот улетят...

АЛЕКСАНДР ПОПОВ относится к поэзии как некоему шаманскому ритуалу, целью которого, предположительно, является поиск целостности восприятия отдельных чудес и жизни в целом. Для автора, для читателя, для Речи. Выпускник факультета журналистики КГУ, лауреат литературной премии “Белый Арап”, соавтор книг “Малыш или Пляски с чёрной собакой”, “Школа сновидений”. Автор книги стихов “Not бизнес”. Занимается информационной архитектурой социальных сетей и других интернет-проектов.

ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНЩИНА!

«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины», – люди постарше со школьной скамьи помнят строки этого пронзительного военного стихотворения Константина Симонова. Стихотворения, с которого для многих начиналось осознание Родины и своей ответственности за неё, – за Россию.

*«Нас пули с тобою пока ещё милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился...»*

В Смоленскую землю уходят корни 24-х княжеских родов, среди которых Вяземские, Дашковы, Ржевские, Татищевы. Под сенью смоленского Гамаюна, вешей птицы, изображённой на гербе Смоленской области, зарождалась трехсотлетняя династия русских царей. Из тридцати одного колена родословной великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина четырнадцать колен занимают смоленские князья. Через смоленских князей Всеволожских род Пушкиных восходит к Рюрику.

Смоленщина – колыбель многих известнейших людей, чьи имена остались в мировой истории, в литературе, науке, музыке и искусстве. Здесь – родина русского полководца, генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова и первого в мире космонавта Юрия Гагарина; маршала Советского Союза Михаила Тухачевского; композиторов Михаила Глинки и Александра Даргомыжского; писателей и поэтов Александра Грибоедова, Александра Твардовского, Айзека Азимова, Михаила Исаковского; знаменитого путешественника Николая Пржевальского и ведущего учёного-почвоведов Василия Докучаева; авиаконструктора Семёна Лавочкина и скульптора Сергея Коненкова; актёров Михаила Яншина, Анатолия Папанова, Юрия Никулина...

Сегодня Смоленская земля принимает активное участие в осуществлении Государственной программы оказания содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа в Российскую Федерацию. По итогам 2011 года по этой программе в Смоленскую область прибыл 61 участник и 40 членов их семей. Переселенцам была предоставлена возможность обустроиваться в Велижском, Гагаринском и Ярцевском районах. До конца этого года участниками программы станут еще семь районов: Вяземский, Глинковский, Духовицкий, Еришский, Карымовский, Монастырщинский и Сафоновский.

Из истории края

Смоленская область – уникальный в географическом, историческом, культурном и экономическом отношении край. Много сотен лет назад здесь проходил торговый путь «из варяг в греки» – основная артерия славянских народов, которая, связывая север с югом, перекрещивалась здесь с дорогами, ведущими с запада на восток. В IX веке Смоленск был центром края, простиравшегося от Новгорода на севере до Киева на юге, от Полоцка на западе и до Суздаля – на востоке. На XII век приходится период расцвета Смоленского княжества. В это время начинается монументальное строительство, возводятся храмы, которые становятся гордостью русского зодчества. Смоленское княжество насчитывает 46 городов.

Целый век Смоленская земля процветала. А в 1230 году страшный мор опустошил её. Вслед за этим последовали нашествие Батые на Русь, агрессия Литвы... Монголы, дойдя до стен Смоленска, не смогли разорить его, но город платил им дань с 1274 по 1339 годы.

В 16 веке Смоленская земля становится частью сильного русского государства, однако её существование нельзя назвать спокойным. Объединившиеся с поляками литовцы не прекращают попыток вернуть утраченные ими территории, защита которых становится теперь уже общерусской задачей. Именно в это время Смоленск стали называть «ключом» Москвы.

В XVIII веке Смоленск получает статус губернского города. Начинается активное строительство, увеличивается торговый оборот. Но наступает 1812 год, и снова Смоленск встаёт на пути врага – на этот раз наполеоновских полчищ. 22 октября (3 ноября) около Вязьмы русские войска нанесли поражение отступавшей наполеоновской армии.

Во второй половине XIX века Смоленск становится крупным железнодорожным узлом. Это способствовало развитию торговли и промышленности.

Город продолжал энергично развиваться и после Октябрьской революции. В это время в Смоленске и области создавались предприятия крупной промышленности – льнокомбинат, машиностроительный завод и многие другие.

Мирное созидание было прервано войной. Летом 1941 года на смоленской земле разыгралось Смоленское сражение, в результате которого было задержано стремительное наступление гитлеровцев на Москву.

Война нанесла области колоссальный ущерб. Более двух лет Смоленщина находилась в немецко-фашистской оккупации. После неё в Смоленске осталось лишь 7% неповрежденной жилой площади, разрушенными оказались более ста промышленных предприятий. В развалинах лежали Вязьма, Гжатск, Ельня, Дорогобуж, Велиж, Демидов, Духовщина, Рославль...

Сознавая огромное значение Смоленской области для страны, правительство СССР в 1945 году включило Смоленск и Вязьму в число 15 русских городов, подлежащих первоочередному восстановлению, для чего были созданы все условия. В кратчайшие сроки после Великой Отечественной войны область была восстановлена. Вскоре объём промышленного производства превысил довоенный уровень и продолжал расти с каждым днём. В ознаменование заслуг жителей города, Смоленску было присвоено звание города-героя.

В 2013 году Смоленск будет праздновать 1150-летие со дня основания.

Карта Смоленской области в разрезе территорий вселения

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ СЕГОДНЯ

Смоленская область расположена в центре Восточно-Европейской равнины, на крайнем западе Российской Федерации. Область входит в состав Центрального федерального округа и по сетке экономического районирования принадлежит к территории Центрального экономического района.

Смоленская область имеет выгодное географическое положение. Она граничит с пятью областями России: на севере – с Псковской и Тверской, на востоке и юго-востоке – с Московской и Калужской, на юге – с Брянской; а также с двумя областями Республики Беларусь: Витебской – на северо-западе и Могилевской – на юго-западе. Протяжённость государственной границы составляет около 1/3 всего периметра, её пересекают более полутора сотен дорожных переходов всех категорий и видов дорог: от шоссе М-1 трассы федерального значения Москва – Западная Европа, до просёлков, традиционно используемых для трансграничного обмена жителями приграничной полосы.

Через территорию Смоленской области проходят важные транспортные коммуникации. Особенно велико значение автомобильных дорог. По ним осуществляется связь Центрального федерального округа страны с Белоруссией, Прибалтикой и странами Западной Европы. Кроме того, здесь проходят автомобильные и железные дороги, связывающие Северо-Западный, Северный, Центрально-Чернозёмный и Южный экономические районы.

Площадь Смоленской области в современных границах равна 49,8 тыс. кв. км, что составляет около 0,3% площади России. Протяжённость территории Смоленской области с запада на восток – 280 км, с севера на юг – 250 км.

В состав Смоленской области входят 25 муниципальных районов и 2 городских округа – Смоленск (321 тыс. чел.) и Десногорск (32,1 тыс. чел.). Муниципальные образования Смоленской области второго уровня представлены 297 сельскими и 26 городскими поселениями.

По территории Смоленской области проходит водораздел трёх крупных речных систем Европейской части страны – Волжской, Днепровской и Западодвинской.

Климат в Смоленской области умеренно-континентальный. Территория Смоленской области входит в подзону смешанных хвойно-широколиственных лесов, которые занимают около 40% её площади. Основная часть областных земель имеет сельскохозяйственное назначение.

Ведущее место в структуре минерально-сырьевой базы Смоленской области занимают бурый уголь, песчано-гравийный материал, огнеупорная глина, цементное сырьё, сапропель, торф и строительные камни. По своему минерально-сырьевому потенциалу Смоленская область занимает 13-е место среди областей Центрального федерального округа, а по минеральным ресурсам строительных материалов – 8-е место. Минерально-сырьевая база области представлена также пресными питьевыми и минеральными подземными водами.

Промышленность Смоленской области

Наибольшую долю в объёме промышленного производства имеют машиностроение и металлообработка, авиационная промышленность, химическая промышленность, энергетика.

Машиностроение и металлообработка:

- ОАО «Вяземский машиностроительный завод» – производство прачечного оборудования и оборудования для химчисток: стиральные, стирально-отжимные машины, среди которых барьерные машины для медицины, центрифуги, машины сушильные, гладильные столы, катки, каландры и пресса, пароманекены, тележки и стеллажи для белья;

- ЗАО «Рославльский автоагрегатный завод АМО ЗИЛ» – крупнейший динамично развивающийся машиностроительный комплекс по производству автомобильных компонентов;

- ОАО «Сафоновский электромашиностроительный завод» – производство синхронных и асинхронных электродвигателей трехфазного переменного тока мощностью от 30 до 2000 кВт, синхронных генераторов переменного тока мощностью от 50 до 1000 кВт;

- ООО «Аркада-Инжиниринг» – разработка и производство высокотехнологичного оборудования для переработки листового металла давлением;

- ОАО «Алмазинструмент» – производство алмазного инструмента с применением природных и синтетических алмазов для предприятий России;

- ОАО «Гагаринский светотехнический завод» – специализируется на производстве светотехнического оборудования и предлагает широкую номенклатуру промышленных светильников;

- ОАО «Смоленский авиационный завод» – авиационная продукция, сувенирная продукция, товары для отдыха и туризма, широкий спектр услуг по изготовлению и внедрению промышленного оборудования.

Химическая промышленность:

• **ОАО «Авангард»** – является предприятием инновационных технологий и имеет многолетний опыт разработки и производства изделий из композиционных материалов, в том числе из стеклопластиков, углепластиков, пластмасс, полиэтилена, полипропилена, пластика абс, полиамида, резины и т.д.

Энергетика:

• **Смоленская АЭС** (ОАО «Концерн Энергоатом») — крупнейшая атомная электрическая станция северо-западного региона, мощностью 3000 МВт;

• **Смоленская ГРЭС** (ОАО «ОГК-4») — тепловая электростанция, установленная мощность ГРЭС составляет 630 МВт. Энергоносителем являются газ и уголь.

Промышленность строительных материалов:

• **ООО «ЭнергоПромМаркет»** – большой ассортимент энергетической продукции (трансформаторы, подстанции, распределители и т.д.) для компаний различных отраслей.

Ведущая отрасль **сельского хозяйства** — **животноводство** (более 55% стоимости продукции отрасли) молочно-мясного направления. поголовье крупного рогатого скота составляет около 725 тыс. голов, в том числе 290 тыс. коров.

Птицеводство концентрируется на крупных птицефабриках, расположенных в пригородной зоне областного центра (АО «Сметанино», АО «Пригорское», Дивинская птицефабрика). поголовье птицы в 2001 году составило 2912,9 тыс. голов.

Сельскохозяйственные угодья области занимают 1,75 млн га (1% площади сельхозугодий РФ) или 35,2% её территории.

Растениеводство области специализируется на кормовых (44% посевных площадей) и зерновых (45%) культурах, производстве льна, картофеля и овощей. Под зерновыми занято 160 тыс. га. На 2011–2015 запланировано развитие льняного комплекса. Под выращивание льна предполагается отвести 12 000 га.

Основная проблема развивающихся предприятий, расположенных на территории Смоленской области, – отсутствие высококвалифицированных специалистов. В органах государственной службы занятости на учёте находятся в основном рабочие с низкой квалификацией, и поэтому решить данную проблему собственными трудовыми ресурсами без привлечения мигрантов невозможно. Размещение на территории Смоленской области новых производств также будет повышать спрос на рабочую силу. Для производств, ориентированных на дешёвый труд, проблема обеспеченности кадрами обострится не только в силу их оттока, но и в силу перехода на создаваемые в Смоленской области новые высокотехнологичные комплексы. Таким образом, дальнейший рост экономики Смоленской области потребует привлечения больших ресурсов, прежде всего трудовых, в том числе квалифицированной рабочей силы.

Основная цель Программы – стимулирование и организация процесса добровольного переселения в Смоленскую область соотечественников на основе повышения привлекательности её территорий, а также компенсация естественной убыли населения как в Смоленской области в целом, так и в отдельных муниципальных образованиях Смоленской области.

Достижение поставленной цели возможно путем решения следующих основных задач:

- обеспечение роста экономики региона путем дополнительного привлечения трудовых ресурсов;
- сокращение дефицита трудовых ресурсов;
- улучшение демографической ситуации;
- увеличение трудового потенциала;
- заселение территорий субъекта;
- оптимизация системы расселения;
- увеличение миграционного притока населения и трудовых ресурсов в регион;
- закрепление переселенцев в регионе и обеспечение их полноценной социально-культурной адаптации и последующей интеграции в российское общество.

Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком и нежелающие терять связь с Россией, соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей принимающего сообщества Смоленской области.

Мероприятия по приёму и обустройству переселенцев на территории вселения

Для всех переселенцев будут предоставлены социальные гарантии в рамках нормативных правовых актов Российской Федерации, действующих на территории Смоленской области.

Мероприятия по оказанию услуг по содействию в трудоустройстве соотечественникам, добровольно переселяющимся в Смоленскую область, реализуются органами государственной службы занятости населения Смоленской области в рамках государственных мероприятий по содействию занятости населения.

Всем переселенцам-соотечественникам, нуждающимся в содействии в трудоустройстве, предоставляется возможность бесплатно получить в службе занятости следующие услуги:

- информирование о рынке труда и востребованных профессиях;
- содействие гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям – в подборе необходимых работников;
- участие в ярмарках вакансий и учебных рабочих мест;
- профориентационные консультации, проводимые в целях выбора сферы деятельности, трудоустройства, профессионального обучения;
- содействие гражданам в переселении для работы в сельской местности;
- выдача работодателям заключений о привлечении и об использовании иностранных работников в соответствии с законодательством о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации.

Переселенцам, в установленном порядке признанным безработными (после получения ими российского гражданства), предоставляется возможность получения:

- пособия по безработице;
- содействия самозанятости безработных граждан;

- социальной адаптации на рынке труда;
- психологической поддержки, профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации;
- материальной помощи в период поиска работы и профессионального обучения по направлению службы занятости;
- материальной поддержки в период участия в общественных работах, временного трудоустройства по договору со службой занятости;
- стипендии в период профессионального обучения по направлению службы занятости;
- возможности временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учёбы время, безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы, безработных граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа выпускников образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые.

Кроме того, возможно включение участников Программы в долгосрочную областную целевую программу «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства в Смоленской области» на 2009–2012 годы.

В соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании», Администрация Смоленской области в лице Департамента Смоленской области по образованию и науке гарантирует возможность получения образования, общедоступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования и начального профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность среднего профессионального, высшего профессионального и послевузовского профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах федеральных государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

Допускается сочетание различных форм получения образования: в образовательном учреждении – в форме очной, очно-заочной (вечерней), заочной; в форме семейного образования, самообразования, экстерната.

Для всех форм получения образования в пределах конкретной основной общеобразовательной или основной профессиональной образовательной программы действует единый федеральный государственный образовательный стандарт.

Общедоступность образования предоставляет право на дополнительное образование в учреждениях дополнительного образования (в музыкальных и художественных школах, в школах искусств и домах детского творчества, на станциях юных техников и станциях юных натуралистов, в спортивных школах и клубах и в иных учреждениях дополнительного образования).

Для освоения общеобразовательных программ гарантируется доступность к фондам школьной библиотеки и бесплатное обеспечение учебной и художественной литературой, имеющейся в ней.

При оказании скорой медицинской помощи, стационарной медицинской помощи и медицинской помощи в дневных стационарах всех типов предоставляется лекарственная помощь в соответствии с законодательством Российской Федерации.

* * *

С вопросами, волнующими потенциальных переселенцев, редакция «РП» обратилась к ведущему специалисту Департамента государственной службы занятости населения Смоленской области **Павлу Рутковскому**.

– Уважаемый Павел Викторович, из каких стран наблюдается особенный приток в Смоленскую область по Программе переселения соотечественников? Сколько человек на сегодняшний день приняла область по Программе «Здравствуй, Смоленщина!»?

– Уже третий год Смоленская область участвует в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. За это время Смоленская область приняла более 180 человек, и это при том, что всего три района – Велижский, Гагаринский и Ярцевский – входили в состав территории вселения проекта переселения «Транзитная агропромышленная зона», определённого Региональной программой Смоленской области по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в 2010–2012 годах. В текущем году планируется увеличение количества принимаемых соотечественников на 150 человек. Большинство из них сегодня приезжает на Смоленщину из Узбекистана, Казахстана, Молдовы и других стран ближнего зарубежья.

– Не секрет, что люди, приезжающие из национальных республик, так и остаются для коренных россиян «армянами», «молдаванами», «хохлами», даже если они этнические русские. Как относится местное население к переселенцам? Не возникает ли конфликтов?

– Россия всегда славилась своим гостеприимством. Не исключение и ситуация с приезжающими на Смоленщину соотечественниками. Здесь больше имеет значение отношение к труду приезжающих людей, нежели их национальность. Если человек умеет работать и добивается успехов в труде, то к нему и руководство предприятия относится с уважением, и селяне тянутся. В Велижском районе, к примеру, местные жители переселенцам из Узбекистана на первых порах даже приносили детские вещи, картофель и дрова из своих домов. Народ, который пережил лихолетье Великой Отечественной войны, не понаслышке знает, что значит налаживать свой быт, как говорится, с чистого листа.

– Кого сегодня особенно ждут в Смоленской области, специалистов какого профиля не хватает?

– Развитие экономики Смоленской области формирует устойчивый спрос на специалистов различных направлений. В первую очередь это врачи – фтизиатры, рентгенологи, терапевты, хирурги и т.д. Во многих районах готовы предоставить жильё таким специалистам. Но есть и определённые трудности. Чтобы врач приступил к выполнению своих обязанностей, он обязан пройти процедуру подтверждения диплома. Данная процедура занимает от полутора до шести месяцев (известны случаи и более длительного её прохождения). Кроме того, необходимо пройти обучение и получить сертификат, соответствующий специализации врача, и все это, к сожалению, не бесплатно. К этому нужно готовиться заранее.

У нас в регионе сегодня востребованы специалисты сельского хозяйства, к примеру, ветеринарные врачи, зоотехники, механизаторы, операторы машинного

доения. Нужны и специалисты промышленного сектора экономики – инженеры-технологи, инженеры-конструкторы, инженеры-строители.

– Наиболее уязвимой в постперестроечные годы оказалась интеллигенция. На что могут рассчитывать в Смоленской области переселенцы-учителя, инженеры, люди творческих профессий? Придётся переучиваться?

– Развитие общества всегда требует от человека преумножения знаний и опыта, тем более, когда это касается интеллигенции. Это самая мобильная часть общества, которая может переквалифицироваться в зависимости от потребности рынка труда. Информацию о наиболее востребованных специалистах и условиях трудоустройства можно уточнить в центрах занятости населения Смоленской области по адресам:

- 216290, г. Велиж, ул. Советская, д. 10/2, тел. 8(48132) 4-14-97,
E-mail: zanvel@sci.smolensk.ru
- 215010, г. Гагарин, ул. Солнцева, д. 3, тел. 8(48135) 2-51-05,
E-mail: zangag@sci.smolensk.ru
- 215810, г. Ярцево, ул. Пугачёва, д. 6, тел. 8(48143) 7-13-76,
E-mail: zanjrzhev@sci.smolensk.ru

Необходимую информацию так же можно найти на сайте Департамента государственной службы занятости населения Смоленской области: www.admin.smolensk.ru/~depzan/Glavnaya

Кроме того, по адресу www.trudvsem.ru действует государственный информационный портал Федеральной службы по труду и занятости «Работа в России». На портале собрана информация региональных служб занятости населения о вакантных местах по всей России, а также:

- нормы действующего законодательства в сфере труда и занятости населения;
- разъяснения по получению государственных услуг;
- адреса и телефоны всех региональных служб занятости населения;
- вопросы граждан и ответы специалистов Роструда и региональных служб и много другой полезной информации.

– Есть ли реальная возможность у переселенцев среднего достатка приобрести в Смоленской области жильё? Предусмотрена ли какая-то помощь в этом направлении со стороны местных властей?

– Конечно, возможность приобрести жильё самостоятельно в Смоленской области есть. Цены на жильё зависят от удаленности до районных центров. Например, в Велиже стоимость квадратного метра 28–30 тысяч рублей, в сельских поселениях района 18–22 тысячи рублей. В среднем стоимость квадратного метра жилья составляет 35 тысяч рублей. Получив российское гражданство, жильё можно будет приобрести с помощью «ипотечного кредитования», либо приняв участие в программах развития села, в рамках которых молодым семьям оказывается государственная поддержка в приобретении жилья.

– Приветствуется ли желание вновь прибывших заняться индивидуальной трудовой деятельностью? Какое самостоятельное дело, на Ваш взгляд, наиболее перспективно – в плане скорейшего «врастания в смоленскую почву»?

– Индивидуальная предпринимательская деятельность участника Программы, организованная в соответствии с действующими нормативно-правовыми ак-

тами, действующими в Смоленской области, конечно, приветствуется. А для организации собственного дела маркетинговый анализ должен провести сам предприниматель, составить бизнес-план и реализовывать его. Могу лишь добавить, что Администрацией области с целью поддержки предпринимателей организуются специальные гранты, выиграв которые граждане получают материальную поддержку. Кроме того, в Смоленской торгово-промышленной палате действует **Учебно-деловой Центр**, которым руководит Красовская Жанна Борисовна. В этом Центре проводятся различные семинары для предпринимателей, подробно узнать о которых можно по телефону: 8(4812) 38-73-39.

– У прибывающих на Смоленщину соотечественников, конечно, нет полиса медицинского страхования. Что их ждёт в случае болезни и кратковременной потери трудоспособности?

– Здесь речь идет, в первую очередь, о предоставляемом в рамках Программы компенсационном пакете социальных услуг, включающих услуги как образовательных, так и медицинских учреждений. Что касается болезни и краткосрочной потери трудоспособности, то в этом случае порядок назначения, исчисления и выплаты пособий по временной нетрудоспособности регулируется Федеральным законом от 29.06.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». Согласно Второй статье Закона № 255-ФЗ можно сделать вывод, что назначение и выплата пособий по временной нетрудоспособности в пользу граждан, пребывающих на территорию Смоленской области в рамках Программы, возможна при условии, что они постоянно или временно проживают на территории Российской Федерации и подлежат обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности (т.е. работают по трудовым договорам).

Теперь давайте определимся, кто имеет право на получение полиса обязательного медицинского страхования на территории Российской Федерации. Согласно пунктам 4, 5, 6, и 7 главы II Приказа Минздравсоцразвития от 28.02.2011 №158н «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования», право на получение полиса обязательного медицинского страхования на территории Российской Федерации (ОМС) имеют:

- иностранные граждане, постоянно проживающие в Российской Федерации и имеющие паспорт иностранного гражданина, либо иной документ, удостоверяющий личность, а также вид на жительство;
- лица без гражданства, постоянно проживающие в Российской Федерации и имеющие документ, удостоверяющий личность, а также вид на жительство;
- иностранные граждане, временно проживающие в Российской Федерации и имеющие паспорт иностранного гражданина либо иной документ, удостоверяющий личность, с отметкой о разрешении на временное проживание в РФ;
- лица без гражданства, постоянно проживающие в Российской Федерации, имеющие документ, удостоверяющий личность, с отметкой о разрешении на временное проживание в РФ.

Вообще, сегодня большое значение уделяется здравоохранению. В рамках территориальной программы государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи предоставляются следующие медицинские услуги:

- скорая медицинская помощь при состояниях, угрожающих жизни или здоровью гражданина или окружающих его лиц, вызванных внезапными заболеваниями, обострениями хронических болезней, несчастными случаями, травмами и отравлениями, осложнениями беременности и при родах;
- амбулаторно-поликлиническая помощь, включая мероприятия по профилактике (в том числе по проведению профилактических прививок, профилактических осмотров и диспансерного наблюдения населения), диагностике (в том числе в диагностических центрах) и лечению заболеваний в поликлинике и на дому. Амбулаторно-поликлиническая помощь оказывается участковыми врачами, врачами общей практики (семейными врачами), врачами-специалистами и средним медицинским персоналом (фельдшером, медицинской сестрой);
- стационарная помощь при острых заболеваниях и обострениях хронических болезней, отравлениях и травмах, требующих интенсивной терапии, круглосуточного медицинского наблюдения и изоляции по эпидемиологическим показаниям; при плановой госпитализации с целью проведения диагностики, лечения и реабилитации, требующих круглосуточного медицинского наблюдения, в том числе в детских и специализированных санаториях; при патологии беременности, родах и абортах; в период новорожденности;
- стационарозамещающая помощь, предоставляемая в дневных стационарах (отделениях, палатах и т.д.), включающая некоторые виды специализированной помощи, для оказания которой не требуется постоянное нахождение пациента в амбулаторно-поликлиническом или больничном учреждении.

В рамках территориальной программы ОМС осуществляются мероприятия по диагностике, лечению и профилактике заболеваний, включая проведение профилактических прививок, в том числе по национальному календарю и эпидемиологическим показаниям, профилактических осмотров и диспансерного наблюдения, в том числе здоровых детей, а также профилактику аборт.

– Желательно ли появление пополнения в семьях переселенцев, или рождение детей лучше отложить на пару лет? Как себя чувствуют на Смоленской земле молодая мама и малыши? Предусмотрено ли что-то вроде декретного отпуска, пособий на первого или второго ребёнка для соотечественников, воспользовавшихся Программой переселения? Есть ли места в детских садах?

– Пополнение в семьях – дело, конечно, сугубо личное каждой семьи, но сегодня в Смоленской области много делается для поддержки молодых мам. После получения гражданства мама вправе рассчитывать на оплату больничного листа по беременности и родам в размере 100% от заработной платы, из расчета заработной платы за последние два года. Выплачивается единовременное пособие при рождении ребенка в размере 12 405 рублей. Пособие по уходу за ребенком до полутора лет оплачивается в объеме 40% от заработной платы. Минимальное пособие на первого ребенка – 2 326 рублей в месяц, на второго и последующих – по 4 652 рубля в месяц. Кроме этого, при рождении второго ребенка мама вправе рассчитывать на получение сертификата на материнский капитал, который сегодня составляет 387 640 рублей из федерального бюджета и 140 322 рубля из областного бюджета. Для получения материнского сертификата, выдаваемого в Смоленской области, необходимо, чтобы молодая мама была зарегистрирована

в Смоленской области не менее года и на момент рождения ребенка имела гражданство Российской Федерации.

Места в детских садах предоставляются в порядке очереди на правах, равных с правами местного населения. В городах Ярцево и Гагарине, например, существует большая очередь, но в других районах и сельских поселениях места могут предоставляться при наличии сразу по обращению.

– Какие рабочие профессии могут получить ребята, не собирающиеся сдавать экзамены на степень бакалавра? Сохранились ли в области профтехучилища? Какие вузы расположены на территории Смоленской области?

– Сегодня на рынке труда региона востребованы фрезеровщики, слесари, стропальщики, каменщики, плиточники, операторы станков с ЧПУ, электромонтёры по ремонту и обслуживанию электрооборудования, механизаторы и т.д. Обучиться данным профессиям можно в учреждениях начального профессионального образования (лицеях и профтехучилищах) и среднего профессионального образования (техникумах и колледжах). Сегодня в области около ста учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования, что позволяет всем желающим абитуриентам продолжить своё профессиональное обучение. Более подробную информацию можно получить на официальном сайте Департамента Смоленской области по образованию: www.admin-smolensk.ru/~edu/news.php

– На Ваш взгляд, к каким трудностям, кроме естественных неудобств и волнений дальнего переезда, нужно подготовиться нашим соотечественникам, решившимся вернуться на историческую родину?

– Основной сложностью является жилищный вопрос. Жильё в рамках Программы не предоставляется, за исключением вариантов его предоставления работодателями, что происходит, в основном, на селе. Тем не менее, некоторые приехавшие семьи переселенцев, получив единовременную выплату на обустройство в размере 60 тысяч рублей на участника Программы и по 20 тысяч рублей на каждого члена его семьи, приобретают на селе жильё самостоятельно.

Сложности определённого характера вызывает процесс, связанный с получением регистрации по месту пребывания и всех документов для оформления гражданства Российской Федерации, а также адаптация к условиям труда, особенно в сельском хозяйстве.

– Может быть, есть важный вопрос, в связи с особенностями программы переселения «Здравствуй, Смоленщина!», который мы упустили? Озвучьте его, пожалуйста.

– Мы рекомендуем при выборе вакансии в рамках Программы предварительно созвониться с работодателями и, по возможности, приехать, чтобы ознакомиться на месте с предлагаемыми условиями труда и возможностями обустройства.

– И последнее. Чем для Вас лично, Павел Викторович, замечательна Смоленская земля? Что больше всего любите Вы на Смоленщине?

– Говорить о культурном и героическом наследии Смоленской земли можно бесконечно. На этой земле я родился и вырос. И речь здесь о любви сына к матери. Я люблю Смоленщину просто за то, что она есть!

ВЕРА СУХАНОВА

ИЗ СТИХОВ О СМОЛЕНСКЕ

ДРЕВНИЙ ГОРОД

Здесь проступают по весне
 Размытые водою строки.
 И зрим – невидимый вполне –
 Собор на призрачном Протоке.
 А осенью, когда туман
 Сползает в балки и овраги,
 Я вижу за туманом стан
 И боевые вражки стяги.
 И кровь, и пот, и страх, и злость,
 И все преданья и святыни, –
 Все в этом городе слилось
 И плачет, и зовет доньине!
 Еще слышны обрывки слов,
 Колокола и звуки меди,
 Здесь ни один сюжет не нов –
 От пасторалей до трагедий.
 О город тайной ворожбы!
 Я знаю по своей ладони:
 Бледнеет линия судьбы
 На древнем ирреальном фоне.

* * *

Предвестье вечера... Горит
 Предмесье солнцем предзакатным.
 Послушай, кто там говорит
 На языке простом и внятном
 О трёх смертях – о трёх веках,
 О разоренье и насилье,
 О том, что гибелен не крах,
 Не гибель гибельна, а страх,
 Непониманье и бессилье.
 Бессмертье не тому дано,
 Кто никогда не умирает,
 Бессмертно поле и зерно,
 И тот, кто поле засекает...

Рубрику подготовила *А. СЕРЁГИНА*

ВЕРА СУХАНОВА родилась 11 октября 1955 года в городе Вязьме. Окончила факультет иностранных языков СГПИ, долгое время работала старшим научным сотрудником областного музея-заповедника, преподавателем культурологии СГМА, редактором издательства «Русич». Стихи Веры Сухановой публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Десна», «Русская провинция», «Роман-газета, XXI век», вошли в антологию «Вечерний альбом. Стихи русских поэтесс» М., 1990. В 1988 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел ее первый поэтический сборник «Замысел», в 1990-м – «Имя». Третья книга, «Стихи и переводы», издана в Смоленске в 1996 году. В 1992 году Вера Суханова была принята в Союз писателей России.

КРИТИКА

Зёрна и плевелы

Из печати вышел сборник рассказов «Пролетая над», часть из которых была представлена на независимую литературную премию «Белый Арап», присуждаемую с 2008 года. Редактором сборника на этот раз выступил известный кишинёвский автор Михаил Поторак.

Книга издана при поддержке Российского Центра Науки и Культуры и уже стала библиографической редкостью – все экземпляры, поступившие на реализацию в магазин «Billion», раскуплены. Мы приводим здесь два критических взгляда на сборник, которые, возможно, не совпадут с вашим собственным мнением.

ЕЛЕНА КУШНИР

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Книга, будь то сборник или роман, всегда портрет. Времени, места, человека, людей. Если в сборнике ощущается индивидуальность редактора, книга стремительно приближается к романному тексту. Там есть не только авторы, но автор. И, более того, авторы в каком-то смысле превращаются в персонажей редактора. Они – ощутимо для читателя – такие, какими их увидел редактор, впуская в универсум своей книги.

Внимание! Над рингом звучит призывный вой! Олег Красноо-о-в??? Иииии!!! Михаил Поторааак!.. Дальше можно нормальным голосом: как зеркало концептуальной русской прозы в молдавском пейзаже. Представили? Есть пейзаж. Есть зеркало. Предположим, цельный кусок венецианского стекла – почему бы и нет, если бюджет воображения нам это вполне позволяет и даже настаивает? Есть проза.

Это всё есть. И, как совершенно справедливо выразился редактор в своём предисловии, это само по себе можно принять как шестое доказательство бытия Божия. Потому что пейзаж был, зеркала тоже можно было при желании надумать, а вот прозы как свободного концептуального процесса не было. Окликнули – появилась. Чудо...

Спасибо всему, что есть. Мне сдаётся, сейчас нужно говорить о том, чего нет.

Ведь одно желание уже исполнилось, правда? Значит, пора загадывать следующее.

Но учтите: есть прямой риск, что оно тоже исполнится.

Наблюдение №1

Всем нам – и более умелым, и начинающим – в разной степени, но с одинаковой откровенностью грозит одна опасность. Можно сказать, что она грозит наше-

му процессу. И не только нашему. Она общая. Именно как общую, не погружаясь в разбор конкретных рассказов, мне и хотелось бы её отследить.

Так что я позволю себе включить сигнал тревоги. Представили? Нет, у меня другой. Это глиняный бык, поющий Верди соловьиным голосом. Или хрустальный соловей, ревущий, как бык. Чтобы действительно стало не по себе.

Пока процесс есть. Нам его подарили – за нашу искреннюю жажду литературы. А теперь следующий вопрос. Что такое для нас литература?

Да, я часто спрашиваю об этом. Не только часто, но даже давно. Начиная с первого сборника. Так ведь ответа пока не услышала. Пока и без него хорошо. Рассказы пишем, и не только пишем, но публикуем. И не только публикуем, но их вроде бы даже читают.

Такое ощущение, что на этом можно остановиться.

Нет, я не об уровне. Уровень – бесплатное приложение к пробуждённому состоянию. Вот у Панфила в этом сборнике как раз насчёт пробуждения. Актуальненько.

Я о том, из чего уровень рождается.

О желании.

Зачем мы пишем? Чтобы книжки выходили? Кстати, вскоре они перестанут выходить при таком раскладе. Выйти можно, а идти некуда. В мире и без нас очень много бумаги, пропущенной через типографию.

Уже давно в арапском процессе имеются некоторые признаки сползания по великолепному и радостному склону текста. И дело не в том, что раньше было лучше, а в том, что сейчас должно быть лучше.

В целом у этих тревожных признаков – простое имя. Банальность. А у банальности – простое определение. Это (осознаваемый или нет) отказ от тонкой реальности. От участия в чуде.

Надо сказать, что конъюнктура на это провоцирует. Не просто провоцирует, а на это надеется и целенаправленно подпихивает нас именно в эту сторону. Нам – туда?..

Если вернуться к нашему склону, то литература – это когда тебе очень, очень нужно *вверх*. Хоть на четвереньках, но вверх. К чему-то настоящему в себе и в мире. Когда есть в нас это измерение, можно ошибаться. Можно и даже нужно. Потому что без ошибок не вырастешь. Только они должны быть новыми. Старые ошибки означают, что мы не учимся.

Но если измерение «вверх» существует, человек не может не учиться. Он бережно суммирует опыт: что ведёт туда, а что – оттуда. Опыт, как известно, вещь не абсолютная, но полезная. Это некоторая информация о правилах поведения. На дороге, в бесконечности, в поезде Кишинёв–Одесса. Причём информация постоянно обновляется.

Ну вот. Если же текст – отправление писательских функций, нечто вроде супружеского долга перед «Белым Арапом» и русскоязычной прозой Молдовы, так это уже не любовь.

Наверное, основная опасность в искусстве и в жизни – утратить желание. Забыть, без чего нельзя быть. Уснуть.

То, что мы докатились уже до этого, означает, что путь у нас есть. Если мы настолько готовы его потерять...

Как проснуться?

Голос сердца, или Литературный критерий

Собственно, банальность, то есть разрушение тонкого мира, всегда связана с тем, что мы перестаём слышать голос сердца.

Слышать голос сердца непросто. Нам кажется, что мы его слышим. А это телевизор у соседей.

Тем более что оно, сердце, всегда говорит нам то, что мы именно сейчас менее всего готовы услышать.

Одна весьма действенная школа предлагает такую тренировку для разработки интуиции: попробуйте прислушаться к себе и угадать три цифры на троллейбусном билете. Две из трёх – прекрасный результат. Три – большая удача. Главное даже не в количестве, а в том, чтобы научиться различать: когда внутренняя подсказка вам лжёт, а когда нет. Когда не лжёт – это голос сердца, интуиции, назовите как хотите. Отличать его от бреда – великая возможность.

Если рассказ получился – туда, вверх, если удалось сказать то, чего мы не знали, но без чего не можем жить, значит, мы слышали голос сердца, когда писали текст.

И можно в следующий раз вспомнить это ощущение, хотя оно будет непременно другим... Только зерно, только суть останется той же и узнаваемой: это моё, это жизнь.

Есть, например, такой признак: усиление внутреннего света. Фраза или сюжет могут усилить наш внутренний свет, побудить к вдоху, вызвать безмолвное «да». Значит, эта фраза или сюжет – литература.

Кстати, иногда читатели пользуются любой, даже минимальной, даже несуществующей возможностью, чтобы сказать внутреннее «да». Профессионал отличается от читателя в основном тем, что он говорит «да» тому, что действительно есть, а не могло бы быть. Логично: читатель может доделать литературу при чтении, а писатель должен доделывать её, когда пишет.

Если чувствовать в себе всплеск внутреннего света, по этой волне можно строить гармонию. Это делается так: находим в тексте максимум света... и принимаем его как минимум. Отсюда – не вниз, не по горизонтали, а вверх. Причём ищем точку максимума не только в стиле, но и в сюжете, и в теме... Тогда, с каким бы элементом рассказа мы ни работали, следующий световой всплеск поднимает нас на принципиально новый уровень, потом ещё и ещё, и текст превращается в настоящее раскрытие миров.

Аналитический процесс, выстраивание и редактирование текста тоже можно пропускать через сущность, вопрошая сердце, отслеживая изменения внутреннего светового пейзажа.

Давайте для примера процитирую... Все максимумы выписать нереально, так что будет очень краткая подборка. Можно с ней поиграть: отследите – есть световой всплеск или нет. Или найдите для себя другой тонкий критерий... Если, конечно, у вас его ещё нет.

«Жизнь коротка. Я это хорошо понимаю. Но по сравнению с чем?» («Полёты тигра», Олег Краснов).

«Если существует вибрация моего дыхания, значит, существует вибрация моих чувств. <...>

Если я делаю движение, не придумав его, и в это время смотрю на игру света с моей рукой, то понимаю, для чего была сотворена рука. <...>

Снимаю плащ. Мне кажется, что я не совсем ушёл из него. Хорошо, когда тебя помнят. Память. <...>

Вспомнился мой белый свитер. Люблю смотреть на его узоры. Вижу дремучие леса, луга. Там есть всё, но там нет меня. Меня как целого. Я там раздроблен. На петли, на нити, на звуки, на трагическое понимание красоты и неприятие прекрасного: «Зачем?». Так видит меня моя мать». («Фотограф», Анжела Енаки).

«Девочка смотрит глазами старика на волны. Её пальцы перебирают песок. Рука отдернулась.

– Папа, тут мёртвый жук.

– Ну и Бог с ним, дочка.

.....улыбка.....

– Бог – с ним». («Девочка, жук и море», Лаура Лазарева).

«В бледном небе висит единственное большое облако, похожее на темно-синего павлина. Голова у павлина невнятная, полупрозрачная, исчезающая. Зато довольно отчетливо виден нехилый такой хвост, и павлин его на нас как бы кладёт». («Прогулка», Михаил Поторак).

«Бури-Анн храпел на соседней койке, и ему снилось, что я рассказываю ему об олене, который подошёл к нашему охотничьему дому. Ничего подобного наяву я бы ему не рассказал. Потому что того, кого он во сне принял за оленя, я встретил внутри охотничьего дома, а не за его стенами.

Мы встретились глазами в полутьме холла и разошлись. Но за моими плечами впервые за последние годы как будто развернулся и наполнился упругим ветром парус. Я проснулся, да». («Дневник Пробуждений», Олег Панфил).

Наблюдение №2

Вот ещё что для меня обнаружилось. В арапских сборниках есть два вида рассказов: как бы эссе и «крепкий сюжет». И в том, и в другом вариантах иногда встречаются свои характерные слепые пятна.

Такое ощущение, что эссеистичность избавляет автора от необходимости отвечать за полноценную историю, а история – от необходимости что-либо точно и ясно ощущать. Кстати, вспомним: и то, и другое – и история, и чувство – в литературе живут на уровне открытия... А не на уровне копии, дежа вю, будь то копия жизни («Но ведь так было на самом деле!») или художественных клише («Но ведь за это сейчас хвалят!»).

Эссе как таковое – размышление, приключения мысли. Если оно обладает сюжетом и минимум одним персонажем, если является историей о чём-то, а не только размышлением о чём-то, это уже рассказ.

В арапских рассказах, которые можно перепутать с эссе, часто задействован документальный материал, форма почти дневниковая. Это на самом деле не мешает, но активно помогает художественному акту, создаёт ситуацию волшебного прорастания истины и красоты прямо из жизни.

В рассказе Михаила Поторака о кораблях, об упоительных морских терминах и необъяснимой тяге к ним – пронизывающее откровение о том, что эти парусники сопровождают нас в последнем путешествии. Именно поэтому их язык, усвоенный в детстве, так прочно держится в памяти.

В рассказе Марии Гурской «Прыжок» сюжет такой: прыжок в море постепенно превращается в трансцендентный акт – через вербальную магию текста.

У Олега Панфила в «Дневнике Пробуждений» – о подспудном, но ошутимом накоплении нового этапа жизни, который внезапно раскрывается. О том, как человек через цепь кажущихся случайными странностей и встреч приходит к окончательному, не очередному, а именно пограничному пробуждению, предсказанному когда-то во сне.

В рассказе «Секунда» – такая история: подумав, что старуха-родственница при смерти, автор входит в открытый, искренний, всепонимающий и всеобъемлющий контакт с её душой. Предположительно – с душой отлетающей... Но в следующую секунду понимает, что родственница умирать не собиралась, и всё возвращается к привычной холодноватой суете.

В «061» Дениса Башкирова, невзирая на романтический форсаж всех состояний, есть уникальный поворот истории. Спорный, но бесспорно искренний. «Оружие» героя, которое он противопоставляет ядовитому жуку бесчувствия и пошлости, гигантской Ломехузе – это стихи и рассказы в его чемодане. Так вот, правда состоит в том, что сам герой называет эти тексты слабыми. Он верит, что даже такие тексты, даже попытка творчества – яд для Ломехузы

Если уж мы заговорили об истории, вот примеры из рассказов с «крепким сюжетом».

«Полёты тигра» Олега Краснова – о том, как человек, ничего не боящийся, обладающий знанием о своей истинной сути, без всяких объяснимых причин не стремится быть собой. Он предпочитает медленно вращаться по орбите повседневного бреда. У него имеется всё для нужного шага; мучительно непонятно, почему всё остается по-прежнему. Есть только один намёк на разгадку: «Мечта о гармонии – путь к страданиям». Получается, герой бездействует всё-таки из страха. Он боится потерпеть поражение.

В «Фотографе» Анжелы Енаки герой, не совпадающий с жизнью, ждёт смерти. Но, когда смерть приходит, он делает вид, что она – его возлюбленная. Или наоборот: когда приходит возлюбленная, он притворяется, что это смерть. Так или иначе, они проводят вместе ночь. Ему удастся преобразить смерть в любовь.

...Ничего, что я не говорю о неудачах? У меня есть серьёзная профессиональная причина о них не говорить. Причина такая. Ребята, я не считаю, что в искусстве существуют неудачи. Точнее, так: если вы на пути, значит, нет неудач – есть путь.

Стало быть, оптимально говорить всё-таки о пути.

Очень надеюсь, что на сей раз мы это сделали.

ЕЛЕНА КУШНИР – драматург, прозаик, поэт. Окончила сценарный факультет ВГИКа (Москва), специальность – литературный работник кино и ТВ. Была награждена Поощрительной премией Национального конкурса по драматургии за цикл пьес «Тысячелетнее Царство» (1999 г.) В 2005 году сборник рассказов «Белый мяч» выиграл соросовский Конкурс на издание дебютной книги. Публиковалась в журналах «Дети Ра» (Москва), «Кодры», «Колумна», в анталогиях «Прима верба», «Толстый журнал», «Невидимое море». Член жюри независимой литературной премии «Белый Арап». В составе Студии театральной импровизации разрабатывает и осуществляет в Кишинёве современные формы карнавала по теории М. Бахтина. Постоянный автор «Русского поля». Член АРП РМ

ОЛЕГ ПАНФИЛ

ПРОЛЕТАЯ СКВОЗЬ ПРОЛЁТ

Как мотылька пронырнуть в единственно нужный пролёт моста? Каждый пролёт для мотылька – безграничный окоём, и как найти край, мимо которого? Как вписаться в поворот величиной с полжизни?

Литературная критика – жанр сомнительный. И необъективный. Что же может придать хотя бы видимость объективности тексту о чужих текстах? Может вот это: автора нужно судить по тем законам, которые он сам для себя установил. Я попытаюсь сделать это там, где авторские законы обнаруживаются. И второй способ «объективации» – именно так, в кавычках – взять любую произвольную систему «эстетических» ценностей и тупо примерить к ней все тексты, отрезая всё, что не вписывается в эту выкройку. Надеюсь, я преуспел и в этом в рецензии на сборник «Пролетая над». Которую не стоит воспринимать слишком серьёзно. Смайл.

Лаура Лазарева. «Воздух». «Ангелы из синей соли». «Девочка, жук и море». Когда любимый писатель – Генри Миллер, писать нужно осмотрительней. Или заменить в списке предпочтений Миллера на Ал. Грина. Страшно представить, что сказал бы Миллер о первых двух рассказах («Воздух» и «Ангелы из синей соли»): в частности, по поводу фразы: «Мне почему-то это нравится. Кокетство или фетишизм? Неважно». В прозе лучше не определять понятия, а показывать, хха-хха. А читатель сам определится – что это. Тем не менее, третий рассказ Лауры – «Девочка, жук и море» – практически шедевр, совершенно заслуженно побывавший в верхних позициях шорт-листа премии «Белый Арап». Почему? Потому что в самом конце рассказа есть выход вовне и взгляд оттуда. В отличие от первых двух, где всё происходит внутри пузыря восприятия автора, даже если ему кажется, что происходящее с ним струится насквозь через всю синюю бесконечность. А снаружи – как-то и не очень видно, что там «царапалось, боролось» внутри пузыря. Неровность и нервность трёх рассказов содержит очень многообещающий потенциал.

Зоя Мастер. «Ночь – светла» – тот самый рассказ, который вызвал споры и даже перепалку среди жюри и редакторов-составителей БА (см., например, полемику в сообществе Белый Арап на Фейсбуке). Странная штука синхронизация литературного процесса: то, что два года назад на фоне местной русскоязычной прозы воспринялось как свежесть взгляда и непозволительная здесь дотоле (не считая бездарных спекуляций орденоносной Метляевой) шероховатость в деликатных вопросах дрейфующих русско-молдавских гегемоний сквозь расфокусированную призму как раз тоже задрейфовавшего еврейского взгляда на вещи, сегодня воспринимается как вполне обычная, почти заурядная проза. И тем более ничего тематически нового в этом рассказе нет в контексте новой русской прозы, уже вполне машинально пользующейся крупной теркой при приготовлении текстов, нашпигованных национальной амбивалентностью по самое немогу (например, «Я – чеченец» Садулаева). А уж в мировом контексте – всё это было свежо как минимум лет пятнадцать назад. И действительно: стоит ли прощать недалёкость и глупость учителю только за то, что она учитель русского? Стоит ли

прощать трусость русскоязычному молдавскому писателю, только за то, что он известный писатель? – разве эти вопросы действительно волнуют Зою Мастер? Эпиграф из Гумилева – «Нас всех прядет судьбы веретено» – даёт совсем другой ключ к рассказу. Рассказ ведь – о любви. Как бы. Но расширившаяся за счёт вбирания дисгармоний гармония так и не доходит до высшего разрешения. Потому что пока пришло время прощения, ушло время любви. Любовь потрачена на заживление ран уязвленного самолюбия. Стыдная тайна бытия состоит в том, что мы становимся похожи на тех, кого мы не прощаем. Язык Зои Мастер неотличим от языка полупрощёного писателя Дмитрия Рошки из рассказа. То есть, неотличим от «добротного» языка советского реализма. То есть, «Ночь – светла» – это «Ночь нежна», но как если бы её написал не Фитцджеральд, а его персонаж – Великий Гэтсби. И пряжа судьбы оказывается спрядённой из траченных любовей, уравненных прагматизмом разного свойства, но проговаривающегося односложно на всех языках. Ещё бы полградуса отрешённости автора от повествователя – и родился бы текст зверской крепости. Зоя Мастер, безусловно, кажется наиболее профессиональным прозаиком в этом сборнике БА. Со всеми плюсами и минусами того, что называют профессионализмом. Вполне может оказаться, что форма, которая подтолкнёт этого автора к пределу её возможностей – повесть или короткий роман – позволит ей создать действительно раскованную и рискованную прозу с большим дыханием.

Олег Краснов. «Полёты тигра». «Тетрадь». Прости, Краснов, истина дороже: я не понимаю, про что «Полёт тигра». Дело не в фабуле и сюжете, вовсе нет (хотя в тексте их тоже нет). Я не верю, как ни пытаюсь, в этом рассказе ни чуваку (то есть повествователю) – потому что таких чуваков нет, ни тебе (то есть автору) – потому что лучше бы ты рассказал о себе, чем о непонятном карьеристе. Который ни на офисный планктон не тянет, ни на крутого топ-менеджера, а гламур глазами его обитателя изнутри – совсем не так выглядит, правда! (спроси Пашу. Смайл.) А уж его (героя) внутренняя эмиграция – она из какой-то совсем другой или даже третьей оперы. Или именно так и задумано? Почти до конца рассказа не покидала надежда, что обилие штампов из репертуара офисных умников – это такой тонкий способ самокомпрометации героя, способ показать ставшее уже шаблоном самоистязание нового поколения карьеристов – выросших как минимум на «Бойцовском клубе». Но, увы, к концу мне стало казаться, что не только повествователь, но и автор не всегда понимает, что эти философские микроинсайты – уже лет 10 как – клише и интеллектуальная рутинка. И поэтому местами амбивалентность неконтролируемо переходит в поливалентность (см. ниже). Ну, хорошо, твой тигр – не бумажный, а какой-то такой – совсем особенный. Но в тексте это ни из чего не следует. Он необыкновенный только в своём воображении. То есть, он врёт-врёт-врёт сам себе. Поэтому всё равно – бумажный, только бумага – аметистовая, из 500-евровой купюры. Ты про это хотел написать?

«Тетрадь». Там великое, сновиденное начало. Затем опять чуть сбивают с толку штампы («неуловимый изгиб шеи... волновавший Колю», «глаз... изумленно смотрел») – опять таки, если б эти штампы четко можно было отнести к сознанию Коли, а не автора – то мы хотя бы могли представить себе, какого рода стихи Коля Сазонов писал (хотя намёк содержится в упоминании книги Артема Весёлого). Но если сам автор полагает, что неуловимый изгиб шеи – это офигеть какой свежий образ, так же как изумлённый взгляд погибающего немца, то автору

нужно бы отточить свой слух. Потому что «Тетрадь» – это попытка высокой литературы, а не коммерческой. Рассказ просто великолепен и – не побоюсь этого слова – волшебен. В нём есть тайна, и она остаётся тайной до самого конца (почему немец говорил на совершенно чистом русском языке?). О чём рассказ? Вариации на тему – «возможна ли поэзия после Освенцима»? Не совсем. Поэт стал убийцей поневоле. И после убийства понял, что он не поэт? Или что стихи в принципе не имеют смысла? Здесь нет поливалентности, а есть подлинная многозначность, многомерность – как в полномесном сновидении. И – кто знает? – может, сновидческий способ письма – наиболее органичен для Краснова, в отличие от того, что воспринимается как попытки конструирования в некоторых других его рассказах.

Оксана Мамчуева. «Игрушки». «Рецензия, полученная мной по электронной почте». Творческий метод Мамчуевой претерпевает столь захватывающие трансформации, что я, например, так и не признал авторства Оксаны в «Игрушке», представленной анонимно, как и все другие рассказы, в лонг-листе премии БА. Я начисто лишён способности перевоплощаться в героев, и от их лица написать рассказ изнутри как бы совсем другой жизни. Поэтому бешено завидую такому таланту. В «Игрушке» перевоплощение происходит настолько тотально, что я повёлся. И мне не очень понравился этот рассказ, написанный, как показалось мне, – хха-хха! – умной, отчаянной и бесталанной стервой, интеллектуальной шлюхой с манией величия, недетские зубки которой отшлифованы десятками бизнес-тренингов, запустившими в её сознании неостановимый, как ядерная реакция, прагматизм. Как водится, слегка припудренный дребеденью со вселенской духовной помойки (расположенной, например, в Пуне), экологию и апокалиптику добавить по вкусу. Единственным, что зацепило меня при чтении «Игрушки» в лонг-листе, была моя собственная мысль: это существо (героиня рассказа) намеревалось прагматично родить ребенка. И вот я представил себе – каково ребёнку иметь в качестве мамы – существо? И может ли материнство изменить эту хищь? Или ещё более усугубит её? Поэтому я несколько оторопел, когда в «Пролетая над» узнал авторство рассказа. И рядом – «Рецензия...», завершающая преображение автора – в другого, совершенно незнакомого писателя. Когда Оксана на мастер-классе в библиотеке им. Ломоносова прочла вслух «Танино сердце» – произошло то, что бывает очень редко – только когда писателю удаётся сделать полшага-шаг в неизвестность: то есть написать так, как никто до него не писал. Вначале это вызывает эстетический шок и смятение у читателей (включая вашего корреспондента) – под аккомпанемент внутреннего визга, понимаемого так называемым хорошим вкусом. Но как бы ни извилист был путь из литераторов в писатели, одно можно сказать совершенно точно: он пролетает над хорошим вкусом. Правильный путь – когда хороший вкус вдруг становится побою. В этом месте мой хороший вкус пытается мне напомнить о Катаеве – о позднем, прекрасном Катаеве: «Раньше я писал хорошо. А теперь буду писать плохо. Стар стал, пора и о душе подумать». Но кто теперь помнит старика Катаева, хха-хха.

Как же Мамчуевой удалось в «Танином сердце» прозвучать неслыханно – почти как гагаузский Платонов в юбке с древнегреческим хором впридачу? Бизнес-тренинг, конечно, из этого не сделаешь, но я рискну указать на два момента (они вполне уловимы в двух рассказах из сборника), и связано это опять с син-

хронизацией нашего местного литпроцесса с мировым. Да-да, я намерен уморить вас этой самой синхронизацией. Дело в том, что в мировую литературу XXI века есть пару входов, пара *must be*, которые не объехать и не обойти, как турникеты в метро. Первый из них – самоирония. В очень широком диапазоне – от придурковатости до самоклеветы. Образ не только повествователя, но уже и автора – в наше время решительно не может строиться как голос непререкаемого авторитета и истина в последней инстанции. Автор больше не Бог. Автору-Богу никто не верит. Мы верим автору, который такой же человек, как и любой из нас. Сквозь этот турникет автор может пройти, только если сознательно подставится. И тогда он будет несъедобен для троллей, охраняющих этот вход. Но по дороге не обойтись без психологической, а лучше – моральной амбивалентности. Поскольку чисто белого Великого Автора уже нет (в моде, как мы знаем, всё больше невеликие и небелые отцы), то в этом и последующих сезонах пока по-прежнему носят чёрно-белые, на манер зебры, шкурки. Ни в коем случае не смешивайте белое и чёрное в серый, – это уже давно не носят. Риск в играх с амбивалентностью состоит в том, что если немного увлечься, то наступает смысловая поливалентность (как, например, у самого нашего великого русского писателя земли молдавской), и всё бы ничего, но бедные ионы совершенно не понимают, как им себя вести в этих поливалентных связях и как двигаться, и двигаться ли вообще. Второе *must be* не является чем-то совершенно новым – это было свойственно и литературе прошлых веков, но в наше время вышло на передний план: чем больше отделённость автора от повествователя, тем лучше. Но если её совсем нет – вход совершенно точно закрыт. Почему так? Потому что нам нужен взгляд извне. Мы все боимся одиночества. Для чего нужно писать (и читать) прозу (или стихи)? Для того, чтобы выйти из себя. То место, откуда каждый из нас может взглянуть на себя извне – это безличное, всеобщее. Это конец одиночества.

В двух рассказах, включенных в «Пролетая над», Мамчуева совершает этот двойной кульбит через турникеты и – дальше встреча, наконец, с подлинной и неожиданной собой в «Сердце Тани». И – вероятно – это только начало встреч.

Мария Гурская. «Прыжок». «Мы». Очень талантливые экзерсисы. Визионерская проза, созданная из неподдельного вещества сновидений. Вещество это ведёт себя примерно как «ворованный воздух», так и норовит улетучиться сквозь неплотные стыки текста (иногда вместе со смыслом) – по законам антигравитации, ведь его Отчизна – вовсе не наш с вами земной мир. Может это пока и к лучшему для автора, – ведь это тот самый вид прозы, которая потом сбывается, очень странно сминая благородные магнитные узоры судьбы и глядя ровно против шерсти каузальное тело автора и тех, кто попал в его текст. «Кто говорит?» – вот вопрос, который должен бы быть главным для медиумических писателей. Кто говорит автору то, что он записывает в виде текста? Это ведь далеко не всегда муза, о нет. На самом деле, желающих диктовать тонкие диктанты – тьма, за всеми не запишешь. Парадокс медиумов в том, что им нужно обрести свой голос. Великая Эмили Дикинсон была открыта всему Мирозданию, но только благодаря своему единственному и неподражаемому, как само Творение, голосу.

Михаил Поторак. «Прогулка». «Корабли». «Тёплое время года». Лауреат премии «Белый Арап» нынешнего года и редактор-составитель сборника «Пролетая над» представлен двумя ироническими рассказами (особая витиеватая и одновременно прямолинейная ирония, многослойный стёб, вырастающий из са-

мой правильной основы – самоиронии, -- сильнейшая сторона и Поторака-поэта). Особняком стоит рассказ «Тёплое время года», который, собственно, и был удостоен. Текст этот рассказом назвать язык не поворачивается, на самом деле – это целый и цельный мир. И среди круга авторов Б.А. Поторак – единственный, кто умеет это – создавать мир. Раньше бы сказали – художественный мир. Но фишка в том, что он – не художественный, а самый что ни на есть реальный. Не будем размахивать громким и неясным словом *нарратив*, а скажем вот что: Поторак написал текст, в который он, как гаммельнский крысолов, увёл из нас же – нас детей, нас-подростков, рожденных великими и ужасными 90-ми. Мы ведь могли быть лучше, честней, смелей, сердечней, настоящей, могли заплатить любую цену, лишь бы быть самими собой и спасти своих друзей, ведь могли же – было такое чувство, нет? Иногда мне кажется, что мое сердце теперь там – в тёплом времени года навсегда. А здесь остался какой-то полу-Июныч. Но тот мир становится всё ближе – с каждой новой глупостью здешнего временного правительства, с каждой новой взрывающейся «арабской весной», с каждым снесённым памятником и обезлюдяющей деревней – тёплое время года всё ближе.

Татьяна Орлова. «Сенная баба». Ещё один автор, чья способность к трансформациям поразила моё воображение. В безымянном лонг-листе «Белого Арапа» мне этот рассказ очень понравился – своей пушисто-лохматой языковой дремучестью, живостью и тем, что он растёт во все стороны. Мимо и поперёк «правил». О! Новый автор появился, – подумал я, – неконвенциональный. Вместе с тем, я почувствовал в авторе нечто знакомое, появилось ощущение, что я реально могу быть знаком с ним. С ним – потому что рассказ большей частью написан от мужского лица. Я вдруг решил, что его мог бы написать парикмахер Толик – меломан и библиофил, которому я периодически сливал очередные выпуски «Белого Арапа». Он подходил ему – этот рассказ. Толик – парикмахер от бога, он носит тату и время от времени пристраивает своей голове такие странные дизайнерские прически с лёгкой призвездью – псевдо-ирокезы с выбеленными «перьями», всё такое, и любовь к обэриутам, Серебряному веку и фильмам Гринуэя в нем мирно уживается с любовью к пиву, велосипеду и простым вещам. И я спросил его – «Ты не посылаешь свой рассказ на конкурс «Белый Арап?» Разумеется, он не посылал. Он не пишет рассказов.

Узнав только из сборника, кто автор «Сенной бабы», я, как и в случае с Мамчуевой, поймал свой когнитивный диссонанс. Рассказ очень добрый, смешной и щекотный, и в нём есть к чему прикопаться с точки зрения стилистики (например, «облокотив велосипед о ствол шелковицы...») – но разве у велосипеда есть локти? Смайл.) Но дело вовсе не в этом. Дело в характере эротизма. Вот, например: «Мои пальцы, как голые ноги, не встречая преграды, сладострастно опустились в волосяной стог. Между ними стало щекотно. Костяшки пальцев «по-коленному» дёрнулись и распрямились. Жена вздрогнула».

Я, как и вы, дорогой читатель, тоже не смогу сказать точно – про что это. Но это очень эротично, хха-хха. Реально щекотно. Ниже пояса. Но что-то странноватое есть в этой эротике. Нет? Я как-то не подумал сразу, что даже Толик такое не написал бы. И ни один мужчина не смог бы.

Мужчина не мог бы *так* ощущать то, что описано в этом пассаже.

К чему я всё это, включая параболу с парикмахером? Известны случаи, когда писателю-мужчине удавалось перевоплотиться в героиню-женщину настоль-

ко, что читательницы признавали в них великих знатоков женской души. Кроме Флобера и его госпожи Бовари, самый свежий пример – Каннингем. В гениальном романе «Часы» он непостижимо перевоплотился сразу в двух женщин, притом, что одна из них – совсем-совсем не простая: Гертруда Стайн. Описываемый им «изнутри» послеродовой психоз одной из героинь – настоящее потрясение не только для читательниц, но и для читателей. Потому что ничего подобного в мировой литературе ещё не было. С другой стороны, случаи, когда женщинам-писательницам удавалось столь же безупречно войти «внутри» мужской психики, – науке не известны. Возможно, я отстал от жизни – поскольку не только не читал, но и не смотрел «Горбатую гору». По слухам, её написала женщина. Смайл.

Орлова – очень одаренный и быстрорастущий писатель. Её проза обещает мощный качественный скачок. Дело за малым – более пристальным исследованием реальности. Тогда от неё будет легче оттолкнуться.

Наталья Новохатняя. «Тата». «Научи любить». «Тата» – прекрасный и тонкий рассказ, вместе с «Тёплым временем года» заслуженно претендовавший на победу в шорт-листе «Белого Арапа». «Тата» дает формальный повод поговорить о модном в нулевые годы тренде под названием «некроинфантилизм». Но, пожалуй, я не воспользуюсь этим поводом. Потому что – по крайней мере на уровне местной русской литературы – Наталья замыкает дверь некроинфантилизма золотым ключом: история первой встречи ребёнка с любовью и смертью – это на самом деле просто история взросления. Не больше, но и не меньше. Но именно этого очевидно-невероятного осознания не хватает большинству поэтов и прозаиков, годами зависающих внутри первой детской раны, незаметно для себя превращаясь в почти опарышей, производя продукт упадочный. (Как всегда, когда часть замыкается на себе и отпадает от целого).

Новохатняя – писатель с глубоко классической настройкой эстетических и этических струн своего таланта. Тем более интересны её попытки погружения «внутри» положения социально и психологически далёкой героини – продавщицы Ленки из косметического бутика, изредка поколачиваемой мужем, живущей целиком и полностью в тоже классической по-своему парадигме, но на пару октав ниже: в полном духа наживы, конкуренции и межнациональных трений мире кишиневских продавщиц. Рассказ «Научи любить» – интересный эксперимент, местами умозрительный (например, из-за недостаточно глубокого по нынешним временам погружения в физиологию семейного насилия – тема садо-мазо не раскрыта, смайл). Во всяком случае, некоторая поверхностность в понимании природы насилия, скорее всего, и порождает недоумение читателя: почему же любовь к мужу всё-таки возродилась в душе героини? Только нечаянной беременности для этого может быть недостаточно.

Вяловатый тон вашего корреспондента в этой части обзора связан вот с чем: после рассказа «В гостях», прочитанного Натальей на мастер-классе (он, к сожалению, не вошел в «Пролетая над») – и «Тата», и «Научи любить» кажутся просто очень хорошими или добротными рассказами. А «В гостях» – проза – вдруг! – уже европейского уровня, бесстрашная, блистательная, настоящая и очень русская по духу. А всё дело – в «правильной» партитуре голосов автора и рассказчица, хха-хха. Новохатняя стремительно – за год-два – из поэтов перешла в прозаики, да так, что хочется посоветовать издателям скупать копирайты на её рассказы, пока не поздно. Смайл.

Анжела Енаке. «Тишина перед». «Фотограф». Я не могу анализировать тексты Анжелы Енаке. Мне нравится всё, что она пишет. Мне жилось бы труднее в этом городе без озона издалека, которым всегда веет от её рассказов. Иногда за неё бывает боязно: там, откуда этот озон, – очень высокие вольты. Там тебя убивают за всё. Чтобы ты остался живым.

Елена Пахомова. «Полина до и после». У Пахомовой несомненный дар рассказчика: текст соткан почти из ничего, почти из пустяков, из «штучек для девочек», – а не оторваться. Почти как у Довлатова. Дочитываешь – и зависаешь от концовки, – потому что её вроде и нет. И – «до и после» – чего, собственно? И только после второго прочтения начинаешь замечать и осознавать все эти круги ада и рая семейной кармы, как сказали бы поп-психологи. Притом что никакой дурной психоаналитики впрямую текст не содержит, и пропитан самоиронией и иронией. Он соткан из микрособытий внутреннего мира Полины, определивших во многом если не её судьбу, то характер этой судьбы. Наша личность – это сумма наших отношений с другими людьми. Но есть в этой сумме слагаемые, от перемены мест которых всё меняется. Поэтому – до и после – да, развода родителей героини. Что же касается концовки рассказа, – она даёт пищу для множества странных и не совсем удобных размышлений. Любовь – это пища? Любовь – это питание друг-другом? Вероятно – для ребёнка это так. Родительская любовь питает его. Прекращение этой любви порождает голод. Но, – может быть, как и в случае с некроинфантилизмом, так же обстоят дела и с ещё одним модным литературным трендом – «любовь&секс = еда»? Может, всё дело в том, чтобы вовремя захотеть стать взрослым? А если не хочется? Да и подсознание – на то оно и подсознание, чтобы не осознавать. Смайл. Или поступить с самим собой как мудрая и любящая мать Полина: «Мама и ругать-то не ругала. Ну хоть что-то ест ребенок. Просто со временем начала давать 32 копейки, ровно на две булки». Замечательный рассказ, замечательный автор. А фраза «гуру» из рассказа «Тебе не должно быть все равно, кто тебя е..т» по праву станет крылатой, да.

Сергей Узун. «Гха». «Good is busy». «Петля». Если бы Фрумича не было, его, без сомнения, стоило бы выдумать. Он – красавец во всём, что делает. Писатель, блоггер, нормальный светский человек, наконец, – в отличие от социопатичного большинства писателей. Да и как писатель он выбрал очень правильную нишу – такая короткая нереалистичная новелла, виртуальная что ли. Жанр этот успешно синхронизируется в ретроспективе (лет 20-30 назад такого рода новеллы запросто публиковали даже «Эсквайр» и «Нью-Йорк Таймс», правда, «в исполнении» если не Шекли, то хотя бы Стивена Кинга, так что жанр вот-вот созреет до винтажности). Да и перспектива синхронизируется тоже перспективно: это любимый жанр айтишников и вообще большинства интернет-зависимых людей, к тому же удачно скрещенный Фрумичем с тем, что принято называть «постом» в блогах. Мне не хочется определять этот жанр более точно – ни как киберпанк, ни как чистый SF – именно потому, что Фрумич экспериментирует с множеством поджанров. Важнее функция: это, в первую очередь, такой интеллектуальный фитнес, ментальная гимнастика, – игра ума, иногда сводимая к развернутому анекдоту, вполне злободневному (как игры вокруг толерантности в Good is busy), а иногда достигающая до притчи («Гха»). Все это Фрумич пишет совершенно мастерски, с массой иронии. К чему я это всё? Понятно, что в такой – далёкой

от реальности – форме автор, тем не менее, сублимирует свои переживания и впечатления от реальности же. Но мне показалось (в «Гха» и в «Петле») – а может я переношу на эти рассказы свои личные впечатления от мимолетных встреч с Фрумичем на тусовках – мне показалось, что за тем вполне отшлифованным образом Фрумича и его рассказов, к которому мы привыкли, есть совсем другой писатель. И если б он не сублимировал свои отношения с жизнью в привычный жанр, а писал прямо – о своей жизни и о жизни тех, кого он знает, – вполне вероятно, это оказались бы грандиозные, хотя и не такие весёлые тексты. Но это, конечно, был бы уже не Фрумич, а Сергей Узун. Но как же правильная ниша, где у Фрумича вышло уже три книги? Ну да, ниша правильная. Пишите, Фрумич, пишите, она золотая. Смайл.

Олеся Рудягина. «Подруги». Отличный рассказ, полный узнаваемых кишинёвских реалий 90-х годов, сердечный вихрь, замирающий на ноте любви и доброты. Мне в последнее время стали нравиться добрые тексты, хха-хха. Старую. «Мы исследовали все глубины зла, вместо того, чтобы делать добро» – сказал кто-то в связи с Булгаковым и более расширительно – по поводу исканий литературы XX века. Доброта как-то давно и незаметно выведена из категорий эстетического. Но, возможно, пришло время, когда от неё и осталась одна эстетика, – вместо дел. Будем считать, что у меня фантомные боли по доброте. Рассказы Рудягиной относятся к милому моему сердцу почти нон-фикшн, сейчас это называют «реальной прозой» (хотя мне больше нравится термин «hysterical realism» – «истерический реализм»). Имеется в виду почти автобиографическая история, в которой автор за всё заплатил своим непосредственным опытом. И именно эта энергия личного опыта и пережитого делает этот стиль незаменимым и неконтрафактным. Потому что – что бы я тут ни плел о синхронизации и современной модальности прозы, – на самом деле везде, кроме, может быть, русскоязычного Кишинёва, современный средний уровень техники письма – в прозе и особенно в поэзии – стал настолько высок, что как никогда остро встал вопрос об индивидуальности автора в литературе. Об имитации и неимитации. Почему? Благодаря, в первую очередь, появлению Интернета, творчество в наши дни всё чаще относится к искусству так же, как китайский АБЪЕБАС к ADIDAS. И так же, как эти оба А к, собственно, искусству. Не то чтобы блеск и нищета сетевых технологий, помноженные на сложносочиненные градации политкорректности и неполиткорректности среди сетевых и внесетевых сетей «своих» и «не своих» (формальных и неформальных писательских тусовок) – и каждая с двуручной медалью – одна сторона напоказ, вторая – для «своих», «между нами» – не то чтобы всё это вместе с ломкой, сформированной улётами от высокой советской кухонной литературы и такой же жизни, – благодаря конкуренции дали бы в результате чрезвычайную новизну. Нет. Дело в другом. Вопреки представлению о том, что мы живём в неоварварскую эпоху, синергичные процессы зашли так далеко, что решили показать нам, как в условиях разгерметизированного культурного пространства запредельный приток времени из Вне на уровне биологии духа порождает мозаичный, но резко вертикальный рост интенсивности сознания. Как, например, выдающейся силы солнечные бури прошлым летом вызвали северные сияние в совсем не привычных к этому странах Центральной и даже Южной Европы. Вспышки осознанности литераторов среднего и старшего поколения, спровоцированные ломкой по, собственно, и не очень существовавшие

му, Большому Советскому Кухонному Стилю, произвели следующий результат. Оказалось, что относившаяся до недавних пор к святой святых высокой русской прозы (и поэзии) композиционно-ритмическая не просто смыслообразующая, а сюжетообразующая (каузальная) машинерия (с набором стилевых и интонационных канонов), овладение которой требовало, как казалось раньше, как минимум «божьего дара» – пришлось вполне по зубам любому образованному человеку с избытком свободного времени и трудолюбия. И не только это, а самое неуловимое и «неподдельно-неподделываемое», индивидуальное – тон, дыхание, характер прозаика (поэта) – оказалось вполне себе воспроизводимыми. Типа ярлыка “handmade”. Или – “made with inspiration”. В условиях сверхпроводимости, созданной интернетом, в отличие от тех времен, когда новая литература медленно расходилась бумажными журналами, книгами, самиздатом, – результатом стала решительная невозможность всерьез примерять на себя писательские «одежды» (формы и позы), относившиеся ранее к пределу мечтаний «хорошей» литературы. Потому что это было бы смешно для тех, кто воспринимает литературу как хоть в какой-то степени езду в неизвестное (т.е., собственно, творчество нового). Формы выражения индивидуальности подорвали имитациями «хорошей литературы» так же, как поддельный Адидас подорвал желание платить деньги за настоящий Адидас и – на всякий случай – переместил весь Адидас как бы в разряд одежды для “быков”. То есть индивидуальная поэтика перешла в разряд брэнда, оплачиваемого (не)символическим капиталом внимания. А торговать проще, как известно, уже раскрученными брэндами. И это – не совсем постмодернизм. Но и не до конца палево. В этом нет ничего плохого. Поскольку образовался очередной водораздел – на этот раз между творчеством и исполнением, – но уже в литературе, а не в музыке. В музыке есть Хор Турецкого – мегапрофессиональный хор исполнителей evergreen. И есть Шнитке, которого исполнить далеко не всем (пока) по зубам. Ну, или Уэйтс, под которого можно успешно косить (Сукачев). Авторскую индивидуальность в современной литературе почти не возможно выразить личной ритмикой и интонацией (как это было принято во времена Пастернака, например), и это было подобно пошитоному на заказ костюму. Сегодня индивидуальность выражается чем-то – продолжая аналогии с одеждой и телом, – что ближе скорее к тату, точнее – шрамам. Потому что это требует хотя бы какой-то реальной расплаты – если не пресловутым совестным дегтем труда, то хотя бы болью. Здесь я подхожу к каузальному – потому что – ну, не то чтобы я хотел сказать, что исполнители – это фальшивомонетки, которым удалось наладить хороший ксерокс, нет. Я хотел только напомнить, что я очень необъективен. И что единственным водяным знаком, по которому можно отличить одно от другого (на самом деле – шут знает, что от чего) – это знаки и шрамы судьбы, из которых на невидимом, но живом теле событий складывается что-то вроде надписи «за всё заплачено» или «всё это действительно было». Поэтому мне нравится рассказ Олеси. Мне нравится, возможно, незаметный для самого автора, но отчётливо выраженный сюжетом и языком рассказа отсвет 90-х, – когда грозная и адская повседневная жизнь стала почти подвигом. Неброский, почти незаметный героизм тех лет состоял в том, чтобы не потерять душу, не погасить огни наверху. И Рудягиной это удалось – рассказ полон живого, неподдельного света и тепла. Такой неделимый остаток. Но и ей мне трудно простить некоторую неразборчивость в использовании штампов, – было бы лучше, если бы эти штампы отчётливо относились к несобственно-прямой речи её персонажей, а не к автору.

Ксения Мушгук. «Секунда». Блистательный рассказ. Шедевр амбивалентности с человеческим лицом. Смайл. Ксения, мои поздравления.

Денис Башкиров. «061». Признаюсь откровенно, этот рассказ Дениса мне нравится несравненно больше, чем удостоенные премии «Голубые драконы». Здесь есть стиль, и – на мой ничего не значащий взгляд – он органичен для Башкирова. И есть сила. Этот общий вагон во вспышках абстинентного стрёма, богом забытые станции и люди, загнанный предынфарктный ритм, – совершенно потрясающе и ни на кого не похоже. Респект. Биология паразитов сознания – неувядающий и предельно актуальный тренд. Вопросы, как всегда, только к прикладной части паразитологии. И в этом смысле финал текста вызывает уверенность, что продолжение последует. Даже если вы не страдаете паранойей, это вовсе не значит, что паразиты сознания не следят за вами. Смайл. Паразиты так легко не сдаются. Бог в помощь, Денис!

Александра Юнко. «Пуговицы и подушечки». «Новый год». Из этих рассказов о Пушкинской Горке хотелось бы целую книгу. Я бы ею лечился. Обожаю!

Светлана Иванова. «Новые возможности твоего мобильного». Та же ниша, что и Фрумича. Сорри, не умею анализировать этот жанр, – мой IQ устроен чуть по-другому, да и в целом он у меня маловат и низковат для интеллектуальной прозы. Успехов, успехов, успехов!

Вика Чембарцева. «Пророк из спального района». Очень мудрый, тёплый и настоящий рассказ. У него есть сердце. Поэтому совершенно не хочется анализировать и относить этот текст к категориям. Хочется подольше сбереечь ощущение удивительной внимательности и бережности Вики ко всем без исключения проявлениям жизни, – внимание ко Всему.

«Пролетая над» – интересная книга. Редактору-составителю удалась внутренняя драматургия сборника – между рассказами совершенно разных авторов возникают контрапункты и смысловые рифмы. Трудно судить, на самом деле, о том, до какой степени премия «Белый Арап» и ежегодный сборник рассказов катализировали местный литературный процесс. Мне кажется, что средний уровень прозы возрос – по сравнению, например, со вторым выпуском сборника. Несомненно только то, что БА создал пространство, которое позволяет внимательней наблюдать за местной литературой. А внимание, как считают шаманы, создает мир. Смайл.

ОЛЕГ ПАНФИЛ – поэт, писатель, переводчик. Автор книг «Песни туземцев и пляски с чёрной собакой» (Кишинёв, в соавторстве, 1992), «Дорога сновидений» (Бухарест, Axis Mundi, на румынском языке, три переиздания), «Школа сновидений» (Кишинёв, 1997, Axul Z), «Пиромания» (Киев, изд. М.Погорелый, 2006), ««Ты-ы! давай сбежим отсюда вместе» (Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2008). Премия за лучший поэтический дебют журнала «Горизонт» (1986 г.), Независимая премия румынского журнала «Tiuk» за лучший стихотворный перевод (2009 г.) Лауреат независимой премии за лучший рассказ «Белый Арап» (2009). Литературный обозреватель журнала «Departures» (русская версия, Москва).

ПРОЗА

Поле притяжения

ЛАУРА ЛАЗАРЕВА

СТРАХИ

ПАМЯТЬ

Я проживала, не раз проживала эту удушающую тревогу перед началом бури. В детстве мне казалось, что после неё полностью изменится мир. Всё смоет, и ничего не будет, как прежде. Смоет следы и пороги, имена и нежность. Самое страшное, что могло случиться: у моей матери смыло бы память, и она не узнала бы меня после грозы. Она бы металась по всему миру, с глазами огромными, выпученными от горя, и спрашивала всех: не видели ли они её дитя?! И слёзы дрожали бы в её глазах. А одна слеза осталась бы на реснице. И в ней отражалась я. Она смотрела бы на меня чужим взглядом, и голос в неузнавании твердил только одно: я не могу найти своё дитя!

От этого страха, от этой живой, ужасной картины мои ноги перед бурей безудержно вели меня к маме. Её тёплый запах, как запах сельской пыли, обнимал меня. Я прижималась настолько крепко, насколько могла, – так, чтобы руки наши перемешались. Так, чтобы даже сквозь одежду чувствовались подушки пальцев и рисунок на них. Не было ничего страшней маминой боли, невозможности найти своё дитя на пороге опасности. Вдруг мир поменяется совсем. Насовсем.

СМЕРТЬ

Лишь дети знают о бессмертии. Ещё помня затылком своего счастья – руки. Несметное количество рук жён или мужей, матерей, отцов, своих же будущих-прошлых детей, которые гладили их. Гладили, предчувствуя встречу и разлуку, помня нежность прикосновения и вихрь времени, проходящий взрослением в костях и, чаще всего, мудростью сердца. Поисками и вопросами о тех вещах, от которых дрожат кончики пальцев.

– Мама, а из чего сделана жизнь?

– Из тебя.

– А смерть?

– Смерти, окончательной и навегдашней, не существует. Есть дорога в вечности.

– Мама, я хочу идти стоя!

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Эта восхитительная кабала начинается в младенчестве. Лежишь ты в своей кроватке, и самое близкое и любимое существо на свете – вершитель света и молока – начинает издавать похожие и повторяющиеся звуки, которые не приносят в твою жизнь ничего, кроме шума. Ты же по глазам всё понимаешь, нутром всё чувствуешь. А звуки эти бывают ещё и неприятно – режущими или восторженно-отвлекающими от той благодати, которая внутри. Но без этого никак, для того, чтобы познавать этот мир, следует, в том числе, понимать и издавать такие же. Ибо «... в начале было слово».

Пока произносишь «мама», «папа» – всё в порядке. Это договорённость. Но вот когда кричишь «вода», а тебе дают молоко? Ведь пить же хочешь? Или воду?

Моё сильнейшее смятение началось с цветов. Папа говорит «зелёный» и показывает цвет, который отличается от того, что, говоря «зелёный», показывала тебе мама. Тишина внутри оглушительная. Так что именно мне следует называть зелёным, чтобы вы понимали меня, родные? И какой именно цвет впервые назвали зелёным? Сквозь цветное стёклышко посмотришь, и всё выглядит по-другому. И для тебя «жёлтое» становится изумрудным или красное – фиолетовым. Так какого же цвета этот предмет? Может, он задуман для того, чтобы на него смотрели именно через этот осколок, чтобы увидеть его истинный цвет?!

Взрослеешь, и всё становится только сложнее. Коварные прилагательные. Хорошая музыка. Красивая картина. Дурное воспитание. Полный плен.

- Мама, а как понять, что этот друг – лучший?
- Когда у тебя будут мёрзнуть руки на морозе, он отдаст тебе свои варежки.
- Мама, тогда я могу быть лучшим другом всем.
- Но у тебя не хватит на всех варежек.
- А если я подойду и буду дышать на их ладони, я что, перестану быть лучшим другом?

НЕБОЛЬ

- Можно, я сделаю тебе больно?
- Может, не надо?
- А вдруг надо?
- А зачем?
- Так ты меня точно запомнишь.
- А как тебя забыть, когда ты больно делаешь только с разрешения?
- Так ты разрешаешь?
- А где именно будет больно?
- Этого я не знаю... У кого-то болит голова, у некоторых душа, но чаще – всё тело болит.
- Тело не страшно.
- Да, но не всем так везёт.
- А когда боль пройдёт?
- Сначала прихожу я. Потом боль. Потом мы уходим вдвоём. Но чтобы мы ушли, ты должен сначала нас принять. И понять, зачем мы пришли именно к тебе погреться.
- А сказать об этом я должен? Я ведь и соврать могу.
- Можешь, но тогда мы придём снова. Надо понять, кто мы, чтоб мы ушли.

- Кому надо?
– Тебе, конечно же.
– А вы не боль?
– Нет, боль – это боль. А мы вместе – нечто совсем другое, но совершенно необходимое.
– Необходимое мне?
– Нет, необходимое жизни твоей. Впускай, давай! А то холодно тут, снаружи.

АГАТА И ВРЕМЯ

Посреди комнаты стоит девочка. Глядя на неё, легко заметить, что она стоит на пороге чуда. Чудо растёт из-под ног и доходит уже до коленок. Она предчувствует его. Ждёт. Творит. Бесхитростный лик окна явно пытается заглянуть ей через плечо.

- Агата долго думала о Времени.
Какое оно на ощупь?
Не скучно ли ему бежать одному?
Куда оно так неистово убегает и от кого?
Может, оно играет?
Как и зачем его хотят уговорить повернуть назад?

Раньше она думала, что время – это нечто прозрачное, приобретающее вид и форму того, сквозь что проходит. А потом задумалась: может, не совсем прозрачное? Но как же увидеть то, что, проходя через вещи, остаётся невидимым, но меняет их? Взять хотя бы прабабушку. Может, время – это изменения сами по себе? Зачем же тогда люди носят часы и вешают их на стены? Разве цифры изменили прабабушку? Разве тиканье рисовало морщины на её родном лице? Тик – штрих – морщинка, так – страх – морщинка – старость.

А если оно прозрачно, и оно везде, тогда, может, время – как мамины духи? Кто-то распылил это чудо в воздухе, его не видно, но оно точно есть, вокруг, на коже, а потом – в памяти. И памятью. Но кто же тогда распылил время? И на какие именно духи оно похоже? Если все слышат единый запах, тогда почему некоторые люди грустные, а другие весёлые? Или люди слышат разные запахи, хоть он один? Может, каждый человек в магазине своей жизни покупает себе духи сам? Каждый выбирает своё? Или просто запах в каждом носу становится разным?

Вот сидит Агата в своей комнате и играет с куклами, причёсывает их и заплетает им косички, а мама в это время достает из печки круассаны. Детское время пахнет куклами и игрой, а мамино – тёплым миндалём и ласковым тестом. Запах входит внутрь и меняет нас. Или становится нами? Может, и то, и другое, и ничего из этого. Агата вспомнила, как они ехали в Финляндию на машине. В окно она увидела дядю на мотоцикле, который обогнал их так: сжжжжжжжжииии... Маленький осколок минутки. Пять секунд. Ей вдруг очень захотелось так же, но машина ехала на «безопасной» скорости. Уже подъехав к таможне, когда они только вышли из машины, чтоб пройти паспортный контроль, она снова увидела его. Дядя готовился отъезжать. Он ждал, пока ему откроют шлагбаум. У него был усталый вид, и, судя по тому, как он тёр колени, они ещё болели от времени. Точнее, от его сжатия. Он то тряс головой, то катал её от одного плеча к другому. Похоже, что он сначала выбивал застрявшие секунды, а потом вкладывал их на своё место, как дети – пазлы.

Агата, вместе со своей семьёй, простояла на таможне больше часа. Дяденька на мотоцикле давно уехал, а девочка всё думала, насколько ему удалось сжать время? Как сильно при этом гудят колёнки? Она помнила, что когда удавалось во время езды на машине высунуть из окна лицо, запахов слышно не было, только чуть уставали глаза. Было очень хорошо впускать ветер внутрь. Грусть, как пыль, сдувало напрочь, ощущение машины пропадало, точнее, растворялось, как акварель в воде. Но взрослые тут же, как ужаленные, вскрикивали и как заведённые повторяли одну фразу: «Закрой окно, тебя продует!». Запахов при этом не было. Только движение. А если запахов не было тогда, может, это означает, что время – не только запах?

То, что приближало её к разгадке, лежало у неё в руках, раскрытой. Это была книга, подаренная прабабушкой в день, когда бабушке исполнилось десять лет. И вот эта книга точно могла рассказать ей о времени больше, чем все взрослые вместе взятые. Время застряло в этой книге на столько лет, что смогла и пожелтеть страницы, и надушить их до опьяняющего запаха. Агата трогала буквы, и на пальцах её, кое-где, оставалась краска. Вдруг буква Х превратилась в галочку, а Ж – в К. Буква О сталА блюдечком, полным конфет. Агата, с пальцами в буквенной пыли, пошла на кухню. На столе для готовки ещё оставалась мука. Она набрала чуть муки в кулачок и размешала её пальчиком, полным воспоминаний букв. Растёрла эту смесь, и она стала светло-серой, как пыль на сельской дороге. А ведь на этих дорожках пыль особенная. Столько стоп оставляют на ней следы своего времени и тепло своих шагов. Может, поэтому так приятно ступать по ней медленно-медленно. Чувствовать, как она просачивается между пальчиками, гладит пятку.

Вся в плену этих воспоминаний, Агата пошла в свою комнату и думала: что же ещё существует во времени? В коридоре, на калошнице, рядом со связкой ключей стояли мамины духи. Она с удовольствием ими надушилась, и серая пыль на ладошке, которая так похожа на пепел, тоже получила маленькую дозу любви в запахе. Несколько шагов спустя, по правую руку, оказалась ванная комната. Она вошла, открыла одной рукой кран и протянула под струю руку. Подняла её над своей второй ладошкой, где была пыль времени, и с её пальчиков стекло несколько капель. Не успев ни о чём подумать, она съела этот прекрасный комочек, так похожий на грязь. Проглотила, подняла глаза к зеркалу и посмотрела в них пристальнее пристального. Сначала она увидела себя в двенадцать лет, потом в пятнадцать, дальше – быстрее: вот она невеста, вот её образ с ребёнком на руках, светящийся от счастья, потом глубже и дальше... Её лицо меняется, но всегда остаётся красивым – и в сорок, и в пятьдесят восемь, и за всеми этими изменениями всегда можно увидеть красоту Агаты и момент, когда она начала искать Время. Точнее, до этого момента. Тогда и там, где начиналось Время, до появления её в этом мире. До появления этого мира на свет. До появления Света.

ПИСЬМО

Я отращу себе длинные-предлинные волосы. Цвета холодной меди. Убегающие от моих мыслей аж до самого до тела. В переливах своих шушукающиеся с немой теплотой кожи. Ровно и одинаково ловя свет и тень. Бессовестно их поглощая в этой игре, где каждый отблеск – суть и вершина творения.

Я отращу несколько прядей для тебя. Для того, что ты любишь делать перед рассветом. Для стихов, которые написал не ты только потому, что их словили и записали до тебя. Чей-то сачок оставил на твоей щеке эхо ветра. Чувством стиха.

Прядь убежала за ухо. Эта смелая прядь уже изнутри седая. Вернувшись к своему цвету, она обрела лёгкость и вспомнила истинную прыть скольжения. Крутится вокруг пальца воронкой. Я отращу прядь, которая бы выбивалась из пучка торчащим влево указателем дождя. Указующим тонким перстом переливчатого в зелёном золота.

Я буду коротко состригать часть волос на макушке, чтобы ловить ярким ёжиком закат. Цеплять ими дно солнечного диска и идти, нет, *бежать* домой. Мои дети любят греть ладошки.

Непреренно оставлю длинную прядь на затылке, так, чтобы она отдельно от всех струилась вкривь да вниз. Змейкой по ложбинке на затылке, огибая седьмой шейный и, утончаясь, пряча свой финал аккордом под кофту с птицами.

Каждый вздох, каждая нить, прядь, отблеск – посвящение. Поиск и посвящение. И вновь. И вновь. Дугой, кромкой у самого лица. Струятся. Падают. Кружатся и летают. Пряди бесстыжего медного нетерпения в режущей голубизне неба. Огибая плоть и воздух в поисках того, что больше всего и меньше всего может их отражать: маленького круглого зеркальца с наглыми нешлифованными краями. В твоей ладони. Не порежься.

Сяду о чём-то думать и медленно заплету всё это богатство в косу, скручу её на затылке круглым, мягким стогом. Он будет тянуть макушку вниз, а взгляд – вверх, к трещине в облаках, откуда вот-вот заструятся синие косы неба.

ДРЕВО

Между корнями, в нежном стоне и песне земли, дождевой червь щекощет мне мизинец.

Потом, на подъёме, отдаются влажностью его скользкие кольца.

По щиколотке, мурашками, наверх. Где-то в этой песне находится колено.

Оно теплее, потому что уже выныривает из земли или, спускаясь с неба, находит себя там:

спрятанным маслом и явным запахом живой коры;

сухостью и нежностью одновременно.

Пальцы тут могут солгать, потому что и они одеты.

На уровне бедра это уже толстый ствол. Но он гибкий, как ивовый пруттик.

Как ножка от яблока. И теплота нутра тождественна себе.

Чуть ниже талии прорастают первые ветки самости.

В памяти себя укрепляющие ствол и дарящие нежную тень, которую так любит трава вокруг.

Вместо желудка – улей диких пчел, полный мёда и искрящихся жужжащих чудес.

И тепло тут иное, сердцевинное, словно нутро дерева само складывает мёд в улыбки и поцелуи между реальностью-деревомной и остальным лесом.

Повыше, напротив сердца крона густеет и вступает дареньем в мир веток и воздуха.

Фа-мажорная древесина венчает себя листьями, бабочками и птицами.

Дерево идёт вверх к утончению горла. А там – чуть спрятанное от чужих глаз гнездо.

Бывает, оно само по себе.

Иногда к нему подлетает птица с крепкими крыльями и глазами, полными мечты.

Случается, в них душистым безмолвием отражаешься ты.

Выше, где уже древа мало, и ветки реже, – место для отдыха двух других птиц.

Там воздуха больше. Поэтому к левой стороне часто заглядывает сова.

Она чинно садится, ухает изредка и постоянно сплетничает с листьями.

Те – шумят, а она – молчит. Слушает, крутит головой и снова слушает.

В перьях у неё застревают сны, мысли, а иногда – липкие чужие афоризмы.

Они – сверху. Сова ими не полна. Она носит их легко.

На правой стороне есть ветка, куда садится орлица.

Тут совсем другая история. Орлица вполне может выдрать несколько листьев, веточку или даже две, и только потом, с видом, как будто на вечное мгновение она тут, запустить когти в кору. Коре не больно, это – бодрит.

А между двумя этими пристанищами, посередине – нежное молчание воздуха, который, видя всё и проникая всюду, зовёт свои тела со всей глубины ствола, веток, корней, листьев и смолы.

Он звенит ими так громко, что редко кто способен слышать. На ухо каждой части.

Песней, Звоном, Криком.

Иногда матерным словом не брезгует. Но при этом царит слышимая тишина.

И лишь там, где уже веток почти нет, и свет гладит только редкие листья, вы увидите второе начало дерева.

То, которым оно подпирает небо.

Подпитывает его своим ростом, дыханием, и в шелесте гладит его щёки.

Тишиной отражает его присутствие.

Растущим зеркалом вечности.

Может, это деревья придумали небо, чтоб найти то, что может стать сутью земли?

ЛАУРА ЛАЗАРЕВА родилась 26.12.1977 года в Кишинёве. Первые стихи написала в пять лет и посвятила своему деду. Закончила Экономическую Академию, после чего писала стихи и прозу цифрами. В 2002 году переехала в Санкт-Петербург. Там уже не писать стало невозможно. Является официальным биографом и литературным агентом своей дочери, которая пишет стихи и прозу с четырёх лет. Публиковалась в белоарапских сборниках «Невидимое море» и «Пролетая над».

Эхо XX века

ОЛЬГА ТИХОВСКАЯ

К 60-летию киностудии «Молдова-филм» (1952–2012)

ЭМИЛЬ ЛОТЯНУ: «Показать, насколько талантлив наш народ...»*

Творческий дар молдавского кинорежиссёра Эмиля Лотяну (1936–2003) был ярким и неповторимым. Но линия жизни непримиримого романтика оказалась, типичной для поколения молдаван, чьё детство пришлось на годы румынской оккупации, чья юность совпала со временем послевоенного возрождения Советской Молдавии. А в зрелые годы, когда Лотяну продолжает поиск непроторенных путей в искусстве, его биографические маршруты во многом повторяют жизненные виражи ведущих советских кинематографистов времён перестройки, развала Советского Союза и парада суверенитетов.

Жизнеописание режиссёра-постановщика легендарных фильмов «Лаутары» (1971), «Табор уходит в небо» (1975), «Мой ласковый и нежный зверь» (1978) могло бы стать основой для увлекательного биографического сериала. Приключенческих, авантурных, любовных, исторических сюжетов хватило бы не на одну серию.

...Через несколько лет после рождения Эмиля его родители спешно покидают родное село и переезжают в Румынию. Причиной послужили не домашние и не материальные проблемы семьи Лотоцких. Избавление Бессарабии от румынской оккупации воспринималось неоднозначно. Часть населения приветствовала Советскую власть и возвращение в границы великой державы. Другая часть, не увидев для себя перспектив при новом политическом режиме, отправилась вслед за румынской администрацией и румынскими войсками, отступавшими на территорию так называемого «Старого Королевства».

Жизнь в Румынии началась с поступка, типичного для бессарабских и буковинских переселенцев: Лотоцкие меняют фамилию на румынизированный вариант

*Материал подготовлен автором специально для журнала «Русское поле». Появление его в Интернете и печати без ссылки на журнал просим считать проявлением пиратства.

«Лотяну», надолго забыв о своих молдавских, украинских и польских корнях. Безвременная кончина отца потрясает Эмиля; главой семьи становится мать. Спустя несколько лет её помощь будет так необходима одарённому юноше, который решил связать свою жизнь с искусством. Но ни матери, ни сыну было не под силу преодолеть предубеждения и негласные запреты в отношении бессарабцев и прочих «второсортных» граждан. Позже, став известным режиссёром, Лотяну вспоминал, как ему доступно объяснили, что в социалистической Румынии его, беженца из Советского Союза, в институт не примут.

Чтобы получить высшее образование, он вновь становится «переселенцем». Хотя вряд ли авантюрный переезд из Бухареста в Кишинёв был осуществлён только в поисках прямой дороги к студенческой скамье. Многогранный талант Эмиля требовал реализации, заявляя о себе и первыми стихотворными опытами, и тягой к лицедейству.

В Кишинёве, где пятидесятые годы прошлого века были временем активного культурного строительства, Лотяну печатается в комсомольской газете «Тинеримя Молдовой», пробует играть в Молдавском музыкально-драматическом театре имени А. С. Пушкина, пишет стихи. Гостеприимный многонациональный город, переживавший второе рождение после войны и фашистской оккупации, принял «дважды переселенца» в круг своих поэтов, интеллектуалов, художников.

Многим талантливым людям посчастливилось расправить крылья именно в этом неамбициозном южном городе, никогда не претендовавшем на звание интеллектуальной или артистической столицы. В биографии будущего кинорежиссёра тихий Кишинёв сыграл неопределимую роль: здесь была возможность начать с чистого листа, обрести себя, накопить силы для новых дорог.

Летом 1953 года Эмиль Лотяну отправляется в Москву. Огромная толпа молодых людей в проезде Художественного театра (бывшем Камергерском переулке), возможно, напоминала прохожим о недавних похоронах Сталина, когда бесконечные потоки людей переполняли улицы и площади скорбящей столицы. Но толпа молодёжи не имела отношения к траурным шествиям. Просто в Школе-студии Московского Художественного театра начались вступительные экзамены, и тысячи абитуриентов стремились попасть в театральный институт, освящённый именами корифеев русской сцены.

Сегодня трудно поверить: среди немногих счастливицков, принятых в том году на актёрский курс, был и «переселенец» Эмиль Лотяну. Невероятное везение. Талант. Случай. Но – ирония судьбы! – достигнув того, о чём он и мечтать не мог в Бухаресте, Эмиль недолго прожил под сенью мхатовской «Чайки». Через два года недоучившийся театральный актёр, молдавский поэт, феерической энергетики романтик покидает Школу-студию в бывшем Камергерском переулке. Путь его лежит в сторону ВДНХ – Выставки достижений народного хозяйства СССР, – неподалёку от которой поднималось новое здание Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК). В то время добираться из центра Москвы до ВГИКа было непросто. Но Лотяну осваивает и этот маршрут: он успешно сдаёт экзамены в институт, для многих артистических натур остававшийся неприступным, как турецкая крепость Измаил.

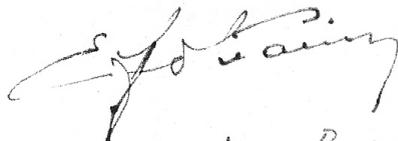
«Слава Богу, слава Вам! Крепость взята, и я там!» – такой стихотворный отчёт о взятии Измаила послал генералиссимус Александр Суворов матушке-императрице Екатерине Второй.

Как именно сообщил Эмиль Владимирович своей матери в Бухарест о поступлении на режиссёрский факультет ВГИКа, он сам не уточнял. Но дело не в этом.

Наши братья узбеки и латыши, таджики и киргизы в этом щепетильном вопросе получат частую поддержку от своих Министерств и Студиях. Может быть и о нас когданибудь и ктонибудь вспомнит?..

Извините Виктор Макарович за пыл, за недержаность и за карьявый мой русский язык.

Желаю Вам от всей души удачи!

Москва 37-59.

Неприступный институт был «взят», и – до того момента, когда появится научная биография молдавского режиссёра, – мы располагаем правдоподобно-легендарной историей о том, как абитуриент, всё ещё неважно говоривший по-русски, изъяснялся с экзаменаторами на чистом французском языке.

В режиссёрской мастерской Григория Львовича Рошалья во ВГИКе начинается кинематографическая биография Лотяну. К этому периоду возвращают нас документы, обнаруженные недавно в фондах Национального архива Республики Молдова. И первая находка – отстуканное на пишущей машинке письмо студента Эмиля Лотяну директору киностудии «Молдова-филм» Виктору Макаровичу Швелову.

В государственном хранилище *отложились*, как говорят архивисты, ещё два письма и протокол заседания, которые помогают воссоздать историю «Большой хоры», первого фильма Лотяну, снятого на киностудии «Молдова-филм» в 1959 году.

Все материалы публикуются впервые. **В текстах сохранены авторское написание и пунктуация**, в соответствии с машинописными оригиналами и копиями, хранящимися в Национальном архиве Республики Молдова.

В год 60-летия киностудии «Молдова-филм», во времена небывалых по накалу баталий против молдавского культурного наследия XX века чтение подобных документов, фрагментов исторической мозаики, заставляет задуматься о многом и – удержаться от поспешных выводов. «Служенье муз не терпит суеты...»

* * *

<3 января 1959 г.>

Уважаемый Виктор Макарович!

Прежде всего поздравляю Вас с Новым годом! Желаю Вам много здоровья, а главное создать сильную, национальную киностудию. И как говорят у нас в народе, дай Вам бог для этого все что Вам понадобится.

Я очень сожалею что не смог Вас встретить в Москве. У меня был к Вам довольно большой разговор, на разных темах, и целый ряд вопросов. Но я сдаю сейчас сессию, Вы прекрасно знаете что это такое... Потом мне не везло. Я пришел в го-

станице Украина и мне сообщили что Вы переехали. Был я и в Савое ровно полчаса после Вашего отъезда. Но все это детали.

29 Декабря видел на двух пленках «Тобулток»². Не знаю пока мнение «высших инстанций» (включая в этом списке и Вас) но я уверен что ребята молодцы, картина добротная, с хорошим ритмом, со вкусом и тактом сделанная, словом это уже кино – чего до этой картины не под каким видом не имелось на Кишиневской киностудии. Я знаю что это снималось в адских условиях, и Вы об этом знаете. Было бы обидно не отметить как-то все это. Если бы Рыцарев³ и Калек⁴ не взялись за моего соотечественника Тобултока, клянусь Вам это было бы «Раняя чирешня»⁵ номер два. Извините меня за взрыв восторга в адрес ребят, но я все это говорю для того чтобы сказать Вам одну из мучающих меня мыслей. Я очень боюсь что и Дербенев⁶ и Калек и Рыцарев уйдут со студию если им не окажут хотя бы элементарное понимание. Если им не дадут жилплощадь, минимальное пока, они не смогут работать. Ведь трудно работать когда условия жизни на производстве хуже чем в общежитии В. Г. И. К-а. Я с Вами так откровенен потому что надеюсь, что Вы меня поймете. Не хочется мне чтобы в Молдавии, в моей родине, правили в кино халтурщики и низко одаренные люди, людям которым наплевать на наше национальное искусство и которые хотят просто жить спокойно и вовремя есть. Этим людям будет широка дорога если такие как Рыцарев, Калек или Дербенев уйдут со студии. От нас уже ушли Василевский⁷ и Тодоровский⁸, ныне одни из лучших кинооператоров Советского Союза.

Я буду Вам говорить просто, по мужскому. Вы энергичны, Вам люди верят, и Вы многое можете сделать. Вы мне стали просто близким человеком когда один из Ваших сотрудников сказал мне что Вы предложили создать на студии кружок молдавского языка. Столько лет существует эта студия (национальная) никто об этом не заикнулся. Я убежден до мозга костей что только на основе национального начала, мы сможем сделать картины которые доберутся и до Каннах⁹ и до Карлови-Варах¹⁰. Для этого у нас есть все основы: богатейший фольклор, гениальная музыка, обычаи, народная хореография, и наконец целина в области тем и сюжетов. Нужно было бы еще несколько людей послать во В. Г. И. К.-е.

На это я кончаю первую часть своего письма. Я послал полный, напечатанный литературный сценарий очерка о хоре. Новое его название «ЗЕМЛЯ ХОРЫ» мне кажется более действенным и удачным. Надеюсь что тов. Конунов¹¹ сделает хороший, добротный, перевод матерьяла, и Вы сможете разобраться легко насколько это плохо или хорошо.

Мои цели были следующие:

- а) Показать насколько талантлив наш народ.
- б) Сделать это по новому, очень поэтично и эмоционально. В изобразительном смысле сочно и ярко, в манере народной живописи и прикладного искусства.
- в) Соединить элементы юмора и поэзии и с героикой.
- д) Показать что это все происходит в наше, советское время. Только не в лоб и не банально.

Получилось или нет, об этом я думаю узнаю скоро от Вас. Дикторский текст – черновой, ориентировочный.

Уважаемый Виктор Макарович, я работаю над эскизами очерка с нашим молдавским художником, студентом В. Г. И. К-а Филимоном Хэмурару¹². Что мне

было бы нужно для того чтоб получилась неплохая работа? (В этом и Вы и я заинтересованны).

1. Хороший, темпераментный оператор, с опытным ассистентом, умеющий уже сам снимать.

2. Хороший монтажер.

3. Хороший пом. реж. (обязательно молдаванин).

4. Опытный ассистент режиссера.

5. Настоящий директор группы (не бывший начальник пожарной охраны, а человек знающий и любящий кино).

6. Быстрая проявка цветной пленки (заказы молния в лаборатории).

Если все это будет я обещаю Вам сдать досрочно, на хорошем уровне очерк. Во всяком случае на декаде¹³ за него не покраснеете. Мой мастер Г. РОЩАЛЬ¹⁴ и мастер по документальному кино А. ОВАНЕСОВА¹⁵ обещали мне помогать.

Я смогу быть в Мае в Кишиневе и приступить к подготовительному периоду. Нам полагаются 20 с"емочных дней – для двух частей. Это значит что с"емочный период будет длиться 35 дней.

Если начать первого Июня, то к пятому Июлию с"емки будут окончены. В случай если матерьял будет нормально проявляться в лаборатории и мы его будем полностью иметь к двадцатому Июлию, то до первого Августа очерк будет готов на две пленки, а к двадцатому августу на одной пленки мы сможем его сдать в Министерстве.

Таковы мои планы. Может они Вам кажутся дерзкими или утопическими? Я постараюсь выжать из себя все соки для того чтобы они стали реальностью.

Я заканчиваю. У Вас и так мало времени наверно и без моих посланиях. Есть еще одна к Вам просьба. Я бы приехал на зимние каникулы в Кишинев чтобы на месте с Вами решать все. Но дело в том, что мой пока единственный источник прибыли является стипендия и у меня нет просто матерьяльных возможностей чтобы добраться до Кишинева. Если бы студия могла бы помочь мне в приобретении билета туда и обратно, то я был бы очень и очень рад и признателен. И вообще нам молдаванинам никто не помогает Виктор Макарович! Наши братья узбеки и латыши, таджики и киргизы в этом щепетильном вопросе получают частую поддержку от своих Министерств и Студиях. Может быть и о нас когданибудь и ктонибудь вспомнит?..

Извините Виктор Макарович за пыл, за нездержанность и за карьявый мой русский язык.

Желаю Вам от всей души удачи!

< подпись: E Lotianu >

Москва 3-1-59.

¹ Национальный архив Республики Молдова. Ф. 3158. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 77–80. Адресат письма: директор киностудии «Молдова-фильм» В. М. Шевелов.

² В прокат фильм вышел под названием «Атаман кодр» (1959).

³ Режиссёр Борис Рыцарев.

⁴ Режиссёр Михаил Калик.

⁵ «Ранняя черешня» – название лирической киноповести Иона Друцэ, на основе которой в 1957 г. был снят фильм «Не на своём месте». Фильм, в целом, оказался неудачным, прежде всего, из-за слабой работы режиссёра Г. Комаровского.

⁶ Кинооператор Вадим Дербенёв.

⁷ Кинооператор Радомир Василевский.

⁸ Кинооператоры Пётр Тодоровский и Радомир Василевский после окончания ВГИКа в 1954 г. участвовали в съёмках фильма «Молдавские напевы» (режиссёр А. Золотницкий, «Молдова-фильм»). После этого успешного дебюта оба оператора начали работу на Одесской киностудии.

⁹ Международный Каннский кинофестиваль проводится с 1946 г. в Каннах (Франция). Главный приз этого престижного кинофорума – «Золотая пальмовая ветвь». Фильм Э. В. Лотяну «Мой ласковый и нежный зверь» («Мосфильм») участвовал в конкурсной программе Каннского кинофестиваля в 1978 г.

¹⁰ Международный кинофестиваль в Карловых Варах создан в 1946 г. С 1948 г. проводится в городе Карловы Вары (Чехия). Главный приз – «Хрустальный глобус».

¹¹ А. Ф. Конунов, начальник сценарного отдела киностудии «Молдова-фильм». В дальнейшем сотрудничал с Э. В. Лотяну во время работы над фильмами «Красные поляны», «Это мгновение», «Лаутары».

¹² Ф. А. Хэмурау был художником и следующего фильма Э. В. Лотяну «Жил-был мальчик» (1960). После окончания ВГИКа Ф. А. Хэмурау работал как художник театра и кино, живописец, книжный график. Лауреат Премии Ленинского комсомола Молдавии имени Бориса Главана (1967).

¹³ Декада молдавского искусства и литературы в Москве была запланирована на 27 мая – 5 июня 1960 г.

¹⁴ Г. Л. Рошаль (1899–1983) – видный советский режиссёр, осуществил экранизацию трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (1958–1959). Преподавал во ВГИКе.

¹⁵ А. А. Ованесова (1906–1990) – сценарист и режиссёр-документалист, руководитель мастерской документального кино во ВГИКе (1959–1961).

* * *

Этот необычайно информативный и многослойный документ будет интересен историкам и лингвистам, культурологам, психологам, социологам. Интерпретация биографических фактов может вывести современного внимательного читателя к пониманию не лежащих на поверхности, но актуальных смыслов. В годы беспрецедентной варваризации Молдовы документальные свидетельства о союзе и диалоге культур, о духовной преемственности русского и молдавского искусства – бесценны. Эмиль Лотяну называет в письме своих учителей, известных мастеров советского кино, обучавших будущих режиссёров из всех национальных республик.

Вряд ли в студенческие годы Лотяну был знаком со всеми подробностями творческой биографии и жизненными перипетиями своих наставников. Речь не о «хрестоматийном глянце». В жизни мастеров, обучавших молдавского романтика азам режиссёрской профессии, было немало эпизодов, которые тоже могли бы стать материалом для увлекательного сериала.

Арша Ованесова родилась в Баку. Двенадцати лет осталась сиротой, после смерти отца бежала из родного города, захваченного турецкими войсками в 1918 году. Оказалась в Персии и вернулась на родину только с приходом Красной Армии, участвовала в Гражданской войне. После этого – новый поворот судьбы. Бакинская девчонка, мечтавшая стать актрисой, добирается до Ленинграда и попадает прямо на Фабрику эксцентрического актёра. Потом – актёрский и режиссёрский факультет института кинематографии в Москве. С 1935 года режиссёр Арша Амбарцумовна Ованесова начинает снимать документальные фильмы, придумывает киножурнал «Пионерия», а в конце 1950-х создаёт мастерскую документального кино во ВГИКе.

Григорий Львович Рошаль в начале 20-х годов учился театральному ремеслу в Государственных Высших Режиссёрских Мастерских, созданных гениальным русским режиссёром Всеволодом Мейерхольдом. Но театр был только стартовой площадкой, увертюрой к работе в кино. Начиная с 1926 года, Григорий Рошаль снял восемнадцать художественных фильмов, среди них – ставшие советской классикой «Семья Оппенгейм» (1938), «Сёстры» (1957), «Восемнадцатый год» (1958), «Хмурое утро» (1959).

С киностудией «Молдова-филм», где вскоре состоится дебют его студента, Григорий Рошаль был знаком заочно. По непредсказуемому сценарию судьбы Кишинёв стал домом для двух старых друзей, чья жизнь и кинематографическая карьера были безжалостно переброшены в годы сталинских репрессий.

19 августа 1958 г.

Кишинёв, Стефана Великого, 48, квартира 7, Улицкой

ПОТРАСЕНЫ ИЗВЕСТИЕМ ДОРОГАЯ ОЛЬГА ОБНИМАЕМ ВАС
КРЕПКО ЭТИ ТЯЖЕЛЫЕ ДЛЯ ВАС ДНИ ПАМЯТЬ О ДОРОГОМ
ВАМ ЧЕЛОВЕКЕ ДОРОГА НАВСЕГДА И ДЛЯ НАС ПОМНИТЕ
ВСЕГДА О ВАШИХ УВАЖАЮЩИХ ВАС И ЛЮБЯЩИХ ДРУЗЬЯХ

ВАШИ РОШАЛЬ ВЕРА СТРОЕВА

Эту телеграмму Григорий Рошаль и его жена Вера Строева отправили в день, когда узнали о кончине своего товарища, кинорежиссёра **А. О. Гавронского** (1888–1958). С ним и его женой **Ольгой Улицкой**, ставшей впоследствии первым режиссёром «Молдова-филм», Григорий Рошаль познакомился в конце 1920-х годов на Черноморской кинофабрике в Одессе. Все они снимали тогда немые фильмы и спорили о звуковом кино. Ироничный Александр Гавронский сочинял эпиграммы и пародии, не догадываясь о том, что вскоре будет незаконно репрессирован и почти двадцать лет проведёт не на съёмочных площадках, а в тюрьмах, ссылках и сталинских лагерях.

*...Гляжу, как безумный, на чёрную шаль,
Которую носит Григорий Рошаль.*

* * *

15 января 1959 г.¹

Уважаемый тов. ЛОТЯНУ!

Благодарю Вас за сердечные пожелания в адрес студии и мой лично. В свою очередь искренне желаю Вам успеха в учебе, работе и жизни, в частности и в создании поистине молдавского высокохудожественного очерка о хоре.

Кстати об очерке: Можете не сомневаться, что сценарий будет переведен качественно и получит справедливую оценку, а для его постановки Вам будут созданы максимально благоприятные условия. Одно только неясно: Вы ведь как-то говорили, что собираетесь приехать из Москвы со своим оператором?

Что касается Вашего приезда, студия охотно Вам поможет. Сообщите только, когда имеете возможность выехать, и надеюсь, что остальные вопросы, затронутые в Вашем письме, благополучно разрешатся на месте.

С приветом,

Директор киностудии

«Молдова-филм» / В. Шевелов /

¹Национальный архив Республики Молдова. Ф. 3158. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 85.

* * *

Талантливый писатель **Виктор Макарович Шевелов** (1921–1963) никогда не был профессиональным управленцем. Он руководил киностудией как творческий лидер, как отважный капитан, ведущий новый корабль к далёкой линии горизонта. *Отважный* – не для красного словца. Через несколько лет кинематографического плавания капитан Шевелов безвременно уйдёт из жизни после идеологических проработок, затеянных номенклатурными надсмотрщиками из Центрального Комитета Компартии. Но к этому времени «Молдова-филм» уже будет известна миллионным кинозрителям фильмами Михаила Калика, Вадима Дербенёва, Валерия Гажиу, Эмиля Лотяну.

* * *

12 февраля 1959 г.¹

Директору ВГИК

тов. ГРОШЕВУ А. Н.

копия: тов. ТАБРИЗЯН К. А.

Студент IV курса ВГИК² тов. В. Лотяну² вступил в договорные отношения со студией «Молдова-филм» по созданию цветного двухчастевого киноочерка «Земля хоры», в качестве автора сценария и режиссёра-постановщика.

Судя по представленному литературному сценарию очерк обещает быть интересным и намечен для показа во время декады молдавского искусства и литературы в Москве. В то же время он может быть зачтен в качестве курсовой работы.

В виду того, что очерк «Земля хоры» должен быть заснят полностью на весенней натуре, Министерство культуры МССР просит Вас разрешить студенту Лотяну сдать экзамены до 20/IV-59 г. и выехать в распоряжение к/студии.

Министр

культуры Молдавской ССР /А. Лазарев /

¹Национальный архив Республики Молдова. Ф. 3158. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 99.

²Опечатка в оригинале (вместо «Э. В. Лотяну»).

* * *

Кино – коллективное творчество и коллективное производство. Вот почему протокол обсуждения литературного сценария «Большой хоры» – документ, связанный не только с биографией будущего лидера молдавского кино. Фрагменты выступлений творческих работников студии складываются в коллективный портрет современников, участников культурного строительства в Молдавии, профессионалов самой молодой советской киностудии.

ПРОТОКОЛ
заседания творческой секции 3/IV – 59 г.¹

Присутствовали: В. М. Шевелов, А. Ф. Конунов,
А. И. Литвин, Моторный, О. П. Улицкая,
Б. А. Мовилэ, Н. А. Глушко, Ф. Г. Боканеску².

Повестка дня

1. Обсуждение сценария А. Литвина и А. Данилова «Апостолы без маски».
 2. Обсуждение литературного сценария Э. Лотяну «Большая хора».
- <...>

II. КОНУНОВ: Поручая работу молодому режиссеру, мы идем на риск. Дать опытному оператору – Грязнову. Извлечь из всех его мечтаний реальную пользу. Много танца и музыки. Лотяну хочет оторваться от Сорок и показать все вариации танцев в их местных особенностях.

УЛИЦКАЯ: Неясно смешение времен. Трембита и современные поля. Бойцы в крепости не плясками занимаются. Гайдуки – и комбайн. Натянуты лирические моменты. Невозможно передать некоторые замыслы режиссера: «Девушка машет далекому чабану».

БОКАНЕСКУ: Есть ряд ребяческих приемов. Замысел ясен: показать разнообразие хоры, ее прелесть. Следует приветствовать начинания молодых. Но в план не ставить. Чересчур много фантазии: розы, птички и т.д. Но во имя чего это делается. Орнамент хороший. Нельзя делать хору ради хоры. Не стоит увлекаться красками. Делать фильм о хоре можно, но с привлечением истории хоры. Идеи здесь нет.

ЛИТВИН: Всякое веселье должно быть пронизано какой-то мыслью. В очерке нет никакой идейной направленности. Не нужно делать в двух частях. Это лишь схема для режиссерской разработки. Работу Лотяну надо дать, но указав направление.

ГРЯЗНОВ: Работа очень нравится. Из этой мысли можно развить оригинальную мысль. Фильмы нужны хорошие и разные. У нас выпускается продукция одного жанра. И нам трудно отказаться от привычного видения. Сделать работу нужно, но нельзя ее так растягивать, дать в одной части. Есть ряд серых мест. Нужно чтобы кто-то из режиссеров взял над Лотяну шефство, не ущемляя его планов. Содержание есть – воспевание Молдавии, ее песни, ее танцев. Можно подчеркнуть, выпятить идею. Основной мыслью можно сделать: народ любит красоту.

КОНУНОВ: Согласен с Грязновым. Видна порывистость. Творческое начало есть. Текст очень поэтичен, хорошо переведен. Очерк хорош как таковой и незачем его насильно переплетать с действительностью в плане грубого практицизма. Лотяну нужно помочь сделать режиссерский сценарий, но не направляя его в другую сторону.

МОВИЛЭ: В литературном сценарии есть хорошая мысль, что хора рождается в труде.

ШЕВЕЛОВ: Режиссерского сценария нет, есть режиссерский план. Такой очень нам нужен. Безыдейные произведения нам не нужны. А здесь идея есть: народ творит красоту. И на это вдохновляет труд. Молодежь нужно поддерживать и направлять. «Хора» стоит в плане, и мы должны помочь ее сделать. Очерк

надо запускать в производство, готовить группу. Лотяну должен дать более подробный план с текстом. Надо будет еще раз послушать автора.

Протокол вела /Н. Глушко/

¹ Национальный архив Республики Молдова. Ф. 3158. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 30 – 32.

² В этом заседании участвовали директор киностудии «Молдова-филм» В. М. Шевелов, начальник сценарного отдела А.Ф. Конунов, редакторы Б. А. Мовилэ, Н. А. Глушко, операторы Д. И. Моторный, И. А. Грязнов, режиссёры А. И. Литвин, О. П. Улицкая, Ф. Г. Боканеску.

* * *

Фильмом «Большая хора» открывалась кинопрограмма Декады молдавского искусства и литературы в Москве (27 мая – 5 июня 1960). Двадцатиминутную киноленту, снятую студентом ВГИКа, демонстрировали в тридцати кинозалах столицы Советского Союза. Директор студии Виктор Шевелов представил зрителям этот многообещающий дебют, который «в поэтической форме рассказывает о замечательном молдавском танце, уходящем в глубину веков. Оттуда, из древности, берёт он своё начало. Суров и нетороплив был когда-то его ритм; в часы досуга, игр танцевали хору народные мстители-гайдуки. Шло время, менялась жизнь. Люди сбросили оковы угнетения – и хора зазвучала по-новому. Стремителен и яростен стал её ритм. Танец задышал живительным огнём и радостью»¹.

После завершения Декады молдавского искусства и литературы студенческая работа осталась не просто строчкой в фильмографии: «*”Большая хора”*. Режиссёр Э. Лотяну. Оператор А. Сухомлинов. 1959 г. 2 ч.». Ведь это была не навязанная свыше, не предписанная кем-то и не заказанная начальством кинолента. В этой ученической работе нет и намёка на сервильность или конъюнктурный расчёт. «Большая хора» – первый шаг творческого человека, делающего самостоятельный выбор.

Мы не знаем, каким образом и когда настоящий художник приходит к осознанию своего Дара как долга – перед самим собой и перед культурой своего народа. Но это неизбежно происходит, подтверждаясь творческими исканиями и достижениями, пусть внешне противоречивыми, неоднозначными, но неподдельными по своей внутренней органике, оригинальности и цельности.

Не преувеличивая значимости первого студенческого опыта, нужно признать, что самобытный кинематографический язык Лотяну ведёт своё начало от «Большой хоры».

«В этой двухчастёвке, подлинно национальной по колориту (успеху фильма способствовал и сам материал), Эмиль Лотяну сумел через красочные фигуры, ритм танца и прелесть народной музыки передать образ своего народа, историю его борьбы за свободу.

Этот же материал, танцы, фольклор, мотивы, овеянные вечной свежестью старинной баллады, художник использует в своём последнем фильме «Красные поляны»², – эти заметки режиссёра и сценариста Николая Гибу появились после премьеры второго полнометражного фильма Лотяну, снятого на киностудии «Молдова-филм».

Впереди были «Это мгновение», «Лаутары», «Габор уходит в небо», «Мой ласковый и нежный зверь», «Анна Павлова», «Лучафэрул», «Скорлупа». Переезд в Москву, успешная работа на «Мосфильме», ведущей советской киностудии, международные фестивали, награды и признание. Были замыслы фильмов, связанных с творчеством Пушкина, Толстого.

Впереди были годы перестройки, когда режиссёр вернётся в родную Молдавию с намерением повлиять на критическую ситуацию в молдавском кино. Были проекты реформирования кинопроизводства и собственные творческие планы...

Но было и 3 июля 1990 года, когда Эмиль Лотяну, президент Союза кинематографистов Молдавии и руководитель кинообъединения «Феникс-М», созвал пресс-конференцию. В этот день разочарованный и отчаявшийся художник попрощался с молдавским кино, со своими перестроечными надеждами и, возможно, иллюзиями.

«Сейчас кино молдаванам не нужно. Есть другие, более важные дела. Разве мы кино делаем? Мы делаем политику. Везде. Политика – политикой, но есть профессия. Как можно об этом забывать? Никакие, самые замечательные политические выступления не могут компенсировать незнание, например, законов мизансцен в нашей профессии», – обращаясь к журналистам и своим коллегам, режиссёр подводил безрадостные для него итоги. – *«Не думаю, что уезжаю, не используя все возможности. Я не пророк, но предсказываю: здесь не будет расти трава очень долго»³.*

Эти горькие фразы прозвучали почти тридцать лет спустя после азартной и самозабвенной работы над фильмом о молдавской хоре, в котором режиссёр-дебютант стремился *«показать, насколько талантливы наш народ»*.

...И было отпущено ему судьбой ещё тринадцать лет. Он прожил их в Москве, считая себя русским художником, снимая документальные киноленты о деятелях молдавской культуры, сочиняя так и не воплощённые на экране сценарии художественных фильмов. Последний замысел, который Эмиль Владимирович Лотяну надеялся осуществить, был связан с русской культурой начала XX века.

¹ Дойна радости. Кишинёв: Картя Молдовеняскэ, 1962. С. 270–271.

² Гибу Н. Заметки о молдавском кино. Кишинёв, 1968. С. 59.

³ «Я не вернусь никогда»: [Пресс-конференция Э. В. Лотяну]// Советская Молдавия. 1990. 11 июля. С. 4.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

МАРИНА СЫЧЁВА

ДОЖДИСЬ, ПОЖАЛУЙСТА...

* * *

Так долго не было дождей.
 Природа маялась жарою,
 И душный переплёт теней
 Наполнен пылью был и зноем.
 Июнь. Двадцатое. Гроза.
 Играют капли «Марсельезу»,
 И открываются глаза
 Окон и форточных прорезов.
 Так долго не было дождей.
 Горячий ветер трогал плечи
 И опалял рукой своей
 Закатов огненные свечи.
 Так долго не было тебя
 В моих сухих воспоминаньях.
 Но капли хлынули, звеня,
 И губ случайное касанье,
 И в памяти твоё тепло,
 И терпкий запах сигареты,
 И будто сердце обожгло
 Дождём, дыханием и светом.

* * *

Меж нами километры и туманы,
 дороги, города, снега, таможни,
 и вероятность близости возможна,
 однако же совсем не вероятна.

А яблоко зелёное скучает
 одно в плетёной вазе на комодке,
 и, вопреки обычаям природы,
 не сохнет, не бродит, не загнивает.

Всё ждёт тебя. Я верю ощущениям,
интуитивным мыслям и поступкам.
Смотрю на эту «яблочную шутку»
и думаю: «Да хватит ли терпенья
не съесть его, пока ты не приедешь?»

В БОЛЬНИЦЕ

Белые двери охают гулко,
Кашляют и скрипят.
По коридору слепому прогулки
К выходу и назад.
По коридору. Стены – вагонка
И серый бетонный пол.
Тянется день отвратительно долго,
Капает ночь потом.
Вычеркну сутки из общей тетради,
Форточку распахну.
Редкие звёзды мигают, глядя
В белую пустоту.

* * *

Чёрный кофе с грецким орехом,
Мало сахара, без молока.
Ты тогда из России приехал
Похудевший, во взгляде тоска.
И на бледном лице виновато
Две морщинки – от носа к губам.
Это, милый, расплата, расплата
По однажды открытым счетам.
Ты вернулся. Пустые надежды
Запихал в чемодан под бельё.
Убеждая, что будет, как прежде
Не меня, – отраженье своё.
А оно каждый раз сомневалось.
Зазеркалье, улыбку храня,
Отражало усталость, усталость,
Что едва не сломила тебя.

* * *

Губы обожжёт звук,
Ветер разнесёт стон.
Тихий диалог рук.
Молчаливый твой дом.
Поперхнётся сном явь.
Ставни на крючок – тьма.
Изменяй меня, правь –
Так решила я.
Сама.

* * *

Где-то в ночной дыре,
под звёздно-колючим светом,
прислушиваясь к себе,
крутит волчок планета.
И чудится ей весна,
капель малахитовых взглядов
в прозрачном проёме окна,
смотрящего в сердце сада.
И следом шумит прибой
июльских цикад беспечных,
за ним листопадов рой
и белого снега вечность.
Всё крутится, рвётся... Вновь
пульсирует поцелуем,
вдыхая запахи снов,
века, словно дни, минуя.
Меняется всё в ночи,
лишь звёзды острее мерцают,
да монотонно звучит
юла, подплывая к краю.

* * *

Ранние сумерки. В комнате сыро.
Сонно вдыхаю осеннюю муть
прелого воздуха старой квартиры.
Дождь за окном. Не уснуть, не уснуть.

Свет осторожно качнулся, и окна
будто ответили бликами дня
каждой упавшей случайной и кроткой
капле, пришедшего к ночи, дождя.

Поздний мой гость, ты сегодня печален,
твой барабан еле слышно стучит,
бубны ушли, песни труб отзвучали.
Скрипка осталась и сердце саднит.

* * *

Неведомое – невозможно,
поэтому желанно до ломоты
в остывших пальцах. Дрожью кожи
приходит ожидание свободы
иллюзий и фантазий, и разгадок
недавних тайн и мировых секретов.
Открытый путь мучителен и сладок –
его вопросы значимей ответов.

* * *

Сонный горячий автобус
Скрипя распахнул нутро.
Я увожу твой голос
В привычное далеко.
Я увожу касанье
Неторопливых рук,
Напутствия, обещанья,
Сердца неровный стук,
Странные разговоры,
Стихи о чужой любви,
Безвыходные миноры
Я увожу...
Живи.

МОЛЧАНИЕ ВДВОЁМ

Они молчали оба.
В тишине
лишь тиканье часов и холодильник
урчал довольно.
Роза на окне
послушно увядала в вазе стильной.
Они молчали.
Ветер у крыльца
всё суетился и спешил куда-то,
и тени обгонял, но без конца
оказывался в точке невозврата –

у той двери, закрытой на замок,
 перед границей звуков и молчанья,
 где говорить уже никто не мог,
 и не хотел.
 Обласканный печалью,
 спускался вечер,
 также безголос,
 и также одинок,
 как эти двое.
 Услышав тишины немой вопрос,
 их спины распрямлялись...
 и не боле...
 И, всё-таки, – не менее того,
 чтоб посмотреть в стареющие лица.
 И, не увидев больше ничего,
 лишь глубиной беззвучья насладиться.

МОИМ ЧАНАМ*

По дороге – камень к камушку,
 По тропинке – вся в пыли
 Я иду, дождись, пожалуйста,
 Там на краешке земли.
 Там, на милой сердцу улице
 Запорошенной пургой.
 Там, где с тучами целуется
 День, ушедший на покой.
 Где весна, как наказание –
 Грязь и слякоть, и дожди.
 Где зима – носков вязание
 Тихим вечером.
 Дождись.

Разлеглось между болотами
 С ненасытным комарьём,
 Чёртом или богом проклято,
 Тихое село моё.
 Там, под грудью у Евразии,
 Малой родинкой – Чаны,
 Супермаркеты с лабазами
 Кем-то объединены.
 И камыш у самой площади
 Разрастается – невмочь,
 И пастух на рыжей лошади
 Отгоняет стадо прочь

* Чаны в переводе с тюркского – чаши, чашка, ёмкость, здесь – название посёлка.

Мимо домиков бревенчатых,
 Мимо каменных «хором».
 Жди. Ведь мы с тобою венчаны,
 Хоть сбежала я потом.

И пускай ещё не найдена
 Мною жизненная суть,
 Ты – всё та же «чашка-впадина»
 Из которой бы хлебнуть
 Неподкупной детской радости,
 Материнского тепла
 И свободы (самой малости),
 Чтоб почувствовать крыла.
 Полететь над степью выжженной,
 У берёзы белой сесть.
 Как же я без сердца выживу,
 Коль оно навеки здесь?

НАМ БЫ НАУЧИТЬСЯ

Как бы
 как бы
 как бы
 научиться быть,
 не срываться в хляби,
 не просить,
 не ловить фортуны
 яркий плащ,
 не лелеять думы,
 мол, «пропащ»,
 не менять квартиры
 на гробы
 и не жить в полсилы.
 Эх, кабы!
 Как бы
 без расчётов –
 жизнь и смерть,
 неземных полётов
 круговерть.
 Не шептать тихоней

«Чья вина?» –
 не бояться боли
 и огня,
 поднимать зарницы
 на дыбы,
 к чёрту за границу.
 Эх, кабы!
 Как бы
 нам умение –
 выбирать,
 или, во спасение,
 не принять
 революций новых
 и мессий,
 свет родному крову
 донести.
 Не любить Россию
 напоказ.
 Господи, спаси её
 от нас...

МАРИНА СЫЧЕВА родилась в 1966 году в районном центре Чаны Новосибирской области. По окончании Новосибирского инженерно-строительного института работала на строительстве Резинского цементного завода. Печаталась в районных и городских изданиях, газетах и альманахах. Автор поэтических книг «Рифмованные мысли» и «Письма из города Осень». Член Международного литературного фонда и СП Приднестровья с 2008 года.

ИНФО - поле АРП РМ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

За время, прошедшее с момента выхода очередного номера «Русского поля», Ассоциация русских писателей дважды становилась «именинницей». В конце апреля вышла новая книга нашего товарища Анатолия Лабунского «Побег длиною в жизнь», главы из которой впервые были напечатаны на страницах нашего журнала. Живое обсуждение неожиданной по жанру и композиции, страстной работы Анатолия состоялось в библиотеке имени М.В. Ломоносова.

А в начале июня постоянный автор «Русского поля», член молодёжной секции АРП РМ Леонид Поторак был титулован «Королем супертурнира поэтов русского зарубежья 2012» на 10-м юбилейном фестивале русской поэзии «Пушкин в Британии». Титул присуждался голосованием публики. К участию в супертурнире допускались победители ведущих поэтических конкурсов русского зарубежья, прошедших в 2011 году в разных странах мира, – а Леонид выиграл Республиканский молодёжный литературный конкурс «Взлётная полоса» в номинации «поэзия», который провела в прошлом году АРП РМ.

Новые стихи Леонида и его «творческий отчёт» о посещении Туманного Альбиона читайте в №7 журнала «Русское поле». Виват, Король!

АРП РМ – УЧАСТНИЦА МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКИ

Вторая Душанбинская Международная книжная выставка прошла в столице Таджикистана 24-26 мая в здании бывшей Национальной библиотеки им. Фирдоси. Организатором выставки выступило Министерство Культуры РТ, все практические и организационные мероприятия, сопряжённые с выставкой, были возложены на издательское предприятие «Адабиёти бачагона» (Детская литература) и Оргкомитет во главе с Министром Культуры РТ – Мирзошохрухом Асрори, заместителем Председателя – начальником управления издательств, полиграфии и печати – Сайфулло Кодировым, ответственным за выставку – Наджмиддином Зайниддиновым (издательство «Адабиёти бачагона»).

В мероприятиях принимали участие книгоиздательства, полиграфические предприятия и литературные сообщества из Азербайджана, Армении, Афганистана, Беларуси, Индии, Ирана, Казахстана, Китая, Молдовы, России, Турции и Японии. На выставочных стендах было представлено более двух тысяч наимено-

ваний печатной продукции – от общественно-политической, учебной, справочной и художественной литературы до различной рекламной – календарей, плакатов, наглядных пособий.

Таджикскими издательствами, наряду с вышеперечисленным, была широко представлена переводная литература – билингва и трилингва сборники – на языке Хайяма, Саади, Фирдоуси и Хафиза, русском и других языках.

В выставке принимали участие такие ведущие таджикские издательства, как «Адиб», «Маориф ва фарханг», «Адабиёти бачагона», «Эрграф», «Хуросон». В настоящее время в Таджикистане действует около 60 издательств и порядка 200 полиграфических государственных и частных предприятий.

Торжественная церемония Открытия проходила под национальные мелодии и яркие выступления музыкантов. С приветственными речами выступили заведующий отделом культуры Исполнительного аппарата Президента Таджикистана Махмадсаид Пиров, министр культуры РТ Мирзошоҳрух Асрори, зампреда Союза Писателей РТ, народный поэт Таджикистана Камол Насрулло, посол Республики Ирана РТ Алиасгар Шердуст.

Молдавия была представлена стендом, собравшим художественные, научно-популярные и энциклопедические издания, книги современных литераторов, членов Ассоциации русских писателей Республики Молдова, выпущенные при содействии Конгресса русских общин РМ, литературный журнал «Русское поле», поэтические альманахи «Лицей» и прозаические сборники литературной группы «Белый арап». Полки пестрели разножанровыми книгами авторов, чьи имена давно известны читателям «Русского поля» – Сергея Пагына, Натальи Новохатней, Олеси Рудягиной, Анатолия Лабунского, Ирины Ремизовой, Валентины Коштышар, Гарри Мукомилова, Юрия Харламова, Константина Шишкана и других.

Особым интересом у душанбинских школьников – и это не может не вызывать гордость! – пользовались представленные на стенде номера журнала «Русское поле» и альманаха «Лицей», – не последнюю роль тут сыграли именно названия, привлекая внимание юных читателей – их интересовало всё русское, и всё, что связано со школьным возрастом. Вообще наблюдался повышенный интерес душанбинской молодёжи к литературе именно на русском языке, которым,

на удивление, в достаточной степени владеют сегодня таджикские лицеисты, ученики начальных классов и студенты, не говоря уже о старшем поколении. Посетители выставки подходили, знакомились с экспонатами, выбирали понравившиеся книги и просто присаживались на какое-то время рядом почитать то, что было представлено на стенде.

Ближайшими соседями стенда Республики Молдова были армянские и российские издательства. Армянский стенд представляла Елена Шуваева-Петросян (издательский Дом «Драго Бардзини» и Общество содействия меценатству им. Айвазовского – Ереван). Российские стенды представлялись издательством «Нестор История» (С. Петербург – Москва – Кишинёв, представитель – Сергей Эрлих) и издательством «Арт Хаус медиа» (Москва), представленным Андреем Новиковым.

Все экспонаты молдавского стенда на торжественной церемонии закрытия Выставки были переданы в дар новой Национальной библиотеке Таджикистана. Почётный диплом участников выставки для Ассоциации русских писателей РМ вручал лично министр культуры РТ – Мирзошохран Асрори.

В рамках выставки были проведены конкурсы на лучшую художественную книгу, лучшее оформление, лучшие учебные пособия и детские книги. Немаловажным фактом стимулирования интереса к книге юной читательской аудитории, стал конкурс «Давай читать книги», проводившийся между общеобразовательными учебными заведениями – множество школьников, посетивших выставку, имели возможность ознакомиться и приобрести книги, представленные на стендах разных стран.

Значительным культурным мероприятием, проходившим в дни Второй международной книжной выставки стал концерт мастеров искусств с участием Таджикской национальной консерватории и ансамбля «Славяне» РТСУ, приуроченный ко Дню славянской письменности и культуры в честь святых Кирилла и Мефодия, который состоялся в Таджикской национальной консерватории имени Т. Сатторова. В этом мероприятии приняли участие послы России и Беларуси в Таджикистане Юрий Попов и Ольга Гаврук, отец Сергей, ректор ТНК Раджабмад Амиров, представитель Россотрудничества в РТ Сергей Киселёв. В программе прозвучали русские и белорусские народные песни, романсы, музыкальные произведения великих русских композиторов в исполнении заслуженных артистов Таджикистана.

Как отметил министр культуры РТ, нынешняя выставка дала возможность близко ознакомиться с положением периодической и книжной печати Таджикистана, у ближайших географических соседей и на постсоветском пространстве. Мероприятие познакомило гостей выставки с развитием культурной жизни таджикской столицы, в которой за последние годы возведены крупнейшие культурно-просветительские объекты – здание новой Национальной библиотеки, Органный зал, грандиозный строящийся Национальный музей, Центральный парк с фонтанами, памятником Исмаилу Сомони и государственным флагом, вошедшим в Книгу рекордов Гинесса за свои гигантские размеры.

Нельзя не отметить необычайно тёплый приём, оказанный участникам, отличную, чёткую организацию мероприятия кураторами выставки, возможность посетить исторические и культурные памятники страны, соприкоснуться с традициями и укладом жизни современного Таджикистана, сломать сложившиеся стереотипы, навязываемые нам сегодняшними СМИ.

Подобного рода мероприятия не только знакомят участников с положением и новинками издательского сектора, но и способствуют сближению, налаживанию взаимосвязей и межкультурного диалога стран-участников.

Подготовила **Вика ЧЕМБАРЦЕВА**

Ближние зарубежья

ТАДЖИКИСТАН

Таджикистан... С чем ассоциируется это слово? Что мы сегодня знаем об этой стране? Первое, что приходит на ум – Средняя Азия, гастарбайтеры, наркотрафик, гражданская война 90-ых. Потом, может быть вспомнится уже и Нурекская ГЭС – высочайшая в мире; ещё – что Самарканд и Бухара – «таджикские города», что это единственное ираноязычное государство в бывшей советской Средней Азии, что предгорья Памира... что Саманиды... что «Государство Ариев»... что арийцы... что... и, наконец, цепочка памяти приведёт к истокам – величайшей ирано-персидской литературе!

Слово «впервые» сопутствовало таджикской литературе на всех этапах её развития. Европа делала первые робкие шаги в области культуры и литературы, а таджикские поэты уже слагали звучные стихи, полные тончайшего лиризма и глубины философского осмысления действительности. Рудаки, Фирдауси, Хайям, Саади, Хафиз, Бедиль – впервые придадут яркоокрашенную чувственную многоликость человеческой жизни и мысли, впервые заключая их в новые совершенные формы, на поверку времён оказавшиеся идеальными, филигранными, классическими. Сегодняшний таджикский язык мало чем отличается от того, на котором писали стихи те, кто впервые заявили о нём в литературе. И без преувеличения можно сказать – каждый таджик в душе поэт. Но не каждому дан дар сложить так и вложить в свои строки то, что будет близко и понятно каждой душе.

Кто они, сегодняшние представители таджикской литературы, не утратившие своей самобытности и продолжающие традиции своих великих литературных Наставников? На страницах «Русского Поля» – впервые новая рубрика, и, наверное, неслучайно так сложилось, что первыми открывают её произведения именно таджикских современных поэтов и прозаиков.

Вика Чембарцева, ведущая рубрики

СИРОДЖИДДИН ИКРАМИ

(Ибронов Сироджиддин Икромович) – таджикский поэт и писатель. Родился 9 мая 1964. Окончил Таджикский Государственный Университет им. В.И.Ленина (ныне Таджикский Национальный Университет), факультет Таджикской филологии. Заместитель Генерального директора «Дома книги Таджикистана» (бывшая Гос. книжная палата РТ), директор Национального Агентства ISBN. Член Союза журналистов Таджикистана (с 2000 г.). Автор трех книг: «Очаг Любви» (сборник стихов) – на тадж. языке (Душанбе: «Ирфон», 2002 г.), «Жажда встречи» (повесть и рассказы) – (Душанбе: «Ирфон», 2010 г.), «После дождя» (повесть и рассказы). – Душанбе: «Ирфон», 2012 г. Стихи переводились на русский и узбекский языки. Живёт в Душанбе.

РУБАИ

* * *

Мы только гости в этом мире, о, мой друг.
Увы, однажды из него уйдём мы вдруг.
Мгновенье – жизнь, прожить её так надо,
Чтобы добром нас поминали все вокруг.

* * *

Не каждому доступна доброта,
Зло – дёшево, но дорога она.
К Аллаху ближе тот, Коран глаголет,
Кто людям лишь добра желал всегда.

* * *

Вдали от любимой – не жизнь это, нет:
Луна ли, иль солнце – сияния нет.
Коль мне суждено умереть от разлуки,
Пусть лучше умру, и позора в том нет.

* * *

Так страстно сердце лишь тебя желает,
Смотрю вослед и очи не смыкаю.
Останься, окажи любезность. В мире
моём тогда на год весна настанет.

* * *

В любимой, что Аллаха не боится,
Нет верности – пусть лучше удалится.
Любовь непостоянна, ненадёжна,
Коль в сердце очагом не разгорится.

* * *

И не владенья и не мир я восхваляю,
И не корону и не трон я восхваляю.
Я сумасшедший улицы Любви,
Любимой шею – из алмазов – восхваляю.

* * *

Сапожник встретился мне раз, мужик простой,
Без настроенья он сидел у мастерской.
«Как жаль, что труд наш все извечно топчут...» –
Сказал об этом он с печалью и тоской.

* * *

Увидел я красавицу чарующе-игривую,
Как пери в чёрных локонах, разительно-красивую.
И от обстрела глаз её не смог сберечься я,
Она, словно огонь была, огонь, огонь была.

ЗУЛФИЯ АТОИ

(Атоуллаева Зулфия) – поэтесса, журналист. Родилась 15 июня 1954 года в кишлаке Калаи Азим Ганчинского района Ленинабадской области в семье учителя.

В 1977 году окончила Литературный институт им. Горького в Москве. Первые стихи напечатала, будучи школьницей. Автор сборников стихов «Приданное» (1977), «Встреча» (1980), «Моя красивая кукла» (1984), «Дочь реки» (1985) и других.

Член Союза писателей СССР с 1979 года. Лауреат журналистской премии имени Абулькасима Лахути. Главный редактор женских журналов «Фируза» и «Гуфтугу». Живёт в Душанбе.

САД ДЕТСТВА

Старость забора заметна,
Настежь ресницы – ворота!
С финика высушенной ветки
Ворон вещает мне что-то...

Сад мой, когда-то цветущий,
Где абрикосы и розы?
Эти летящие листья –
Словно сроненные слезы.

Сад мой, где пышность и свежесть?
Зелень и цвет лепестковый?
Все улетело, погасло,
Сучья черны и суровы.

Сад отзвеневшего детства,
Вновь я тебя вспоминаю,
Вместо плодов сочно-сладких
Ягоды грусти срываю.

Если бы тайное пламя
Душу мою не сжигало.
В том бы саду жить осталась,
Радостно дни бы встречала.

Вместо пера и тетради
Косу взяла бы прилежно.
Средь пареньков бы кишлачных
Милого выбрала нежно.
В алости яблок и вишен
Дети мои бы запели.
По росыным разнотравьям
Прыгали, словно газели.

БОЗОР СОБИР

Народный поэт Таджикистана. Родился 20 ноября 1938 года в кишлаке Суфиён Файзабадского района Таджикской ССР в семье служащего.

Среднее образование получил в Гиссарском интернате. Окончил филологический факультет Таджикского государственного университета им. В.И.Ленина (1962).

Первый авторский сборник «Узы» выпустил в 1972 году. Затем последовали сборники «Ресница ночи» (1981), «Золотой дождь» (1982). Они представили автора как поэта, ищущего свой непроторенный путь в литературе. В 1984 году на арабском шрифте вышла книга «Листья огня». Лучшие произведения составили однотомник «Всеми чувствами» (1985). Включенные в него стихи отличаются сочностью поэтических красок, задушевностью чувств, яркостью мироощущения.

В 1979 году издательство «Советский писатель» (Москва) выпустило в свет сборник его стихов «Каменная кладка», привлёкших внимание новизной формы, высокой духовностью, лиризмом, духовностью, напряженным поиском истины и красоты в труде и любви. В 1977 году в его переводе (совместно с Лоиком Шерали) вышла книга стихов С.Есенина «Гулафшон», получившая высокую оценку читателей и литературной критики.

Член Союза писателей СССР с 1973 года. Лауреат Госпремии Таджикистана.

Я ЭТОТ МИР ПОЦЕЛОВАЛ

Словно погладил вечер я,
Откинув прядь твою
со лба.
Казалось, губы – лепестки,
И я невольно к ним припал,
Я лепестки поцеловал.
Но тут увидел я глаза,
И жар уста мне иссушал –
Глаза привиделись рекой,
И я к реке твоей припал,
И реку я поцеловал.
А лунный свет по волосам,
Разлившись, золотом стекал –
Теперь их очередь была,
Я к золоту волос припал,
Я золото поцеловал.
На всей – от головы до пят
Я ничего не пропускал!
А не осталось места – я
К земле у ног твоих припал,
Я этот мир поцеловал.

Перевод с таджикского А. **КИЯМОВА**

* * *

Когда вздымает
 файзабадский ветер
 пыль по холмам
и первых капель
 плети

секут мне веки,
 опрокинув чаши
 пустых глазниц,
дождь морозящий
 в дымку
 над Мазаром,
просачиваясь
 в память,
 каплет
 в старом доме...

и по лицу
 струясь,
 стекает
слезами
 с сомкнутых ресниц...

и кажется, что я
 вблизи от Файзова

стою под выступом
 саманной,
 ветхой крыши...
что десять лет
 исполнилось вчера —

и хонакох¹,
 где трещины,
 как ниши,
мне домом птиц
 привиделся
 с утра...

и за стеною,
 там где тени
 тают,
седая Назокат
 опять читает
 молитву,

¹ Хонакох — небольшой домик на кладбище для свершения религиозных обрядов.

от напастей
ограждая
тех коровёнок,
что на тропах где-то
я растерял
мальчишкой –
и на коленях
к полу наклоняется
при этом,
как будто зерна,
закатившиеся в щели,
подслеповато
примечает...
...Я, сын крестьян,
неразделим
с холмами этими
я к ним
привязан
седыми волосами
матери моей...
и до сих пор
для слуха моего
нет в мире
музыки нежней,
чем музыка
тех струй,
которые плелись,
когда мать
молоко
в ведро доила,
и ласковее слов,
чем те,
что говорила
она корове нашей,
сидя рядом с ней.

Я чувствовал,
идя за стадом,
родину
и днем, и ночью,
в зной и в холод
чувствовал...
забыв про истину
о ней
расхожую,
я постигал ее
своими чувствами –

И вновь, и вновь
встают
перед глазами

ее могилы,
где шести
белеют лоскутами,
как указатели...
и снова
их горчайшими
путями
спешит перо...

И кроме
кулака отца –
бугристого тутовника того,
что на его
не знавшей праха
высится
могиле,
из кулаков
я не боюсь
ни одного.

Перевод с таджикского *А. КИЯМОВА*

ДЕТСКИЕ СЛЕЗЫ

– Отец, когда ты был таким, как я, ты плакал?
– Что могу тебе ответить...

Счастливое лукавое дитя –
и мы, из детства вырванные дети
протяжным ветром роковых времен,
угрюмым вихрем раннего сиротства...

Да, я был также мал, того же роста,
но детских слез твоих я был лишен.
Не плакал так отчаянно захлеб,
и плач мой сразу плачем не сменялся.
Беззвучною слезою окроплялся
ломоть сырой, пайковый горький хлеб.

Нас обожгла холодная купель
войны. Мы безотцовщиною стали.
Жестокою и жесткой колыбель

была моя...
 И слезы застывали,
 сворачивались зернами беды
 в пыли отчизны.
 Видишь, их следы
 так бороздой на складах и остались.

В глубины сердца навсегда впитались
 две тихие последние слезы:
 старинная дорога Файзабада,
 в огне вечерних зорь струится прах...
 И слезы – капли алого заката,
 и похоронка на отца в руках.

Перевод с таджикского Э. **ПОРТНЯГИНА**

НИЗОМ КОСИМ

Родился в 1958 году. Окончил филологический факультет Таджикского государственного университета имени В.И.Ленина. Работал в редакциях литературных газет и журналов, издательства художественной литературы. Директор республиканского детско-юношеского телевидения «Бахористон» («Цветник»).

Издан шесть поэтических книг на таджикском языке. Автор либретто оперы «Рустам и Сухроб» (по мотивам «Шахнаме» Фирдоуси), исторических драм «Эмир и пленный» и «Кир и Крез». Перевел на таджикский книги стихов и поэм Габриеллы Мистраль, Юстинаса Марцинкявичюса, Олжаса Сулейменова, Евгения Евтушенко, повесть Чингиза Айтматова «Белое облако Чингизхана», драмы Шекспира, Брехта, Дударева, Байджиева. Часто выступает на страницах периодической печати по социальным и литературным проблемам. Лауреат Государственной премии Республики Таджикистан имени Абуабдулло Рудаки.

* * *

Истина давняя
 встает во весь рост –
 из мгновений создается вечность.
 Смысл жизни,
 должно быть, очень прост:
 не вечен человек,
 вечно человечность.

Перевод *автора*

ОДНОЙ БУХАРСКОЙ ДЕВУШКЕ

Зарафшон свои воды несет к Бухаре,
 так душою к тебе, о печаль, я стремлюсь!
 Ты ее переполнила, право, скорей,
 чем тебя я успел затвердить наизусть.
 Далекі времена, что была ты моей,
 Но в душе моей всё мы вдвоём.

Только путь мне заказан к калитке твоей, –
Так мы горечь тоски познаём.

Далеки времена, что моей ты была,
не года,
а века пронеслись,
как стрела...

Я и рад бы тебя позабыть навсегда,
да не выйдет –
твой образ ничем не стереть.
С обезумевшим сердцем что делать,
когда
Зарафшон свои воды несет к Бухаре?..

* * *

Снег –
редактор печальных стихов осени
вписал этой ночью
свои в Книгу времени.

Там каждая дорога – невидимая строка,
каждое дерево – лишний восклицательный знак,
припорошенные пригорки – непрозвучавшие рифмы,
там реки подобны безжизненным строкам,
ручьи – тоже как строки, но сухие,
все достоинство которых – в их невыразимой скуке.

Прошлой ночью
в раскрытой тетради окна
железнодорожная колея оказалась несравненным бейтом².
Нынешней ночью редактор – снег
безжалостно вычеркнул его,
не в силах осознать главного:
настоящий стих – это
и грузовая магистраль,
и средство достижения человеком цели.

Листая страницы монотонных белых стихов
Снега,
вглядываясь в снежную пелену, –
многословный поэт в своих творениях таков, –
мечтаю о настоящем поэте,
представляю себе желанные строки весны.

² Бейт – двустишие в поэзии народов Востока, выражает законченную мысль

Он придет непременно, этот новый поэт,
с новым виденьем чистого мира,
и стихи его будут совершенны и желанны.

Невидимые дороги –
тайнописью начертанные строки – сделает зримыми;
замерзшие реки –
эти застывшие строки – сделает текучими.
Замшелому ретрограду
вернет, наконец, ощущение жизни,
сделает молодым...

Перевод **Виктора ЗУЕВА**

АТО ХАМДАМ

Писатель, переводчик, драматург. Родился 13 июня 1948 года в селении Ташбулак Гиссарского района. Окончил Республиканское училище культуры и филфак Таджикского госуниверситета (1973). Член Союза писателей СССР (1979), член Союза журналистов СССР (1970), член Союза театральных деятелей Таджикистана (1997). Первый таджикский писатель, удостоенный высшей литературной премии Пакистана за вклад в культурные связи между Таджикистаном и Пакистаном (1994). Заслуженный работник культуры Республики Таджикистан (1999). Автор двадцати пяти сборников очерков, рассказов, повестей, сценических произведений. Первое драматическое произведение написал в пятнадцать лет. Автор романов: «Хатлонский бастион», «Озар из Уструшаны», или Меч Спартака», «Венецианец Марко Поло», «Именем закона».

На протяжении последних десяти лет работает в творческом содружестве с русскоязычным писателем Леонидом Чигриным над циклом исторических романов из четырнадцати книг, объединённых общим названием «Тайны истории». Среди них романы: «Жизнь Чжан Цяня, или Великий шёлковый путь», «Покорение Согдианы», «Шёлковый путь», «Сотворение огня», переведенные на таджикский, турецкий, китайский и узбекский языки.

Занимал пост министра культуры Республики Таджикистан (1992-1994). В настоящее время – главный редактор издательства «ЭР-граф», преподаёт в Таджикском государственном институте искусств имени М. Турсун-заде. Живёт в Душанбе.

ЖЕЛАНИЕ МАТЕРИ

1

В ту пору я был еще мал. Мне было только семь лет. Ничего не зная об окружающем меня мире, беззаботно проводил время. Не помню своего лица, как оно тогда выглядело, о чём я говорил, кто и как заботился обо мне – тоже не помню. Одно только осталось в памяти – моя бедная мама работала день и ночь, возилась со мной как нежная кошка заботится о своем котенке, таская его с одного места на другое. Все, что зарабатывала и находила, тратила на меня.

Однажды, как это часто бывало, весь в глине, с испачканным грязью лицом и разорванной рубашкой, я пришёл домой. Мама была больна, лежала и стонала от боли. У ее изголовья сидела соседка.

– Боюсь, что помру, и мой Акбарджан останется сиротой, будет скитаться беспризорным. Если бы он мог заработать себе на хлеб, тогда и умереть было не так больно, – говорила мама со слезами на глазах.

– Напрасно переживаешь, соседка. Аллах наделяет болезнью своих любимых избранников. Даст бог, скоро выздоровеешь и встанешь с постели, будешь выглядеть, как утренняя роза, – успокаивала маму соседка.

2

Я вырос. Как того хотела мать, стал человеком. Окончил педагогический институт и пошел по стезе жизни. И теперь мама говорила:

– Единственное мое желание – это женить моего Акбарджана, увидеть в доме невестку, тогда и умереть не страшно.

3

В мой с Савсан свадебный день у мамы будто выросли крылья. От счастья места себе не находила. словно мы с Савсан являлись свечой, а мать парила вокруг нас, как мотылек. Ни на минуту не отходила от нас. Ах, какой она была в день свадьбы! словно к ней вернулась молодость и она опять переживала самую прекрасную пору...

4

Прошло несколько месяцев. Однажды, вернувшись после работы домой, я услышал разговор матери со старой соседкой:

– Невестушка моя донашивает последние месяцы и скоро должна осчастливить меня внуком. Так надеюсь увидеть внучонка, понять его, спеть колыбельную ему, вспомнить детские годы моего Акбарджана. Ведь что я видела в жизни? Все, что я имею – это мой единственный сын – родной цветок.

– Если будет угодно Аллаху, увидите и внука своего, – отвечала соседка. Слова соседки придали матери силу и она проговорила:

– Дай бог, соседушка...

5

Года проходили вереницей. За это время наша семья выросла до семи человек. Мать оставалась, как прежде, бодрая и жизнелюбивая.

– Поскорее бы увидеть свадьбу Заррины, ушла бы без сожаления, – говорила мать, мечтательно глядя на мою старшую дочь.

– Увидите, мамочка, непременно увидите. Даст бог, посидите и на свадьбе своей правнучки, – сказал я, утешая ее.

Тогда Заррине шёл семнадцатый год...

6

К большому нашему огорчению, увидеть свадьбу Заррины бедной моей матери не было суждено. Она унесла в иной мир свою мечту. В последний миг своей жизни позвала меня и сказала:

– Сынок, вижу, что на твоей черноволосой голове появилось несколько белых прядок. Но не огорчайся. Ты на совесть поработал с людьми, и для людей. Все тобой довольны, я – тоже. Не препятствуй, а помоги Заррине с учебой. Не срамись перед людьми, всегда будь с ними, помогай им. Если хочешь, чтобы дух мой и на том свете был доволен тобой, делай добро, сынок, всем и везде делай добро. Только оно способно осчастливить человека...

Теперь я пенсионер. Заррина пошла по моим стопам. Она с мужем учительствуют в селе. Растят миловидных дочерей и сыновей. Каждый раз, когда смотрю на их розовые, цветущие лица, невольно вижу в них родные черты моей матери и слышу ее наставления:

– Делай людям добро, сынок, да, добро. Не забывай, что великое вырастает из добра...

МАНСУР СУРУШ

(Сайфиддинов Мансур Саидалиевич) – прозаик, драматург, журналист и переводчик. Пишет на русском и таджикском языках. В Душанбе отдельными изданиями вышли его книги «Изгнание», «Замурованный грех», «Метка Азроила», «Золотой мост», повесть «Чала» и другие. Некоторые рассказы увидели свет в журналах «Наш современник» и «Огонёк». Пьесы «Долгое, долгое эхо», «Вы меня еще успеете убить», «Я на тебя не жалуюсь, мой век», «Калиф – аист» (по мотивам восточной сказки) шли на сценах русских драматических театров в Душанбе и Чкаловске.

Многообразные по теме и жизненным ситуациям произведения писателя отличаются самобытными картинами жизни современников, остротой нравственных и социальных проблем.

ЯШКА ХРИПАТЫЙ

В конце 60-х и начале 70-х годов, теперь уже прошлого века, на улицах, примыкающих к шумному душанбинскому базару Шохмансур, часто можно было встретить смуглого человека с приподнятыми плечами и немного сгорбленной спиной, в поношенных одеждах и низко надвинутой на глаза кепке. Тогда уже ему можно было дать лет шестьдесят, но все называли его просто: Яшка Хрипатый. Наверное, такое прозвище он получил за свой непомерно резкий сипловато – хриплый голос.

Завидев его издали, степенные мужчины и женщины торопились обойти стороной. Лицо у Яшки Хрипатога было вечно небритое, хмурое, от него несло винным перегаром и запахом дешевых сигарет. Вдобавок ко всему, у него не хватало передних зубов и когда он начинал говорить, то брызгал слюной.

И все-таки, несмотря на его неопрятный вид и отталкивающую внешность, у Яшки Хрипатога был большой круг знакомых и приятелей. Его хорошо знали участковые милиционеры, потому что он стоял у них на учете. Знали бомжи, уголовники и воры, потому что он вел схожий с ними образ жизни. Знали хозяева закусовых и погребков, куда он навещался по многу раз на дню.

Надо сказать, что Яшку Хрипатога эти люди не просто знали, они его еще и уважали, старались беречь его самолюбие.

Милиционерам было известно, что Хрипатый не из тех, кто горазд присвоить все, что плохо лежит. Уголовники были уверены, что он никогда никого не заложит. Хозяева погребков не сомневались в его честности и наливали ему в долг, когда бы он ни попросил.

В то же время, мало кто из его приятелей и знакомых знал о том, какая у этого опустившегося человека светлая голова, феноменальная память и необычайная эрудиция. В этом мне довелось убедиться не раз.

В студенческую пору я снимал квартиру в доме, расположенном недалеко от базара. Вечерами, коротая время, мы с Искандаром, товарищем по комнате, любили решать кроссворды и ребусы, которые из номера в номер печатали газеты и журналы. Порой мы увлекались настолько, что не замечали, как течет время. Бывало и так, что мы подолгу застревали, не зная как справиться с очередной головоломкой. В такие минуты нас охватывало чувство досады и разочарования. Зато как радовались мы, когда ответы выходили правильными.

Однажды Искандар пришел с последним номером газеты «Вечерний Душанбе» и мы, усевшись поудобнее, принялись разгадывать суперкроссворд. Как обычно, я вслух зачитывал вопрос, а Искандар, перекрещивая слова, заполнял фигуры из квадратов буквами. Поначалу все у нас шло гладко, ответы мы находили быстро и легко.

– Да так мы можем запросто получить обещанный газетой приз, – самодовольно заметил Искандар.

– Тьфу-тьфу, не сглазь! – прервал я его. – Лучше скажи, что это за птица, которую в Древнем Египте считали олицетворением Бога познания?

Искандар недоуменно посмотрел на меня и почесал в затылке.

– Нет, не знаю, – спустя минуту, признался он.

– Вот незадача, – беспомощно отложил я газету. – Всего четыре буквы, но как их угадать... Придется ждать до завтрашнего дня и потом в библиотеке рыться в словарях.

Искандар вдруг ударил себя по лбу и весело засмеялся.

– А зачем нам ждать до завтра? Мы и сейчас можем узнать правильный ответ.

– Как? – удивился я.

– Очень просто, – довольный своей выдумкой, пояснил Искандар. – На углу живет человек, который и поможет нам. Вот увидишь, это ходячая энциклопедия.

Поймав мой недоверчивый взгляд, Искандар также уверенно заявил:

– Да ты его знаешь. Его все знают... Это Яшка Хрипатый.

– Хрипатый? Яшка? – не удержавшись, захохотал я. – Ну ты, брат, даешь.

– А ты не смейся, – с обидой в голосе возразил Искандар. – Лучше послушай, что я тебе скажу. Этот человек вовсе не Яшка Хрипатый. Настоящее его имя Эшонкул, Эшонкул Азизи. Когда – то он учился в Ленинграде, занимался наукой. Потом его оставила жена и он спился.

– Постой, а откуда тебе все это известно? – с неподдельным любопытством спросил я.

– Он из наших мест. Даже каким-то родственником приходится мне.

– И ты уверен, что он знает ответ на интересующий нас вопрос?

– Уверен, – поспешил заверить меня Искандар. – Хоть сто кроссвордов перед ним разложи, ему все нипочем. Мигом решит все.

– А я сомневаюсь. Времена Авиценны и Леонардо да Винчи давно прошли. Будь ты даже семи пядей во лбу, в наш век все охватить невозможно.

– Ну, если ты мне не веришь, тогда держи пари, – запальчиво предложил Искандар.

Мы ударили по рукам и направились к домику, в котором жил Яшка Хрипатый. Небольшой грязный двор был освещен тусклым светом, под ногами шуршали листья виноградника. Чуть поодаль мы увидели узкий топчан, на котором полулежал человек. Это и был Яшка Хрипатый.

– Эй, кто там? – приподняв голову, крикнул он.

Искандар назвал себя и, подойдя ближе, пожал хозяину руку.

– А-а, сын Сулеймана?!

Какое-то подобие улыбки появилось и тут же исчезло на заросшем лице Яшки Хрипатого.

– Ну и что вам от меня нужно? – равнодушно поинтересовался он и потянулся за пачкой «Памира», лежащей у его изголовья.

Искандар присел на топчан и в двух словах рассказал ему о нашем увлечении кроссвордами.

– Вы бы не подсказали, – спросил он в заключение, – как древние египтяне называли птицу, олицетворяющую, по их мнению, Бога познания?

Яшка Хрипатый ответил не сразу, а сначала, сузив глаза, с удовольствием затянулся сигаретой.

Затем, медленно выпустив через ноздри едкий дым, спокойно сказал:

– Ибис.

Я быстро склонился над кроссвордом. Все совпадало. Искандар торжественно посмотрел на меня. «Ну, а я что говорил?» – можно было прочесть в его взгляде.

В это время в груди у Яшки Хрипатого что-то заклокотало и он, судорожно глотая воздух, сильно закашлял. Спohватившись, Искандар кинулся в дом и вынес кружку воды...

Когда хозяин пришел в себя, мы быстро попрощались и ушли.

Через неделю история с кроссвордом повторилась и, оказавшись в безвыходном положении, мы опять постучались к нашему соседу. В тот день он, что редко с ним случалось, был в трезвом состоянии, и приветливо поздоровался с нами.

– Ну, говорите, с чем пришли на этот раз? Чем может служить вам Яшка Хрипатый?

В его голосе чувствовалась легкая ирония, кажется, он не прочь был порезонерствовать.

Я сказал, что нас интересует, кто был третьим президентом Соединенных Штатов Америки.

– Томас Джефферсон, – тут же ответил Яшка Хрипатый и вслед за этим не преминул заметить: – И чему теперь вас учат в университетах?!

Последние слова Яшки Хрипатого были произнесены незлобиво, почти ласково, но они задели меня и я решил ответить ему тем же, поставить на место.

– Ну раз вы такой эрудит, то извольте ответить, – с трудом подавляя раздражение, обратился я к нему. – Что это за химический элемент, название которого с персидского означает черную краску для волос?

Смерив меня презрительным взглядом, он прохрипел:

– Сурьма.

Затем смачно плюнул и, вытерев рукавом бесцветного костюма губы, испытующе посмотрел на нас с Искандаром.

Бой был принят.

– Французский город, родина самой знаменитой девственницы? – не медля, на Яшку Хрипатого обрушился с вопросом Искандар.

– Орлеан, – лениво зевая, пробормотал тот.

– Как вы сказали? – переспросил Искандар, не отрывая глаз от газеты с кроссвордом.

– Ну, конечно же, Орлеан, – повторил Яшка Хрипатый и, опять сплюнув, добавил: – Каллаварам!

Вопросы, которые мы тогда, не давая передышки, задавали Яшке Хрипатому, были нами взяты из кроссворда, опубликованного раньше. Ответы на них уже были известны и мы могли бы легко уличить Яшку Хрипатого в ошибке, если бы сведения, которые он приводил, не соответствовали истине. Но всякий раз он давал точный и, главное, незамедлительный ответ.

Казалось, в голове у Яшки Хрипатого имелось несметное количество маленьких клеточек, ячеек, которые открывались, едва до него доходил вопрос, и выдавали необходимую информацию. Запас знаний, способность воспроизводить в сознании годами накопленные опыт и впечатления у него были поразительны.

Мы поняли, что посрамить его нам вряд ли удастся, но и сдаваться легко мы не собирались.

– Как назывался офицерский титул в Османской империи? – выпалил я.

И тут впервые Яшка Хрипатый замешкался и попросил повторить вопрос. С минуту он молчал, сдвинув брови на переносице. Я в душе ликовал. Должны же в мире существовать вопросы, на которые ответа не знает даже он.

– Постой, постой... – устало поправил он кепку. – Кажется, ага. Ну да, ага.

Ответ был абсолютно правильным. И из этого раунда Яшка Хрипатый вышел победителем. Я посмотрел на Искандара, ожидая, что скажет он.

Но в этот миг взорвался Яшка Хрипатый.

– Вы что, экзаменовать меня пришли?! – распуская слюну, заорал он. – Ставите под сомнение диплом Ленинградского университета?! Сосунки!.. Вон отсюда!

Видя, что Яшка Хрипатый с каждой минутой распаляется все больше, мы благоразумно ретировались.

На этом наши визиты к всезнающему соседу прекратились.

И хотя в тот день он с нами обошелся довольно круто, обиду я на него не держал. Наоборот, всякий раз, когда удавалось выкроить время для кроссвордов, я мысленно представлял его себе, вновь и вновь поражаясь как его эрудиции и находчивости, так и превратностям судьбы. Однажды, не найдя ответа на крайне заинтересовавший меня вопрос, я все-таки решил еще раз прибегнуть к помощи Яшки Хрипатого, нисколько не сомневаясь, что уж он-то сможет меня просветить.

Была уже осень, вечера стояли холодные и Яшка Хрипатый со своего топчана перебрался в дом. Дверь была приоткрыта. Я осторожно постучал. Ответа не последовало.

– Дядя Яша? Дядя Яша?.. Дядя Эшонкул?

– Чего тебе? – услышал я знакомый хрипатый голос.

– Скажите, пожалуйста, что это за состояние, когда орлы не размножаются?

– Неволя, – донеслось из прокуренной комнаты и вдогонку привычное: «Каллаварам».

– Спасибо! – обрадованный тем, что ответ найден, сказал я.

Вскоре после этого я переехал в другой район города и долго не встречался с Яшкой Хрипатым. Мы готовились к защите дипломных работ и я подолгу засиживался в библиотеке. Как-то решив сделать перерыв, мы, несколько однокурсников, зашли перекусить в кафе «Лола». Наша непринужденная беседа была в разгаре, когда мимо нас, шатаясь, прошла тень.

Всмотревшись, я узнал Яшку Хрипатого. Он сильно сдал за это время, постарел, на него было жалко смотреть. Пьяно бормоча, он поравнялся с нами и вдруг узнал меня. Первым моим желанием было подойти к нему, пожать руку, расспросить, как это принято у нас, о житье-бытье. Но я сдержал себя и невольно опустил голову. Честно говоря, мне не хотелось, чтобы мои однокурсники, среди которых были и девушки, знали, что я поддерживаю знакомство с таким опустившимся человеком.

Когда я поднял глаза, Яшка Хрипатый стоял в той же позе и исподволь смотрел на меня. Он незаметно кивнул, губы тронула слабая улыбка. Взгляд его мутных глаз словно говорил: «Не тревожься, парень. Разве я не понимаю, что Яшка Хрипатый вам не ровня? Что тебе неловко на виду у друзей общаться со мной? И ты правильно делаешь, что не замечаешь меня. Такие люди как я, того не заслуживают...»

Нахлобучив кепку и по-прежнему шатаясь, он двинулся к выходу.

В тот день я по достоинству оценил его поступок и потом не раз с чувством благодарности думал о понимании и деликатности этого несомненно умного, образованного, но в то же время глубоко несчастного человека.

Больше Яшку Хрипатого я никогда не видел.

РАВШАН ЁРМУХАММАД

Родился 27 января 1942г. в кишлаке Гармови Обигармского района. В 1964 году закончил филологическо-исторический факультет Таджикского Государственного университета. Работал в Гостелерадио, газетах «Тоҷикистони совети», «Адабиёт ва санъат», главным редактором журнала «Тоҷикистон».

Автор книг «Белая коза» (1990г.), «Родничок» (1995г.), «Приключение Каламак» (1999г.) и др. С 1990 года член Союза писателей Таджикистана.

РЕБЕНОК

На многолюдной дороге, ведущей к большому базару города Душанбе, сидели неподалеку друг от друга нищенка и пожилой торговец. У женщины был ребенок – маленький, только – только научившийся ходить. Ничто не прикрывало тельце ребенка, кроме затертой, едва достававшей ему до пупка, распашонки.

Перед стариком лежала горка сушеной алычи, и он с надеждой всматривался в прохожих, ожидая, что, может, кто-нибудь из них купит у него хоть стакан... Лицо старика было подобно его алыче – такое же иссохшее, почерневшее и сморщенное.

Ребенок упрямо оторвался от матери и приблизился к старику. Остановился прямо перед ним, но устремил взгляд куда-то далеко-далеко. Затем что-то пролепетал на своем ребячьем языке.

Старик не понял сказанного. Он нагнулся, взял несколько штук сушеной алычи и дал ребенку. Тот принял их, но от волнения слабыми ручонками не удержал, и они скатились на землю. Старик снова насыпал ему алычи в подставленные ладошки.

На этот раз ребенок, подобно слепому, который знает, что может потерять свой посох только раз, бережно зажал алычинки в кулаках, чтобы ни одна не выпала. И оттого, что сумел он это сделать, личико его озарилось радостью. С торжествующе поднятыми вверх кулаками он поспешил к матери.

Но тут вдруг он споткнулся и упал. Кулачки разжались, и алычинки рассыпались по земле.

Люди проходили мимо. Алыча растапывалась их обувью. А ребенок, голый от пояса до пят, смотрел между ними вниз и горько плакал: плакал о растоптанной милостыне, плакал о своей младенческой неустойчивости.

Нищенка подбежала, дала ребенку шлепка и, приведя его к прежнему месту, усадила рядом с собой.

Старик собрал свою алычу и ушел подальше от этой дороги, ведущей к базару.

СЛЕДЫ

Зима выдалась суровой. Но вот уже сколько лет в это время года электричество в наших домах отключают, так что и лампочки не загораются и не имеем возможности использовать электрообогреватели. Спим, закутавшись в толстые одеяла, да еще набросив что-нибудь из зимней одежды сверху...

Утром, перед восходом солнца смотрю на оконные стекла. Они обледенели: удивительно, словно сама природа оставила на этих тонких, хрупких стеклах свое полупрозрачное отражение. Эти оттиски, следы ее морозотворчества, похожи на заснеженные ветки деревьев, что возвышаются у нас перед фасадом дома. Я подхожу к окну и долго всматриваюсь в причудливые узоры из мельчайших ледяных крупинок. Они приковывают мой взгляд, очаровывают, завораживают меня. Среди них мне видятся птицы, которые будто спрятались в ветвях деревьев от холодных ветров. А в некоторых ледяных рисунках нахожу сходство с людьми.

Хочу выглянуть наружу, но что там, за окном, разглядеть невозможно. Отогреваю своим дыханием заиндевелое стекло. Сначала частички наледи противятся моему теплу. Потом, будто поневоле пропуская через себя солнечный луч, тают, и талая вода стекает по стеклу. Капли похожи на слезы, стекающие по щекам. И постепенно тот сказочный пейзаж исчезает.

Вижу, что в доме напротив девушка – соседка у окна точно так же, как я дышит на стекло, чтобы отогреть его. Она так приблизила к стеклу свои нежные, изящные губки, что мне не видно ее прелестного личика. Влагу со стекла она стирает платочком. Потом смотрит через окно на улицу, где все покрыто снегом, смотрит вдаль долго и пристально. От этого взгляда сердце мое трепещет и ноет: уж не ждет ли она кого-то?

С четвертого этажа направляю взгляд вниз. Там никого. Только следы дворника, который ушел к большой дороге, волоча свою длинную метлу.

Я ни разу с ней не разговаривал на близком расстоянии. Подобно птицам, под карнизом крыши, она каждое утро появляется за этим окном и потом куда-то улетает...

А сейчас девушка устанавливает на подоконнике зеркальце и какую-то коробочку. Я отодвигаюсь за стеклом на самый краешек окна, чтобы она не испугалась, заметив мой силуэт. Она чем-то мажет лицо. И подводит брови. И подкрашивает веки. Издали представляю себе ее губы, ярко-красные, как сердолик. Но она зачем-то еще больше подкрашивает их. Вытирает носовым платком что-то на лице. Затем отходит от окна. Я больше не вижу ее. Но зеркальце и коробочка с косметикой по-прежнему на подоконнике. Должно быть, она вернется.

Действительно, через несколько минут она возвращается в чистой, нарядной одежде и занимает свое место у окна. Расчесывает волосы. Я даже отсюда ощущаю, как жгуче-черные пряди ее волос проходят между зубьями расчески и ниспадают, сливаясь, похожие на волны реки.

Боже, почему я так люблю черные волосы! Сердце мое желало бы, чтобы все девушки имели такие же и так же расчесывали их. Поймут ли они, что в моем сердце?

Склонив голову набок, моя соседка все расчесывает волосы. Потом, как норовистая лошадка, встряхивающая гривой, одним движением головы разбрасывает волосы. И они послушно ложатся по своим местам. Сквозь пряди волос я вижу ее прекрасное лицо, будто только что выглянувшее из-под чадры.

Сердце вновь не спокойно. Смотрю вниз: не дай Бог, там ее ожидает машина. Господи, до чего же я ненавижу эти машины... По-моему, в них полно злодеев. Сколько счастливых судеб сгорело за их затемненными стеклами, сколько светлых надежд было пущено по ветру!..

Погруженный в раздумья, упускаю момент, когда девушка отходит от окна. Неотрывно смотрю во двор, надеясь заметить, как выйдет она из дома и в какую сторону направится. А сердце опять в тревоге... Господи, да что это со мной? Как будто что-то потерял, как будто счастье ускользнуло из рук...

С нетерпением жду ее появления.

Вот она выходит из подъезда, и сердце мое уже колотится так, словно готово вырваться из груди. Стройную фигурку она закутала в шерстяной плащ; на шее у нее белый шарф; черные сапожки под цвет плаща. С четвертого этажа она мне кажется ласточкой: маленькая, легкая...

Приминая белый снег своими черными сапожками, моя соседка направляется к большой дороге. Теперь мое сердце сжимается подобно снегу под ее ногами.

Диву даюсь: как сумело ее маленькое девичье тельце согреть меня на таком расстоянии в эту лютую стужу?! Что за тайна в этих магических связях между людьми?!

Наблюдаю за происходящим внизу. Соседи один за другим выходят из своих квартир и движутся в сторону большой дороги. Вскоре следы моей соседки исчезают под следами других жильцов дома. Но они по-прежнему перед моими глазами.

Я отхожу от окна. Отхожу с надеждой, что на следующее утро снова увижу ее в окне напротив.

Переводы с таджикского *Сергея СУХОЯНА*

ПРОЗА

Поле притяжения

СЕРГЕЙ СУЛИН

Главы из неопубликованного романа «S Золотой рыбы»

ПЕРВАЯ ПЕРЕЛЁТНАЯ (Спецоперация Департамента по ЧП)

Жизнь без надежды, как ночь без рассвета.
Поговорка.

За бортом тихо плескалась вода. Невидимая в темноте лодка, повинувшись течению, медленно скользила среди мерцающих созвездий. Небо очистилось от туч, и пронёсшаяся недавно буря теперь казалась хотя и грозным, но прекрасным сном. Глубоко задумавшись, я изредка шевелил вёслами, не давая суденышку закружиться в вальсе по зеркальной глади реки.

Бестолковая спутница нашей планеты заблудилась где-то в прибрежных зарослях, и только ночной ветерок один мог распутать фантастическое переплетение лунного света и душистых трав. И так же, как ветер травинки-былинки, я перебирал в памяти эпизоды последних лет своей жизни.

Погружаясь всё глубже и глубже в воспоминания, я незаметно добрался и до переломного момента в своей судьбе. Эта история произошла как раз после моего «триумфального» возвращения из Москвы.

В Вишёнках, как и следовало ожидать, меня никто, кроме Аттилы, не ждал, и я, чувствуя себя совершенно опустошённым, пребывал в полном одиночестве.

Конечно, мне очень хотелось позвонить Олсе, да и с Маричкой надо было окончательно (в тысячу первый раз) выяснить отношения, но, осознавая свою вину перед обеими, я никак не мог на это решиться.

От охватившей меня безнадеги я, в конце концов, запил. Под воздействием алкоголя и по старой привычке я часами разговаривал вслух: беспощадно обвинял себя во всех смертных грехах и тут же находил им достойное оправдание. Этот «судебный процесс» изначально нельзя было выиграть, а разноголосица, царящая в голове, мешала сосредоточиться на живописи, которой я после московской «эпопеи» опять помаленьку занялся. Отчаявшись, я решил пройти «курс физиотерапии» и... начал ремонт квартиры. Теперь, при солнечном свете, я ожесточённо мазал холсты, а по ночам, пьяный вдрызг, обдираю со стен штукатурку.

Приблизительно в это же время до меня стали доходить какие-то странные слухи об Олсе: то её видели где-то за городом на роскошном «Мерседесе» в обществе смазливого блондина, то – танцующей цыганочку с выходом на столе в какой-то полубогемной компании.

Дофантазирував эти «сюжеты», я от ревности едва не свихнулся: курил одну сигарету за другой, почти перестал спать и порой напрочь вываливался из реальности. Не раз я случайно обнаруживал себя без цели бредущим босиком по городу. Во избежание несчастного случая пришлось перед выпивкой привязывать себя к батарее.

Поняв, что так долго продолжаться не может, я изменил расписание занятий: стал штукатурить стены и пить днём, а по ночам, уничтожая неудачные творческие изыски, соскабливать краску с полотен...

И в это время позвонила Маричка.

Скорбным голосом она объявила, что мы должны окончательно расстаться, так как она с Дашкой и мужем навсегда уезжает из Вишёнок, что всё ещё любит меня, но теперь это уже не имеет никакого значения.

Итак, невидимая рука проведения перевела стрелку, разводя наши изломанные судьбы, и скорый поезд её жизни теперь уходил в неизвестность, оставив меня одного на опустевшем перроне. Мимо пронеслись вагоны с ярко освещёнными окнами, и за каким-то из них была маленькая доверчивая девочка, моя родная дочь, так никогда и не назвавшая меня папой.

Когда состав, стуча колесами, пронёсся мимо и, мигая напоследок сигнальными огнями, скрылся вдали, я забрался с головой под одеяло и, как в далёком детстве, зарыдал в голос, со всхлипами и подвыванием. И наплевать мне было, как это выглядит со стороны... потому что больше никого не было.

Утирая сопли, я ощутил в душе бесконечную пустоту, осознал, что приношу всем одни лишь страдания, и принял решение *навсегда уйти в свои работы*. Но сбежать просто так было нельзя, я обязательно должен был понести *заслуженное наказание*.

Перебрав в голове самые жестокие способы истязания плоти, я посчитал их недостойными внимания. Мне хотелось придумать нечто такое, что станет сопоставимо с моими ужасающими проступками.

После долгих размышлений я всё же вычислил свою «Голгофу» и, запершись в мастерской, приступил к делу. Это было нелегко, но, собрав силу воли в кулак, я... БРОСИЛ ПИТЬ, а заодно уж, чтобы сильнее мучится, и КУРИТЬ!

Вскоре началась ломка.

Смутно припоминаю, что последующие дни я разрывался между желаниями затянуться сигаретой, принять алкоголь и... покончить с собой. Мои руки тряслись, уши опухли, а давно не стриженная борода торчала клочьями. Стараясь не подходить близко к зеркалу, я, как сомнамбула, бродил по квартире.

Именно в этот период в моей голове стали возникать разные фантастические видения, порождённые извращённым воображением трезвеющего разума. Но из всех посетивших меня «глюков» лишь один почему-то показался достойным внимания. Это был образ ангела, рисующего Зарю. Краска капала с его кисточки и живописными подтёками растекалась по хитону и белым крылышкам, а на «тарелочке» нимба, как на широкополых шляпах художников эпохи Возрождения, горели свечи, озаряя небосвод.

И я, чтобы хоть как-то отвлечься от нечеловеческих страданий, попытался воспроизвести всё это на холсте. Добиваясь совершенства задуманного, часами сидел за мольбертом. Раз за разом портил, бросал и начинал заново своего ангелочка.

Незаконченные этюды, эскизы и наброски пернатых существ, заполонив мастерскую, разлетелись по всему дому. Всюду витал пух, раздавалось тихое квохтанье и шелест многочисленных крыльев. На кухню нельзя было попасть, не столкнувшись с двумя или тремя моими недоделанными творениями, готовящими на плите кофе, а в ванную комнату, облюбованную этими чистюлями, вообще приходилось выстаивать длинную очередь. Впрочем, всё равно сильно пахло курятником.

Очумевший от такого соседства, Аттила радостно носился по квартире, норовя ухватить эти эфирные существа за оранжевые пятки. Избегая «нежелательных контактов», те спасались, отсиживаясь на антресолях либо укрывшись в шкафу.

Ко всему прочему, каждый пернатый недомерок, конечно же, мнил себя гениальным художником и, размахивая малярной кистью, рисовал у меня на потолке Зарю.

В общем, скучать не приходилось, тем более что вскоре на дверях моей мастерской появились многочисленные объявления, которые я не без интереса читал. На одних были призывы к крылатым собратьям создать «Товарищество Ангелов Зари» (сокращённо ТАЗ), провести учредительное собрание и организовать общую выставку. Другие требовали не допускать в новую организацию дилетантов и упразднить выставкомы. Третьи предлагали предоставить всем желающим мастерские, а также сдавать деньги для выезда на пленэр с последующей выпивкой и закуской.

А ещё я заметил, что мои ангелы начали кучковаться по цвету оперенья. Так, отделилась группа с крапчатыми крыльями. Они провозгласили лозунг «*Наши Зори – зорей всех зорь в подзорном Мире!*» и, построившись «клином», стали летать вокруг люстры, выкрикивая его. Другие, с серебряной каемочкой по краю оперенья, сплотились против засилья «пестреньких», якобы зажавших премиальные конфеты, но, получив должный отпор, в поисках лучшей доли были вынуждены эмигрировать в соседнюю комнату. Самые же отчаянные из них, закрывшись в чулане, пригрозили съесть всё варенье, если не будут соблюдены их права.

Эта крылатая вакханалия продолжалась до тех пор, пока не грянула Первая Перелётная выставка, объединившая всех гролопанов.

Своеобразным эпиграфом для неё могла бы послужить работа древнейшего ангела, на которой красовалась Заря Первого Дня Творения. На экспозиции также были представлены и другие произведения, выполненные в разных стилях, манерах и техниках. Среди многочисленных закатов и восходов здесь можно было увидеть как образцы модернизма (например, золотая Заря Рождества Христова) и сюрреализма (кроваво-красный рассвет, датированный первым сентября тридцать девятого года), так и сурового абстракционизма (множество розовых квадратов на зелёном фоне – именно так выглядела зорька дня моего зачатия, которую специально по такому случаю вытащили из каких-то Архивов).

К тому же, здесь было полно авангарда. В наличии имелись Зори, сделанные из папье-маше и пивных банок, выкрашенные в черный цвет и переливающиеся всеми цветами радуги, вертящиеся на шарнирах, закрученные спиралью и свёрнутые в трубочку.

Судя по представленным работам, творческой фантазии ангелов не было предела.

На торжественном открытии выставки присутствовали маститые критики, известные искусствоведы, представители СМИ, а также нужные и «ненужные» гости. Среди последних были и какие-то два типа. Один рыжий, щербатый, усеянный конопушками, точно подсолнух семечками, другой длинный и лысый, с большими, словно приклеенными, ушами. Придирчиво осмотрев экспозицию, они пробуюлькили что-то по поводу приоритета классицизма и, не оставшись на фуршет, гордо удалились.

Впрочем, это нисколько не испортило общего приподнятого настроения. Ангелы то и дело произносили речи, зачитывали поздравительные телеграммы и вручали друг другу дипломы. А под конец вспомнили и обо мне, как имеющему некоторое отношение к происходящему событию, и под общие аплодисменты удостоили звания Почетного члена ТАЗа.

После торжественной части был устроен небольшой «самодельный» концерт: крылатые творцы вдохновенно читали стихи (как-то: «Горит восток зарёю новой...», «Встаёт заря во мгле холодной...», «Уж зачем ты, заря алая, просыпалась?..»), задушевно пели романсы и оперные арии (такие как: «Ты взойдёшь, моя заря...», «На заре ты её не буди...»), а также, разделившись на команды, увлечённо играли в «Зарницу».

Затем начался фуршет. Пернатые мастера кисти поднимали бокалы и провозглашали здравицы, а, хлебнув на брудершафт, фамильярно похлопывали друг друга крыльями. Правда, разлетевшись после этого, они порой вопрошали, ни к кому конкретно не обращаясь: «И что здесь надо этому любителю?», но это было в порядке вещей, и никто не обижался.

Среди прочих, выставку почтила своим присутствием и популярная в среде рисующей братии владелица художественной галереи. Её с почтением обступило несколько крылатых особей.

– Всё это не то, господа, – говорила она, потягивая шампанское. – Сейчас иные тенденции в развитии мирового изобразительного искусства. «Зори» нынче непопулярны.

Пернатые, всполошившись, зашелестели крыльями: «А что?.. А как?..». Галеристка снисходительно улыбнулась – она считала себя лучом света в нашем «забытом культурой» городишке.

– Без паники, я сейчас научу вас, что делать... Возьмите старый, разбитый фотоаппарат, зарядите в него плёнку с истекшим сроком годности, сфотографируйте мусорную кучу, опечатайте это на бумаге столетней давности и выставьте у меня в галерее. Ничего страшного в том, что снимки окажутся испорченными, – пускай вас это не тревожит! Я устрою пресс-конференцию и лично объясню, что там изображено, что именно вы хотели этим сказать и почему это – новейшее слово в искусстве.

– Но какое это имеет отношение к традиционной живописи? – наивно поинтересовался один из слушателей, нервно размахивая кисточкой.

– Картина маслом – это вчерашний день, – снисходительно улыбнулась мадам. Нынче главное – концепция и, конечно, умение подороже продать товар... ну, в смысле, произведение.

Пока эти ангелы благоговейно внимала своей «жрице», иные, уже «продвинутые», проводили всевозможные акции и перформансы.

Так, несколько крылатых озорников оплели мастерскую разноцветными нитями. Барахтавшие в этой «паутине» гости должны были олицетворять, по мнению пернатых «путаников», свое «единение с Космосом».

Какой-то ангел-экстремист (ещё одно направление в современном искусстве) запустил в мою квартиру небольшое стадо козлов с нацепленными на морды очками. Животные, блея, «с умным видом» разбрелись по дому. По заявлению автора этой дурки, рогатая «нечисть» должна была олицетворять тех критиков, которые были не в состоянии оценить его гениальные творения.

Другой голопятый создатель, набросав кучу соломы посреди кухни, теперь преспокойно почивал на ней, демонстрируя, тем самым, свое полное пренебрежение к ожидающей его славе (о чём, впрочем, не преминул заранее поведать в пространным интервью).

Ещё один ангел, стоя совершенно голым на стуле, мазохистски выдирает перышки из собственной «гузки». Все присутствующие были заинтригованы этим странным действием, но поскольку внятных разъяснений не последовало, никто так и не смог постичь его тайного смысла.

На открытии не обошлось и без скандалов. К полному восторгу журналистской братии, здесь было зафиксировано несколько случаев похищения произведений неземного искусства (как потом выяснилось, самими же авторами, для привлечения внимания публики к собственным персонам), а также один «подкид» новорожденной Зари к дверям моей мастерской. Пока выясняли, кто виноват, и решали, что теперь делать, один из ангелов, используя стерильные гвозди и анестезию, приколол себя к собственной Заре (естественно, это было записано местным ТВ и тут же выдано в эфир).

Ангелы сразу же разделились на два непримиримых лагеря – тех, кто считал это профанацией, и других, которые полагали «интересным решением темы». Когда спор уже был готов перерасти в потасовку, кто-то случайно заметил, что распятый потерял сознание и истекает голубой кровью (или что там у ангелов?). Несчастного общими усилиями сняли с гвоздей и уложили на мою постель, а появившийся вскоре «пилюлькин» перевязал ему раны и на всякий случай поставил клизму.

Убедившись, что за пернатого «героя» можно больше не волноваться, крылатое сообщество всем скопом переместилось в палисадник, где один из не в меру разошедшихся создателей тут же попытался сжечь своё собственное произведение в знак протеста против только что открытой выставки, в которой он сам же и принимал участие. Но упрямая зорька никак не желала разгораться. Тогда все присутствующие на «аутодафе» ангелы, помогая собрату по искусству, активно забили крыльями. Благодаря их совместным усилиям заря занялась, и в тёмно-фиолетовое небо полетели снопы золотых искр. Но, несмотря на то, что с наступлением вечера это зрелище выглядело очень эффектно, оно почему-то не понравилось моим милым соседям, которые не преминули сообщить о происходящем в пожарную часть, а заодно уж и в полицию.

Завывая сиренами, прикатили сразу обе муниципальные службы. Для начала нас всех повязали и обдали из брандспойтов шипящей пеной, потом допросили и, как водится, составили протоколы, и только когда во всём разобрались, наконец-то, затушили пылающую на небосводе зарю и удосужились снять наручники.

Чтобы не возвращаться порожняком (плохая примета), доблестные полицейские арестовали вопящего поджигателя и вместе с сознавшимися «самопохитителями» забрали с собой в участок. «Скорая помощь» увезла стонущего «профанатора» и ангела, выщипавшего у себя на заднице все перья (оказалось, что бедолага просто слетел с катушек от переизбытка впечатлений). Следом со свистом и покриками отбыли лихие пожарные, вознаграждённые за проявленный героизм ящиком водки «от нашего стола». За ними, унося «кровавую добычу», ретировались довольные журналисты и разошлись последние гости.

В доме остались только мокрые, изрядно ошипанные общей творческой судьбой пернатые особи. С их крыльев интенсивно капала вода. Собираясь в ручейки и речки, она постепенно обрела мощь бурного потока, который, смывая всё на своем пути (включая и самих виновников торжества), захлестнул мою квартиру. Я удержался на месте лишь благодаря тому, что уцепился за пудовую гирию, подаренную мне когда-то Ноем.

Когда вода схлынула, унося в городскую канализацию вопящих ангелов с их произведениями, бляющих козлов и мусор, я остался один. Успокоив скулящего Атилу, благополучно пересидевшего весь «потоп» на моих плечах, я взял тряпку и принялся вытирать лужи.

Неожиданно за одной из портьер оказалась чудом сохранившаяся картина с Первой (и, вероятно, последней) Перелетной выставки. За мутным стеклом ничего нельзя было разглядеть, кроме неяркого сияния. Недолго думая, я отодвинул шпингалет и открыл тяжёлую раму. В мастерскую ворвался свежий утренний ветер и щебет проснувшихся птиц. Невидимое ещё солнце красило в нежно-розовый цвет край темно-синего небосвода. Это занималась заря – «Заря грядущего дня», как значилось в «визитке» под этим шедевром суперреализма.

ЛОХОТРОН

...Туман. Густой, словно кисель, туман окутывает стоящий вокруг глухой тёмный лес, клубится меж покрытых бурым лишайником влажных стволов, плывёт вдоль реки, стелется по заболоченным низинам...

И в моей голове тоже полный туман. Вот какой нынче год? А век?.. Впрочем, не всё ли равно, если я даже себя толком не помню. Хотя имя, кажется, знаю... Смутно припоминаю залитый полуденным солнцем город на холмах, утопающий в зелени лип, орехов и пирамидальных тополей. Там во дворах беспечно играет ребячье, сушится накрахмаленное бельё, да в больших медных тазах варится повидло из чернослива...

А ещё я вижу разные странные сны (хотя порой мне кажется, что я и не сплю вовсе) и особенно часто тот, где много моря, неба и ветра. Но моё ли это имя, и где такой город, и о чём эти непонятные видения?

Давеча Док с умным видом заявил, что у меня вероятно... Как его?.. Вот, я записал: *«Амнезия в результате перенесённого шока»*. И это, по его мнению, даже хорошо, потому что в прошлом иногда бывает та-ко-е, что его лучше и вовсе не помнить.

Наверно, он прав, но вот у меня ощущение, словно там, позади, я оставил для себя нечто очень важное... а, возможно, так никогда и не нашёл, и это, почему-то не дает покоя. Мне обязательно нужно выяснить, кто я, узнать о себе правду... пусть даже и самую ужасную.

Когда я поведал об этом Доку, он задумчиво поскрёб свой отливающий голубизной подбородок и заявил, что если мне так уж приспичило, то в первую очередь следует заставить работать мозги.

– Как, как? Да почём я знаю?.. Ну, например, можешь что-нибудь изобразить. Возможно, это подстегнет твоё воображение, даст толчок воспоминаниям.

С сомнением я пожал плечами, но всё же подобрал обгоревшую щепочку и, чуть подумав, накарябал на стене сарая нечто, напоминающее продолговатый булыжник, к которому пририсовал по бокам пару лопухов.

– И... что это? – оторопел мой наставник.

– Как что? Ванькин огород. Вишь, сплошные сорняки да камни, – с гордостью пояснил я.

В это время к нам, нетвёрдо ступая, подошёл и наш добрый хозяин – здешний лесник (заросший трехдневной щетиной неказистого вида мужик в выгоревшей гимнастерке). Критически оглядев моё творение, он с усмешкой изрёк:

– На Дока смахивает, только у него уши больше, – «психолух» с досадой подергал себя за ухо и тут же выдвинул другую идею:

– А попробуй вести дневник (писать, как выяснилось, я всё же умею). Может, это разбудит память.

И вот теперь, следуя этому мудрому совету, я старательно извожу бумагу, благо на чердаке Ванькиной развалюхи нашлась целая стопка чистых тетрадей в клеточку.

Сам же лесник относится к моим занятиям с сомнением и зовёт самогоном лечиться. Кстати, это он и подобрал меня где-то там, на опушке погружённого в туман и сумрак леса. По его словам, я был в совершенно невменяемом состоянии и всё норовил сунуть ему какие-то монетки, дескать, за беспокойство. «Да какое, – говорит, – мне беспокойство, ежели от тебя одна тень и осталась? В чём душа держится, не пойму». Хороший он человек, только пьёт сильно. А как наклюкается, достаёт из-за печки какую-то потрепанную книжку, устраивается на берегу реки, читает и плачет. Я случаем заглянул в текст – писано не по-нашему (называется – я из интереса перерисовал незнакомые буквы – «La divina commedia»), а про что, спросить так и не решился... Он же, шутки ради, городит обо мне всякие небылицы. То я у него из сумасшедшего дома удрал, то от какой-то налоговой полиции здесь скрываюсь, а то вообще – беглый каторжник.

Док, слушая эти байки, лишь посмеивается. Он уже после меня сюда прибился. Утверждает, что по научной надобности, дескать, отслеживает какое-то необычное насекомое и, словно напоказ, ползает по поляне перед домом, размахивая большим сачком.

С ним давеча такая история приключилась. Мы баньку ладили (хозяин её в шутку «чистилищем» называет). Ванька дров наколол, я воды натаскал из речки, а Док только ценные указания давал, а потом и вовсе со двора смылся – у его букашки, оказывается, гон начался, во как! Ну, мы с Иваном печь растопили и в парилочку забрались, душу отвести. А тут и Док пожаловал с мочалкой, ржавым тазиком (где только раздобыл?) и голый до неприличия. Мы тоже, конечно, но он как-то особенно: длинный, худющий, лопатки, словно обрубки крыльев, торчат, тело белое, безволосое – в общем, глиста глистой, ей-богу. Я от неожиданности рот раскрыл да на раскалённые камни ковш с водой и опрокинул: шипение, пар, ничего не видно, жар такой, что аж дыхание перехватило. Мы-то с Ванькой

сдюжили, а вот у нашего учёного друга кишка тонка оказалась: заорал, на четвереньки бухнулся и на улицу – только задница в тумане сверкнула... Странный он малый – парилки совсем не уважает.

Ну вот, значит, сижу я себе на трухлявом крылечке и царапаю в тетрадке всякое-разное. Да только, по правде говоря, писать-то здесь не о чем: кругом сплошной туман, в котором едва различимы паром у переправы да обвалившийся плетень огорода, а противоположный берег реки так и вообще не виден.

К месту – о пароме (здоровенное такое корыто армейского образца). Я поинтересовался у лесника, зачем он здесь, ведь сюда и дороги-то не проложено. Тот, поигрывая ножичком, снисходительно объяснил, что иногда приходится забредших туристов на другой берег переправлять, на пикник, значит...

Теперь об этом ножичке. Он широкий и острый как бритва, а вдоль лезвия бороздка идёт, для стока крови. Хозяин заливает, что с этим самым тесаком один на один на пещерного медведя хаживал «и на разных других гадов», а для убедительности царапины на рукояти демонстрирует.

Чёрт его знает, быть может, и не врёт. Но мне-то от этой информации никакого проку, поскольку ни на какие такие воспоминания она не наводит. Я вот думаю: может, начать свои сны записывать? Там хоть солнышко есть и ветер, а здесь всегда сыро и зябко, лишь мокрицам с червяками да Доку раздолье.

А вот, кстати, и он ползет, лёгок на помине. Да и Ванька – леший из берлоги выбрался. Свистом подозвал Цербера, чёрного, как закопчённый котелок, пса, и дал тому вылизать свою грязную миску (это так он её моет: слюна, говорит, у собак стерильная). Потом щелчком выбил из пачки сигарету, прикурил и стал допытываться:

– Ну, душа неприкаянная, чего навспоминал?

– Да все чепуха какая-то, – уныло сообщаю я, некоторое время гляжу разнокалиберные глаза устроившегося рядом естествоиспытателя и, наконец, высказываю давно мучащее меня подозрение:

– Слышь, Док, а ведь ты что-то обо мне знаешь?

– От тебя ничего не скроешь, товарищ, – обречённо вздыхает он, – слушай (наконец-то! – я подаюсь вперёд, сердце замирает):

– До недавних пор ты торговал арбузами на базаре. Был трижды женат. У тебя семеро законных детей, четверо из которых точно твои, и один ребёнок на стороне – от любовницы. Кстати, славный такой малыш, на тебя похож... только чёрненький. Сейчас скрываешься от алиментов...

– Постой, постой, – с негодованием перебиваю его, – это не моя биография!

– Настаивать не буду, – усмехается Док. – Каждый сам пишет свою судьбу. Так что давай сочиняй, не стесняйся...

И его асимметрично посаженные глаза начинают попеременно подмаргивать...

Исписав всякой ерундой целую стопку тетрадей, но так ничего и не вспомнив, я упросил Дока поглядеть мои каракули в тайной надежде, что он-то уж сумеет их правильно истолковать.

Мы устроились на ржавой палубе парома. Кругом стоял туман. За бортом слышалось громкое журчание воды. В ожидании своего «приговора», я крутил ручку настройки старенького Ванькиного приёмника, но из его динамика раздавались лишь треск разрядов да невнятное бормотание.

– Тэ-эк, тэ-эк, тэ-эк... – бурчал себе под нос новоявленный критик, бегло просматривая мои записи. – В общем, ничего кроме того, что ты у нас графоман, сказать не могу – наконец сделал он свой вывод.

Я уж было собрался высказать всё, что думаю по поводу этого умника, но здесь внезапно заработало радио и сообщило загробным голосом местные новости: «В Сумрачном лесу открыт туристический сезон», потом напомнило, что грешнику попасть в рай, всё равно что верблюду пролезть в игольное ушко и под конец поведало прогноз погоды: «Над всей Землёй безоблачное небо».

Обсудить услышанное нам с Доком так и не пришлось, потому что где-то в тумане раздался радостный лай Цербера, и к берегу причалила лодка лесника. Вместе с Иваном из неё выбрались два чудика, одетые в обгоревшие оранжевые скафандры. Заросшие библейскими бородами мужички с диким видом озирались по сторонам и всюю матерились. С опухшими, словно после хорошей попойки, рожамы они были схожи меж собой, как пара валенок. И звали их тоже одинаково – Протонами, правда, под разными номерами. Хозяин объяснил, что встретил этих бедолаг в лесу, почти на самой границе (здесь, оказывается, где-то неподалеку граница проходит). Связавшись веревкой, они ожесточенно продирались сквозь бурелом. На вопрос «Кто такие?» дружно отвечали, что космонавты, что потерпели аварию и теперь пробираются в Кремль с донесением.

– По-моему, они... – Иван украдкой постучал себя по лбу. – Но, в общем, ребята неплохие, вот я и прихватил их с собой, пускай подхарчатся.

Пока наши гости, обжигаясь, ели гречневую кашу, выгребая её из котелка прямо грязными пальцами, я пристроился в сторонке и принялся поспешно изводить очередную тетрадь, записывая увиденное. Всё же хоть какие-то впечатления...

Ну, объясните мне на милость, это что – лесная глушь или какой-то проходной двор? Ванька – добрая душа, привечает всех, кого ни попада. Мы с Доком ещё ладно: он тут по учёной части, а я так вообще ничего не помню и поэтому не в счёт. Но уже после нас здесь появились эти покорители космоса. Затем прибудился какой-то совершенно голый, волосатый тип, назвавшийся... секунду, вот: «недостающим звеном в цепи человеческой эволюции». Потом лесника почтила своим присутствием беременная цыганка с двумя пацанятами. Вслед за ней последовательно пожаловали: целая орава увешанных стеклянными бусами папуасов, бригада телевизионщиков, правозащитники из Австралии, вооружённые томагавками краснокожие братья, группа альпинистов со всем снаряжением, команда подводной лодки, какие-то наркоманы и многие-многие другие самые разнообразные личности. Всех сразу и не упомнишь. Словом народ так и валит сюда, словно мошकारа на свет лампы.

А сегодня утром к Ваньке вдруг нагрянула какая-то важная комиссия из Департамента Речного Хозяйства. Её члены добрались к нам на плоту и были сплошь в белых одеждах (форма у них там, понимаешь, такая). Сначала они вместе с Иваном сверяли какие-то длинные списки, спорили и, кажется, даже ругались, затем придирчиво осматривали паром и обследовали саму переправу, а уж под вечер, умаявшись от дел праведных, гурьбой завалили в баньку, где за компанию с хозяином и надрались до полной невменяемости. Кстати, меня товарищи из центра всю дорогу почему-то принимали за местного дурочка, делали «козу» и угощали конфетами.

* * *

Нежно держа за руку стройную, светлоглазую девушку, я иду по песчаному берегу вдоль кромки прибоя. Невдалеке скалами возвышаются железобетонные надолбы. Волны бьются в их серую твердь и взмывают вверх ослепительно белой пеной, а там, словно лоскуты этих морских кружев, с весёлыми воплями кувыркаются белоснежные чайки. Меня тоже тянет ввысь – туда, где тает след пролетевшего самолёта. Узкая лента пляжа – словно взлётная полоса аэродрома. Разбегаюсь, отталкиваюсь и несусь над бескрайним простором моря в глубокую синеву небес.

– Останься со мною! – слышу за спиной отчаянный возглас, но, замороженный стремительным движением, не в силах даже оглянуться.

Далекий горизонт набухает, принимая форму круга. Мир полутеней заканчивается. Солнце перестает быть живым и ласковым, из космического пространства ощутимо веет холодом, идёт жёсткое излучение. А меня неудержимо влечет всё дальше и дальше, к какой-то Сверкающей Вершине и становится одновременно страшно и весело от этого путешествия, из которого ещё никто не возвращался...

Совсем немного не дотянув до цели своего головокружительного полета, я очнулся на чердаке почерневшей от времени Ванькиной избушки, стоящей посреди погружённого в кисельный туман леса.

Всё виденное во сне было настолько ярким и реалистичным, что я не сразу даже осознал, где нахожусь. А когда это до меня, наконец, дошло, долго смотрел в потолок, вспоминая незнакомую мне русоволосую женщину, маячившую где-то впереди Сверкающую Вершину и почему-то... наше весёленькое стойбище.

Мысленно перебрав всех всех Ванькиных гостей, чью национальную, профессиональную, а порой и половую принадлежность не всегда можно было определить, я задался вопросом: а что это, собственно, за такое особое место, куда непрерывным потоком стекается самая разнообразная публика? Им что тут, мёдом мажут?

Говоря откровенно, все эти «пришельцы» были какими-то странными – словно не от Мира сего. Сперва вроде как удивлялись: мол, куда это их занесло; затем пытались качать права – не имеете права, я буду жаловаться; потом канючили – ошибочка вышла, я тут ни при чём, но, в конце концов, все как один блекли и постепенно растворялись в тумане. Впрочем, и со мной здесь тоже творилось что-то неладное. С некоторых пор я чувствовал себя наподобие воздушного шарика – необычайно легко и, я бы даже сказал, прозрачно. И есть совсем не хотелось – хлебнёшь сырой мглы за окном и вроде как сыт. Что бы всё это значило?

Но додумать я не успел, потому что с улицы послышался прокуренный голос Ивана. Что-то происходило. Я сунулся в чердачное окно. В липком тумане, который вплотную подобрался к дому, виднелись смутные очертания людей. Было похоже, что там собрались все те, кого я только что припомнил.

Внизу на крылечке, блестя влажной лысиной, сидел Док. Рядом стоял, слегка покачиваясь после очередного возлияния, лесник и, не вынимая изо рта дымящейся сигаретки, что-то вещал, обращаясь к расплывчатым теням. Я расслышал лишь самый конец его «речи»:

– ...в любом случае не теряйте надежду. Бог милостив... И ещё: даже праведники дожидаются там семь дён. Поэтому сразу предупреждаю, – до срока никто

не расходится. А то в прошлый заезд, понимаешь, за пивом пошли... Ту-рррысты! (В ответ на его слова туман усиленно за клубился.) Ну, что, никто остаться не хочет? Обратно не повезу...

Словно почувствовав мой взгляд, Ванька поднял голову и спросил:

– А ты, неприкаянная душа, с нами на ту сторону не желаешь? (Док что-то негромко сказал хозяину, тот усмехнулся.) Ладно, в другой раз, видать ещё не дозрел... Теперь, господа, в путь! И да воздастся каждому по вере его!

Заколыхавшись, призрачные силуэты потекли мимо крыльца в сторону едва приметной за густым туманом реки. По дороге они все что-то с поклоном опускали в подставленную Иваном шапку. Дождавшись конца этого «парада», Док вернулся в дом, а лесник, приняв подношение, поспешил вслед за ушедшими, которые уже заполнили весь паром.

Когда тот медленно, словно океанский лайнер, отвалил от пристани и вместе со всем своим призрачным экипажем скрылся из виду за густым туманом, я в задумчивости спустился с чердака. Весь этот таинственный «исход» казался мне каким-то нереальным и даже, если хотите, противоестественным. Размышляя над этим, я вышел на крыльцо, где, к своему удивлению, обнаружил под ногами пару медных пятак. «Должно быть, Ванька обронил, раззява», – решил я и зачем-то их подобрал. Повертел в полупрозрачных пальцах, разглядывая стёртый герб неведомой мне державы и ничего не говорящие буквы С. С. С. Р., и уже хотел за ненадобностью выбросить, как вдруг... Это выглядело так, словно кто-то невидимый, но близкий и добрый провёл тёплой, шершавой ладонью по моему лицу. И в то же мгновение у меня словно пелена упала с глаз, в голове прояснилось, перед мысленным взором, как в кинохронике, пронеслись события всей моей жизни, и я с ужасом осознал, кто я такой, припомнил, что со мной приключилось, и сообразил, где теперь нахожусь. И это последнее, честно говоря, мне не понравилось.

Все ещё под впечатлением от своего открытия, я поклонился по поляне перед домом и спустился к реке. За клочьями тумана не наблюдалось никакого движения – ни тебе ставших уже привычными смутных фигур, ни шелеста голосов, ни вздохов. От нечего делать я стал «печь блины». Отскакивая по нескольку раз от воды, плоские голыши летели в сторону противоположного берега и один за другим бесследно исчезали из виду.

А ведь получается так, подумал я, что вот эта самая речка и есть легендарный... э-э-э... как его бишь? Ах, да! А добрый наш хозяин, стало быть, и не лесник вовсе, а сам... Н-да, неплохо устроился старый алкоголик. Вот теперь понятно, что за народ собирается здесь на переправе, а главное – куда затем направляется. Наверно, и мне было нужно двинуть вместе со всеми на тот берег. Что тут одному делать?.. И Док хорош! Мог ведь предупредить. По хитрой роже видно, что в курсе происходящего. Стоп, а он тогда кто? Сейчас прикинем – зубы в три ряда, уши, как лопухи, и... и парилку не жалует. Неужели?.. Точно! И как я сразу не догадался?

Чтобы прийти в себя после очередного потрясения, я зачерпнул прозрачной, холодной воды из реки и ополоснул лицо. Итак: «Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в...» А позади, за Сумрачным лесом, остались верные товарищи, дорогой моему сердцу город и... шемящее сердце воспоминание о ясноглазой девушке. Впереди же... Я задумался: а что, собственно, ждёт меня за

речкой? Наверно, расплата за мои былые художества, за всех обиженных когда-то женщин (я пригорюнился, припомнив их всех поимённо). Эх, если бы начать все сызнова, скольких ошибок можно было бы избежать! Вернуться бы назад, туда, где много солнца, моря и ветра, и где моя ЕДИНСТВЕННАЯ – такая родная и близкая, – уходит от меня по косе вдоль линии прибоя. Впрочем, о чем это я? Теперь все кончено. Чему быть – того не миновать. И долго ждать, по-видимому, не придётся. Совсем скоро всё повторится, и здесь, на переправе, вновь зазвучит разноязыкая речь, переходящая в еле уловимый шёпот, и в очередной раз будет сбиваться партия для переброски на ту сторону.

Я посмотрел на свои руки – через них уже легко можно было различить пустынный берег реки – и ужаснулся. Ещё немного, и от моей привычной внешности вообще ничего не останется.

В это время дверь Ванькиной избушки отворилась, и оттуда вышел этот... который... «тьфу-тьфу-тьфу». Я уж собрался его окликнуть и высказать в глаза всё, что о нём думаю, как вдруг рядом материализовался какой-то малый в съехавшей на затылок почтарской фуражке. Пробормотав что-то насчёт путающихся под ногами недоделанных привидений, он направился напрямик к рогатому... в смысле, к лысому. Передав заляпанный сургучом пакет, посланник бесследно сгинул, а этот... «печальный дух изгнания», внимательно ознакомился с содержанием письма, задумчиво подергал себя за ухо и пристально посмотрел в мою сторону. И здесь я со всей определённойостью понял, что гонец являлся неспроста, скорей всего, по мою Душу, и что теперь-то уж моя песенка точно спета. Но вот к этому я как раз готов ещё и не был. Начала бить крупная дрожь, зайцами запрыгали мысли: «Что делать? Что делать?» Когда Док (или как его там) поманил меня пальцем, выкрикнул: «Врешь, не возьмешь!» – и, словно с обрыва в холодную воду, сиганул в наползающий туман.

Я мчался вдоль берега вниз по течению Стикса. По мере моего продвижения туман всё больше редел, а вскоре и вовсе рассеялся. Впервые здесь показалось солнце. Сначала оно маячило бледным пятном на затянутом низкими облаками небе, а затем, когда те расползлись, засияло во всю силу. Чем дальше я уходил от переправы, тем выше громоздились сопки на противоположном берегу, гранитными стенами обрывающиеся прямо в быструю воду.

Вскоре почти отвесная скала, далеко выдающаяся в реку, преградила мне путь. В этом месте Стикс ожесточённо бурлил, прорываясь через каменное горло. Отступать я не собирался и, сжав зубы, полез вверх по круче. Добрался почти до середины стены, но переоценил свои возможности и застрял на крохотном выступе. Вдавливаясь в холодный гранит всей своей полупрозрачной сущностью, я старался не смотреть вниз, туда, где из пены торчали острые каменные «зубы».

– Господи, помоги!!! – возопил истошно, теряя присутствие духа.

– Чего орешь? – раздалось поблизости. – ОН и так тебя слышит.

На нижней площадке, с сачком в одной руке и дымящейся сигарой в другой, удобно устроился Док. При виде его белозубой акульской улыбки меня обуял ужас. Лягнув фальшивого энтомолога, я непостижимым образом перемахнул на соседний карниз и, двигаясь по нему на четвереньках, умудрился преодолеть гребень скалы. Дальше было проще, и уже вскоре, спустившись к её подножью с другой стороны, я во всю прыть мчался по усеянному булыжниками берегу.

Неожиданно у меня на дороге оказался неширокий, но достаточно быстрый приток Стикса (по-моему, древние именовали его Коцит). Не задерживаясь, я вмиг перебрался через него по лежащему поперёк течения бревну, и уж было собрался припустить дальше, как вдруг заметил неугомонного преследователя, который, прихрамывая, но всё же довольно резво шкандылял следом. Почему-то не воспользовавшись моим «мостом», нечистый попытался переправиться через стремительный поток, прыгая по-козлиному с камня на камень, но, добравшись почти до середины русла, вдруг оступился и, неуклюже взмахнув руками, с головой ушёл под воду. Не без злорадства понаблюдав за тем, как враг рода человеческого барахтается, захлёбываясь, я пришёл к неожиданной мысли, что нельзя дать погибнуть тому, кто является прямым доказательством ЕГО существования. И, отбросив в сторону предрассудки, поспешил на выручку.

Ухватившись за протянутую палку, «утопленник», кашляя и отплёвываясь, выбрался на сушу, я же, помогая ему, вымок до нитки. Когда после «водных процедур» мы оба сушились у костра, огонь для которого мой незадачливый противник, ничуть не смущаясь, извлёк из своего пальца, я поинтересовался о своей дальнейшей участи.

– Ну, а ты сам, что думаешь? – ухмыльнулся он.

– Может, у меня белая горячка, и всё это только мерещится? – с надеждой спросил я.

– Сейчас посмотрим, – Док пощупал мне лоб, заглянул в глаза, помял трицепсы и констатировал: – Собственная температура тела отсутствует, белки тусклые, зрачков не видно, наблюдается общее окоченение мышц... Успокойся, на сумасшедшего ты не тянешь.

– Это радует... Значит, обратно в Сумрачный лес?

– Тебе решать.

– А что, есть выбор?

Хромой чёрт, прищурившись, посмотрел на небо (там собирались тучи) и заявил:

– Он всегда есть, но об этом поговорим позже.

Мы отгребли в сторону пылающие угли, на их место навалили свежих сосновых веток и соорудили над ними шалаш. И вовремя – по нашим спинам ударили первые капли дождя. Мерцающие при частых вспышках молний серебристые нити тянулись с неба на землю. Под непрекращающийся рокот грома они неумолимо двигались в нашу сторону, и мне на миг показалось, что я вижу дергающего за них КУКЛОВОДА.

* * *

Мы с Доком устроились под высоченными соснами на берегу Ахерусийского (как обозвал лысый краевед это чудо потустороннего Мира) озера.

Иполинский водоём был обрамлён, словно зеркало драгоценной рамой, цепью величественных гор. Впереди, стирая линию горизонта, синева неба сливалась с синевой воды в сплошную ультрамариновую полосу. Лёгкие волны у наших ног с тихим шелестом накатывали на прибрежную гальку. Вода была настолько прозрачной, что только излом света указывал на границу природных стихий. С наступлением вечера – нормального вечера, а не серых сумерек Стигийских (опять же, со слов Дока) болот, по глади озера поплыла лёгкая дымка, а его поверхность заиграла жемчужно-пастельными тонами, отражая небесные переливы...

Мы оказались в этом фантастическом месте по настоянию моего спутника, ещё немного пройдя вниз по течению Стикса, и теперь откровенно наслаждались открывающимся перед нами видом.

– По правде говоря, тот Свет я представлял немного по-другому, – сообщил я Доку.

– И был, конечно, прав, – подтвердил мой спутник. – Просто сейчас твой разум по привычке цепляется за известные ему образы и знакомые понятия. Но ничего, когда ты перейдёшь речку, то узришь всё в истинном свете.

– А что там?

– Царство Высшего Духа и Чистой Энергии.

– Рай, что ли?

– Рай это направо по тропинке, но он не для тебя. Там только души младенцев и круглых идиотов.

– Кажется, ты говорил что-то о выборе? – напомнил я.

– Он невелик. Остаться здесь, на этом берегу, в качестве неприкаянной Души или, приняв неизбежное, перебраться на ту сторону и двинуть от причала налево. Там так совсем неплохо тем, кто «за веру, царя и отечество» или из-за какой техногенной катастрофы сюда попал. Сейчас вот много вашего брата-чернобыльца. Ручаюсь, скучно не будет. А мо...

– Остаюсь, – быстро заявил я, решив, что здешние пейзажи мне подходят больше, чем абстрактные картины заречья и общество призраков угрюмых партизан-дезактиваторов.

– А можешь вернуться назад, в свой Мир, если хочешь, конечно, – всё-таки закончил начатую фразу Док.

– Чего, чего? – не поверил я своим ушам.

– Домой, понимаешь?! На хауз! Цурюк!

– Реинкарнация, что ли? – предположил я.

– Это из другой оперы. А у нас такая история. Раз в тысячу лет ОН проводит специальную лотерею. В ней участвуют все отлетевшие души с самого сотворения Мира. Выигрыш – вторая попытка прожить свою собственную жизнь. Короче, могу обрадовать: в последнем розыгрыше твоя бессмертная Душа взяла Большой приз. Я как раз при тебе депешу получил.

– И сколько душ принимало участие в последнем розыгрыше?

– 107 миллиардов 578 миллионов 354 тысячи 175, – не моргнув, отрапортовал Док.

– Ничего себе! А как это происходит?

– Обычный лохотрон. В качестве шаров – свидетельства о смерти. САМ лично прокручивает барабан, засовывает в него свою божественную ручку и вуаля – у тебя купейный билет домой.

– А смысл?

– Проявление милосердия. Каждый должен иметь шанс исправить совершенные ошибки и попасть в Царство Божее.

– Один шанс из 107 миллиардов раз в тысячу лет?

– А зачем тебе больше? Ты ведь выиграл.

– И что, многим удалось переписать жизнь так, чтобы не было мучительно больно...

– ...за бесцельно прожитые годы? Да почти никому. Каждый раз наступают на те же грабли. Я же говорю: ло-хо-трон. Но... традиция есть традиция. Ладно, кончай базар! Ты воспользоваться фаргом собираешься?

– Да!

– Тогда решай. Обычно счастливых возвращают в момент зачатия либо в день рождения. Тебя куда?

Я для приличия немного подумал:

– У мамы были тяжелые роды, к тому же, я не люблю мокрых пеленок. А-а-а, можно мне...

– Стой, не говори, и так знаю. Ты хочешь в свой сон, в свой удивительный сон – туда, где горячий песок скрипит под ногами, солнечные блики играют на воде и твоя любимая собирает ракушки в морском прибое? (Я согласно кивнул.) Сожалею, старик, но ничего не получится. К этому моменту ты уже столько накуралесишь, что смысл в твоём возвращении вообще теряется.

В это время где-то совсем рядом раздался пронзительный звонок. Нервно вздрогнув, Док торопливо выловил из воздуха мобильный телефон и поднёс к уху. Молча выслушав абонента, он отдал честь, приложив ладонь к непокрытой голове, и передал мне «трубу».

– САМ лично хочет сказать тебе несколько слов на дорожку. Ты, главное, поблагодарить не забудь.

– Спасибо!

– Да не меня, дурик, ЕГО.

Вспотевшей рукой я взял мобильник.

– Ни пуха, ни пера! – долетел до меня искажённый шумом помех далёкий голос.

Я замешкался, соображая, удобно ли посылать Мировой Дух «к чёрту», но связь с НИМ уже прервалась.

– И чем только ты ЕМУ приглянулся, не пойму? Не иначе как цеховая порука. Вот ведь графоманы на мою голову собрались! Понавыдумывают всякого бреда, а мне потом расхлебывать, – пробормотал Док. – Ладно, во исполнение Высочайшего Указа перекину тебя сразу в твоё светлое прошлое... в смысле будущее... теперь уже настоящее. Словом, будет тебе море, будет и... и всё остальное. Закрой глаза. (Я повиновался.) Свет в конце туннеля видишь? Н-е-е-ет? Опять лампочка перегорела!.. Да шучу я (ха-ха!), шучу. Ну что, готов? Тогда, ПОЕХАЛИ!!!

* * *

ОН заварил себе крепкий, словно сон праведника, чай, подтянул нейтринные гири на старых ходиках с кукушкой и, полюбовавшись в окно на растялающийся на все четыре стороны пейзаж Вселенной (ЕГО Вселенной), вернулся к рабочему столу, где под окуляром микроскопа на плоском стёклышке в капле бытия, затерянные в пространстве и времени вдоль линии морского прибоя, шли двое и о чём-то оживленно болтали. Хотя и подмывало, но ОН решил не подслушивать, поскольку и так знал о чём идет речь...

СЕРГЕЙ СУЛИН родился 11.12.1959 года в Кишинёве. Окончил архитектурный факультет Политехнического института. Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Публиковался в журнале СП Молдовы «Кодры», альманахе «Братина» (Москва); в газетах «Днестр» (Кишинёв), «Кстати» (Сан-Франциско), в совместном проекте «Литературной газеты» «Евразийская муза» (Москва, 2009), «Литературной газете» (Москва, 2012). Член Союза художников РМ. В 2004 году организовал и возглавил Товарищество русских художников Молдовы «М-АРТ».

ПЕРЕВОДЫ

МИХАЙ ЭМИНЕСКУ

ТЕБЯ ВСЁ НЕТ (DE CE NU-MI VIU?)

Уж ласточки на юг летят,
 Орешник сбросил свой наряд,
 И лета уж простыл и след...
 Тебя всё нет, тебя всё нет.
 Да озарит тебя любовь!
 Приди в мои объятия вновь!
 Увидеть снова буду рад
 Твой милый взгляд, твой милый взгляд.
 Ты помнишь юности года,
 Когда любовь была чиста,
 Когда встречались нежно мы
 Лишь две весны, лишь две весны?
 Да, могут женщины любить,
 Заворожить и покорить,
 Но мне в любые времена
 Мила лишь ты, лишь ты одна!
 Взойди и светом озари
 Мечтанья страстные мои,
 Чтоб меркла пред тобой звезда...
 Ты – жизнь моя, любовь моя!
 Уж осень поздняя стоит,
 А время всё бежит, летит...
 Любовь оставит в сердце след...
 Тебя всё нет, тебя всё нет...

PE LÂNGĂ PLOPII FĂRĂ SOȚ

У тополей печальных я
Блуждал до темноты...
Меня узнали все друзья,
Но не узнала ты.
У твоего окна бродил,
Совсем тебе чужой.
Я понят целым миром был, –
Не понят лишь тобой.
Как жаждал я, как я желал,
Что ты ответишь мне...
Я с упоением мечтал
О том счастливом дне.
Я верил, что наступит миг,
И я – с тобой вдвоём...
И в целом свете мы одни
Блаженство обретём.
И стоило тебе взглянуть
Из-под густых ресниц,
Мгновеньям освещала путь
Звезда сильнее зарниц...
Жила бы годы и века,
Не исчезая, ты...
Твоя прелестная рука,
Небесные черты...
Прекрасный, милый образ твой
Ни с чем я не сравню,
Всё, что даровано судьбой,
Я в памяти храню.
Любил языческой душой,
В наследство данной мне.
Страдал, измучившись тоской,
Горел в святом огне.
Теперь на всех похожа ты
Недвижностью лица.
На прежде милые черты
Я взглядом мертвеца
Смотрю так холодно... Прости!
И счастливо живи!
И тёмной ночью засвети
Лампаду для любви.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ЛУЧАФЭРУЛ»

– Сними ты с плеч моих, творец,
 Столетий чёрных бремя,
 И да прославят твой венец
 В веках и поколеньях!
 Проси, что хочешь, но, Господь,
 Дай мне судьбу иную:
 Хочу иметь я кровь и плоть,
 Вкусить любовь земную.
 Зачем бессмертье без неё?
 На что небес безбрежность?
 За миг любви отдам я всё.
 За ласки и за нежность
 Я, не колеблясь, в пустоту
 Шагну, – я там родился.
 Свой род из Хаоса веду,
 Туда бы возвратился.
 – Гиперион, ты ведь из бездн
 Поднялся с миром странным.
 Нет, я не дам тебе чудес
 Слепых и безымянных.
 Простым ты смертным хочешь стать,
 Похожим на любого?
 Но их приходится сменять –
 Нет бытия иного.
 Они ветрами лишь живут
 И ложными мечтами...
 Так волны из-за волн встают
 В пустынном океане.
 И коль нагрянет вдруг беда,
 Они зывают к звёздам;
 Для нас не рано никогда

И вряд ли будет поздно.
 Их суета – всего лишь круг,
 Недолго им живётся...
 Погаснет солнце в небе вдруг –
 Горит иное солнце.
 И, кажется, – не будет тьмы,
 Но это всё сомненья,
 Рождаемся для смерти мы
 И гибнем для рожденья.
 А ты останешься собой
 И вечером, и утром...
 Свои стремленья мне открой –
 Не хочешь ли быть мудрым?
 Подай мне знак – и дам я глас
 И пламенный, и нежный,
 Чтоб вся земная тварь рвалась
 К морской дали безбрежной.
 Ты хочешь, может, доказать
 Везде своё главенство?
 Готов тебе весь мир я дать, –
 Ты сделай королевство.
 Могу я дать тебе войска
 И корабли, поверь мне,
 Пройдешь сквозь земли и века...
 Но не проси лишь смерти...
 И стоит ли она её –
 Твоей безумной страсти?
 Поди, взгляни на мир ещё –
 Смотри, где ваше счастье.

Переводы *Дианы ЖАЛБЭ*

МИХАЙ ЭМИНЕСКУ (рум. *Mihai Eminescu*, настоящая фамилия Эминович (Eminovici) (15.01.1850, Ботошани - 15.06.1889, Бухарест) – великий поэт-романтик, классик румынской и молдавской литературы, основоположник современного румынского литературного процесса, яркий публицист и полемист.

ДИАНА ЖАЛБЭ – учится в 12-м классе лицея им. П. Мовилэ. Неоднократно со своими стихотворениями принимала участие в школьных и городских олимпиадах и конференциях. После победы (3-е место) в конкурсе «Молдова – страна русского мира» стала членом молодёжной секции АРП РМ. Переводами занимается несколько лет. Кроме переводов с молдавского (румынского) на русский, в данный момент работает над переводом комедии «Горе от ума» на молдавский язык.

ИЗ УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ

Переводы Нины АВИДОН

НАТАЛЯ ГОДУН

ЗГАДАЙ МЕНЕ...

www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=285431

згадай мене, якою я була!
 веселою кометою ясною,
 як орбітально віршами жила
 і галактично марила тобою...
 не згадуй ні сумління, ні протест
 в душі твоїй, обтяженій мосю...
 ти залишивсь... а я твоїх небес
 жіночою надсилою всією
 тяжіння знищила, і догори
 над висохлого моря узбережжям,
 над привидом занедбаной гри
 злетіла гордим полум'ям пожежі...

згадай мене, якою я була!
 якою вже не буду безпорадно...
 комети шлях – розвіяна зола...
 мене нема! – хоч згадуй, хоч не згадуй!

ПРИПОМНИ МЕНЯ

Припомни лиш, какою я була!
 Кометою искрометною пылала,
 Стихами по орбитам я плыла,
 Твой образ в снах межзвёздных создавала...
 Не поминай сомненья и протест
 В душе своей, моей отягощенной...
 Остался ты... а я твоих небес
 Сверхсилой, женской сущностью прожжённой,
 Испепелила бремя, ввысь стремясь,
 Над кручею у высохшего моря,
 Над призраком утраты пронесясь
 Пожара языками, с небом споря...

Припомни лиш, какой пришла сюда!
 Уже не быть мне беззащитной в сонме...
 Кометы путь – и пепла нет следа...
 Исчезла я! – хоть помни, хоть не помни!

OUTBREAK

<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=291625>

ЧУЖІ КВІТИ

Чужих квіток зів'ялі спрагли очі
 Дрижать самотньо в темному вікні.
 Вони вмирають довго й неохоче,
 Поволі розчиняючись в імлі.
 Вони відходять – гучно і беззвучно.
 Вони відходять – в інше небуття.
 Вони чекають – вірно й нерозлучно.
 Вони живуть – але і не життям.
 Так мокро пахне дощ, торка руками
 Сріблясті струни в неба сивині –
 І мертві квіти світлими дірками
 Сміються у розбитому вікні.
 Їх поховують. Музики не буде –
 Так скромно, тихо і без балачок.
 На їхній цвинтар ще приходять люди –
 Через дорогу п'яний смітничок.
 Так серце від нещасного кохання
 Всихає, бо не дасть ніхто води.
 Воно вмирає – й бачить світ востаннє
 Через проекцію розбитої душі.
 Господар – що ж? Нове собі шукає,
 Ремонт душі – і можна далі йти.
 А серце те із часом засихає,
 Щоб більше вже ніколи не цвісти...

ЧУЖИЕ ЦВЕТЫ

Цветы чужие, сникшие от жажды,
 Сиротски стынут в темноте окна,
 Жизнь исчезает в полумраке влажном,
 Ещё вчера надеждами полна.

Они уходят – гулко ли, беззвучно,
 Они уходят, где не побывать,
 Где будут ждать нас – верно, неразлучно.
 Их жизнь уже и жизнью не назвать.

Так мокро пахнет дождь, рукой касаясь
 Струны серебристой в седине небес,
 Роняя цвет и скорбно улыбаясь,
 В окне разбитом дар любви исчез.

Схоронят скоро. Музыки не будет –
 Всё скромно, тихо, без душевных травм,
 И посещают их кладбище люди,
 Снося в контейнер мусорный свой хлам.

Так сердце от не принятой любви
 Сжимается, как от желанья пить,
 И гибнет, изувеченным, бескровным, –
 С душой погасшей нет стремленья жить.

А что хозяин? Ищет новой страсти,
 Ремонт души – и вновь спешит вперёд.
 Иное чувство – вне сердечной власти,
 И вечная любовь не расцветёт...

ИННА СЕРЕГИНА

<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=315240>

ПЕРВІСТОК

Упало небо, тріснула земля
 Від слів, що пронизали раптом тишу –
 Народжене у муках немовля
 Здається мертвим. Так, воно не дише!
 Синочку мій, кровиночко, зажди!
 Не смій вмирати, чуєш? Не дозволю!
 Час в вічність обернувся від біди,
 Завмерло серце від гіркого болю.
 Туман і морок падає, дзвенить...
 Свята Діво, збережи синочка!
 Прорізає тишу в цю тривожну мить
 Дзвінкоголосий вереск первістОчка!

ПЕРВЕНЕЦ

Упало небо, накренилась ось,
 Расколот мир, не вынести потери –
 Дитя мое, что в муках родилось,
 Не жил, но мёртв! Не дышит! Я не верю!
 Сынок, моя кровинка, подожди!
 Не умирай, ты слышишь? Не позволю!
 И время – вечностью тягучей – от беды,
 И сердце сжалось от гнетущей боли!
 Туман и мрак объяли, страх велик...
 Свята Дева, сохрани сыночка!
 Но тишину прорезал в этот миг
 Крик первенца, прогнав тревогу ночи!

VITER07

<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=330122>**СПЮ**

Крилаті мрії
 втілою у життя,
 вперед іди –
 назустріч буревіям.
 Для Світу
 будь зерниною,
 дитям.
 Коли навколо
 свищать хуги злії –
 я – СПЮ.

СЕЮ

Осуществляй
 крылатые мечты,
 Шагай вперед,
 пускай гроза шалает.
 Будь семечком,
 Тори свои пути.
 Когда над миром
 вьюги сатанеют –
 я – СЕЮ.

ЮЛЯ ФІНКОВСЬКА<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=342026>**КАРДИОГРАМА**

Серцю, що звикло кричати –мовчати важко,
 Серцю, що звикло горіти –згасати дивно.
 Небо очей закорковане в буднів пляшку,
 Дихати тісно і голос тремтить надривно.

Вічність –це крок, щастя – це лиш миттєвість,
 Тіні, асфальти і зради не зупинити...
 Треба триматись, хапаючись за чуттєвість,
 Серце, яке вміє вірити легко вбити.

Очі заплющити... Бачити інтуїтивно.
 І не дозволити подих замкнути в пляшку.
 Просто іскристому серцю згасати дивно,
 Серцю, що звикло кричати –мовчати важко!

КАРДИОГРАММА

Сердцу-глашатаю, что клокотало пылко,
 Вдруг затаиться, стихнуть, умолкнуть – противно.
 Глаз синева засургучена тьмой бутылки,
 Дышится трудно, и голос дрожит надривно.

Вечность – лишь шаг, счастье – всего мгновенье,
 Чёрные тени предательств и лжи не унять,
 Выстоять, цепко сжав повод откровенья,
 Сердце, что верит в любовь, так легко растоптать.

Крепко зажмуриться, двигаться лишь на ощупь.
 Не допустить, чтобы дух погребли в бутылке.
 Жить и искриться лучистому сердцу проще,
 Нежели сдаться. Пускай зажигает пылко!

ВЕРЕСЮК

<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=343244>

КОХАННЯ – ЛИШЕ МИТЬ

Кошлаті зорі реп'яхами
 В безодні неба зачепились.
 Понад деревами, дахами,
 Зависли, наче здивились.

Щербатий місяць поміж них,
 Здається безпричинно зблід.
 Земля заснула, вітер стих,
 На матовий прилігши лід.

Заснув, примерз і тишина,
 Усе довкола оповила.
 Верба дістать хотіла дна,
 І гілля в воду опустила.

Замріялась, тепер терпить,
 Закута льодом наче бранка.
 Навіщо було так любити,
 Купатись в озері щоранку.

Навіщо було так любити,
 І здивлятися на вроду.
 Адже кохання — лише мить,
 Як кара, чи винагорода.

ЛЮБОВЬ – МГНОВЕНЬЕ

Лохмотья звёзд лучей репьями
 В небесной пропасти осели.
 Над кронами садов, домами
 Повисли, словно засмотрелись.

Ущербный месяц выход ищет,
 Померк, предчувствуя беду.
 Земля уснула, стих ветрище,
 Прижавшись к матовому льду,

Морозом скован. Тишина,
 Собою все заполонила.
 Достичь хотела верба дна
 И ветви в воду погрузила.

В мечтах. Теперь пришлось страдать,
 Терпеть невольничьи оковы.
 Любовь не стоит призывать
 С безумством страсти жертвы новой.

Давно известно меж людьми,
 Что верит красоте не надо.
 Любовь – мгновенье, краткий миг,
 Настигнет карой иль наградой.

НІНА АВДОН

<http://www.poetryclub.com.ua/getpoem.php?id=201433>

СТАРИЙ ОСЛІНЧИК

Хто поставив його
 і коли – невідомо –
 Той ослінчик старий,
 недоладний, горбатий
 По-за хвірткою самого рідного дому,
 Під різбляними вікнами нашої хати?

Весь повитий плющем,
 вкритий листям черешні,
 Привітає щовечора всіх мимохідь:
 – Молодий чи старий,
 іздаля чи тутешній,
 Відпочинь від турбот,
 з нами трохи посидь...
 Сповідалися тут сиві вуса і скроні,
 Жваві ноги в синцях
 (встигнуть скрізь на льоту!),
 І наморені зашкарубілі долоні,
 Наречених замріяні коси в цвіту.
 Спочивала поштарка,
 краянам знайома,
 Що по службі носила і в дощ, і в жару
 В чорній латаній сумці
 від дому до дому
 Всі новини – про щастя,
 а де й про журбу.
 Тут сусіда привозив в колисці онука,
 Вихвалявся:
 – Малого назвали Тарас!

Тут сосед похвалялся в коляске внучонком:
 – Вот с Тарасом и мы в гости прибыли к вам!
 Приставали соседки к студенткам-девчонкам:
 – Как науки гранит? Всем ли он по зубам?

Тут цікавилась вулиця:
 – Як там науки? –
 У студентів,
 що з`їхались влітку до нас.
 Повз ослінчик летіло за щастям весілля,
 І проносили тих,
 що до Бога пішли,
 На Великдень мінялися діти –
 дозвілля! –
 Хто – яєчком,
 хто – хлібом, що мати спекли...

Хто поставив кривий,
 з ясеневого зрубу,
 Той ослінчик простий
 проти батьківських стін?
 Від усіх земляків,
 наче вірному другу,
 Небайдужому майстру
 вчиняю уклін.

СТАРАЯ ЛАВОЧКА*(Автоперевод)*

Кто поставил её и когда – неизвестно, –
Эту старую лавку, с горбинкой знакомой,
За калиткой двора, где прошло моё детство,
Под резными окошками отчего дома?

Вся повита плющом, и в черешневый вечер,
Когда лавочку лижут окошек огни, –
Стар ли, молод, ты свой или вдруг издалече, –
Позабудь о заботах, присядь, отдохни...

Седоусую правду та лавочка помнит,
Ноги в ссадинах резвых мальчишеских лет,
Утомлённые грубой работой ладони,
И в невестины косы вплетённый рассвет.

Почтальонша, всем местным знакома за годы,
Здесь за тяжкий свой день совершала, привал,
В чёрной латаной сумке в любую погоду
Вести людям носила – кто ждал, кто не ждал...

Мимо лавки катились счастливые свадьбы,
И за скорбной толпою задумчиво шли,
В Пасху с крашенкой дети: «Кого обыграть бы?»
И румяный куличик на лавку несли.

Кто поставил кривую, дождям на поругу,
Эту лавку из ясеня против окон?
От своих земляков, словно близкому другу,
Незнакомому мастеру кланяюсь в пол.

НИНА АВИДОН – в недавнем прошлом учитель русского и украинского языков одного из престижных кишиневских лицеев. Для поэзии характерны деликатное проникновение в своеобразный мир детства, тематика дружбы и общечеловеческих ценностей, философские размышления, любовь к родному краю, мягкий юмор. Печаталась в республиканской периодике, в коллективных сборниках, журналах и альманахах Украины и России. Подготовлены к печати детская книжка на украинском языке и сборник лирики. С удовольствием переводит сетевых поэтов, пишущих на украинском языке. Многократно участвовала в выставках как народный мастер Республики Молдова в прикладном творчестве. Член АРП РМ.

ПРОЗА

Поле притяжения

АНЖЕЛА ЕНАКЕ

ОТКРЫВАЯ ДВЕРЬ

*Любовь живет в каждом из нас как мечта;
как реальность нам трудно её принять.*

1

Когда внезапно начинается дождь, а ещё лучше – гроза, я одеваюсь в чёрное и красное. Белое считаю трауром.

С недавних пор происходят странные вещи. Ко мне какими-то обрывками стало возвращаться прошлое.

Я люблю холодные солнечные дни, когда тени синие, а свет белый. Забываю временами о боли, которая всегда рядом, как тень. Она размывается, иногда беззаботность осветляет лики, но я знаю: то, что не сбывается – не уходит.

2

Начали проявляться сны. В один из снов пришёл мой старый темнокожий друг. Но я слышал только голос или видел его со спины. Хотелось дотронуться, обнять, но что-то не позволяло.

3

Я встретил его в небольшом холодном здании. Мой друг сидел в фойе и смотрел в дверной проём. Его кресло было старым и удобным.

Хорошо, хоть ты пришёл, – сказал он. Я стоял рядом, а друг сидел. Грустил о чём-то. – Я жду женщину.

Я тебе помешал?

Нет, она чёрная.

Изысканный цвет.

Я знаю, она не придёт.

Наверное, она очень красивая, – предположил я.

Очень, – улыбнулся он. – А какой запах.

Лесного дыма? – уточнил я.

Он серьёзно покачал головой.

Дыма от не разожжённого костра.

Наконец-то она начала приобретать реальные черты. Мы вышли на улицу.

Собственно, тебе куда?

Не знаю, – ответил я. Он кивнул, и мы пошли дальше.

Я узнавал наклон его головы, взгляд, движения рук. Мне стало тепло. Не только от

воспоминаний, но и от того, что он был рядом. Ложь наших отношений состояла в том, что мы друг другу не вполне доверяли.

Вот если я сейчас куплю белое мороженое и буду его есть, это получится очень выпукло, – он смотрел на стаканчики с дешёвым мороженым под лоточным стеклом.

Я всё ждал. Встреча с ним дарила мне предчувствие опасности и освобождения.

Я сейчас думаю над эстетикой любви.

Над эстетикой любви? – Я знал: то, над чем он работал, всегда затрагивало его лично.

Мне стыдно, – мой друг остановился. В его глазах ожило мучение. – Белое небо, чёрная земля. Не могу сказать, что важней. Мне бы раствориться между ними...

Здесь недалеко живет одна женщина. Зайдем?

Она замужем?

Была.

Старый четырёхэтажный дом. Неспешность движений и какая-то странная лень. Однокомнатная квартира. Крашенные черные волосы. Длинные. Поцеловала его, прежде чем впустить в дом.

Сделать кофе? – спросила она.

Мой друг положил на стол пачку сигарет – длинных, тонких... Она закурила, поставила чайник на огонь. Мы сели за низкий стол. Везде было чисто. Слишком чисто?

Я осмотрел её фигуру. Литая. Это приятно.

Маленькие, с золотой глазурью чашечки отражались в безупречной полированной поверхности стола. Когда разливала кофе, немного пролила. Мой друг попросил не вытирать пятно. Она села, взяла ещё одну сигарету, закурила. Где-то заиграла музыка.

Дина, – попросил мой друг, – сними блузку. Она сняла и, зная, что удивительна, продолжала курить.

Вот смотри, – сказал он и дотронулся до края полусферы, показывая плавную линию полноты, – закрытая прохладная вселенная.

У меня есть новый каталог Берлинской выставки.

Я могу посмотреть? – спросил мой друг.

Да, но только здесь, – ответила девушка.

Кстати, познакомься: это хороший человек.

Стас, – ответил я её неторопливому взгляду.

Вам это имя не идёт.

Да, я и кое в чём другом бездарен, – мне казалось, что в этот момент я ни перед кем ни за что не отвечаю.

Закат, восход, закат, восход, – усмехнулся Борис. – Вот я вас и познакомил.

Дина надела блузку, продолжая разглядывать меня, и вдруг отвернулась.

Вы же знаете, что женщина хочет владеть мужчиной, а вы свободны. Мы этого не прощаем.

Может быть, и так, – покорно согласился я.

Вы милый, но у меня есть с кем спать, – извинилась она. – Борис, кроме каталога тебя что-то интересует сегодня?

Нет, – он улыбнулся.

Мы вышли из подъезда. На улице всё жило цветовыми пятнами. Борис не стал смотреть каталог, который так его интересовал.

Всегда говорю себе – не возвращайся к тому, что было, но получается наоборот, – сказал он и потянулся. Его чёрные руки обняли небо.

Сегодня приезжает моя жена.

Насколько я помню, – мы с Борисом шли по асфальтовой дороге, иссеченной корнями деревьев и дождем, – у тебя с женой осложнились отношения после аборта?

Нет, у неё был выкидыш. И виноват я.

Помню картину под таким названием – «Вина». Нежно-голубой фон с жидким серебром. Темно-рыжая собака, и рядом лежит молодой человек с седыми волосами, – сказал он.

Я улыбнулся:

Мою жену нужно писать на фоне помрачневшего от времени красного дерева.

А у меня семья так и не получилась. Вот моя судьба, – Борис достал из нагрудного кармана фотографии картин и перебрал с жестким треском, словно колоду карт. Я увидел в его глазах тёмную глубину. Вдруг он отвернулся и показал на белые колонны, мимо которых мы шли. – Вот этот собор... Тяжёлое здание. Попытка придать ему стройность и лёгкость при помощи купола делают из него чудака. Но, что удивительно, внутри есть воздух, есть ощущение цельности. Я иногда его боюсь, так холодно он молчит.

Здесь был выставочный зал, – вспомнил я.

Здесь всегда было много людей. Сейчас это территория церкви.

Борис начал подниматься по ступенькам. Хотелось чуть-чуть побыть в прохладе.

Он перекрестился, купил две свечи, одну дал мне. Спросил ларёчницу о здоровье Владимира. Женщина сказала, что обошлось, всего два перелома, оба закрытые. А почему Борис давно не заходил? Он ответил, что уезжал, надо было оценить несколько картин.

Мы пошли к центру, обозначенному полумесяцем. Белый мрамор. Стены на четверть облицованы черным гранитом с зелёными, как малахит, прожилками. Далеко вверх тянутся строительные леса... Мой друг поставил свечу Богородице. Серебряный оклад. Огромные детские глаза.

Мы стояли и смотрели на заполненные воздухом ниши. Потом я рассматривал деревянную резьбу, покрытую золотом.

Да, – сказал Борис. – Жизнь в нас пробивается именно такими плавными линиями и золотыми листьями, – он отразился в стене и слился с ней. Мне всегда это нравилось.

Говорят, храм возник здесь в одну ночь. До этого возникал видением, как воздушный замок. А потом взял да и стал каменным, – он смотрел на своё серебряное кольцо с бирюзой. – На самом деле здесь стояло древнее святилище. Их было несколько на этом холме. Прожилки ручьёв, лес.

Я пытаюсь писать музыку, – вдруг сказал я.

А здесь как раз это и нужно – делать. Музыка, картины. Но это нелегко даётся.

Борис кажется худым и невесомым. Я невысок, склонен к полноте. Наверное, мы забавно выглядим. Отойдя к стене, мы рассматривали основание купола, отороченное поясом колонн.

Мне иногда кажется, что наверху любят бывать некие существа. Кто с крыльями, кто без. Кто летает, кто боится упасть. Жаль, что мы с ними не соприкасаемся.

Свет в храме стал мягким, уходящим. Мы тоже ушли.

На небольшой площади перед собором Борис остановился, посмотрел на свою тень, поднял руку, наклонил голову. И начал медленно двигаться. Это было похоже на танец. Мой друг столько вкладывал в каждое движение, что мгновенно стал мокрым от пота.

4

Я стоял на перроне и ждал. Прибыл поезд, моя жена сошла по ступенькам, усталая и почему-то одинокая.

Здравствуй.

Здравствуй, – я поцеловал её, взял чемодан. – Ты голодна?

Нет, – ответила она. – Я хочу пить.

Мы сидели под большим зонтом в маленьком летнем кафе... Я вспоминал её дыхание и жалобы во сне.

Сегодня встретил Бориса, – жена посмотрела на меня. – Человека с не совсем белой кожей, – пояснил я.

А, Борис, изгнавший самого себя, – вспомнила она. – Какая женщина у него теперь?

Он один. Наверное, кто-то есть, но он один. Смешал женщин, живопись, архитектуру в какой-то пёстрый космос.

Хочу послушать, что ты написал. – Видимо, она хотела сделать мне приятное. Ты надолго приехала?

Она посмотрела на меня. Мне показалось, она меня пожалела.

Не знаю. Хочу вспомнить, как ты открываешь дверь, какой хлеб ты любишь. У тебя там был мужчина? – спросил я и тут же разозлился на себя.

Она пожала плечами: «Это не интересно». Мы заехали ко мне домой.

Давно я здесь не была, – она осматривала комнаты. – А у тебя была женщина?

Я кивнул. И вдруг почувствовал, что она стала куда-то исчезать. Стала усыхать, срываться, улетать куда-то.

Я остановился. Слишком всё было сразу. В моей комнате вдруг образовалась точка, которая всё затягивала в себя. Кто-то жаждущий превратил в ничто наш покой.

Движения моей жены были невероятно размеренными. Она рассматривала какие-то вещи, книги, ноты, старые открытки. Я внимательно слушал её дыхание и мысли.

5

Кто-то звонил, кто-то пытался пробиться в моё сознание. Но мы были рядом. Я целовал её. Каждый поцелуй приносил покой и уверенность, что так и должно быть. Она рядом. Это моё. Постоянно уходящее. Мучающее меня. Её красота. Её желания. Её стыд. Её простота. Всё волновало меня. Может быть, именно в эти минуты я понимал, что покой – это главное в любви.

6

Борис всё-таки дозвонился. Спросил, встретил ли я Светлану. Стал говорить, что неплохо было бы встретиться. Ему принесли картины. Хотелось бы нам их показать. Вечером прохладней, ночью даже холодно. Я ответил, что если мы сможем, то, наверное...

Мы лежали рядом, боясь расстаться.

Ты будешь жить у меня?– спросил я.

Сначала да, потом не знаю.

Я привык, что в моей жизни многое неизвестно. Пусть будет так. Разве можно что-то изменить?

Она оделась: брюки, длинная рубашка. Пусть будет так. Я запер дверь. Мы спустились по старой лестнице. К вечернему городу. В переход. Отражаясь в витринах. Сели в маршрутное такси. Поехали в затерянные кварталы. Дворы – дно. Дома, у которых стены наполовину в земле. Сильнее, чем где-либо, здесь можно было ощутить провинциальность. Борис жил в таком доме.

7

Дверь была открыта. Мы постучали. Никакого ответа. Вошли. Давно я не был у него. Настораживающая пустота. Чисто побеленные стены. Ковровые дорожки, старый диван, кресло, несколько стульев. Глубокие проемы окон. Борис принёс два ведра воды.

Отключили.

А цветы зачем?– спросила Света.

Чай делаю.

Бориса окружал сухой запах незнакомых трав. Вода, травы, картины. Я стал слышать музыку.

Чему ты улыбаешься? – спросила жена.

Тебе.

В окно заглянула темнокожая девушка. На руке – браслет из зеленых камней... Светлана наклонилась к окну. Девушка отошла.

Мы услышали, как дверь ударилась о стену. Громкий голос девушки был похож на блюзовую партию. Смех Бориса – на флейту и оперную арию одновременно. Хотя под напором гитары флейта пыталась стать родней, но до единения было далеко. (Это из-за меня?)

Хочу вас познакомить, – Борис вошёл следом за девушкой. – Моё непознанное чудо – Елизавета. Светлана, жена Стаса.

Светлана подала руку. Лицо Бориса стало очень серьёзным.

– День и ночь... Недавно был мне чудесный сон. Старые большие деревья. Раннее утро. И кто-то с белым прозрачным шлейфом исчезает среди деревьев. Ко

мне подходит рыжий конь с узорчатым седлом и сбруей, украшенной серебром. Я понимаю, что меня приглашают в легенду. Но я не умею обращаться с лошадьми. Я из других сказок.

А сегодня на нашей улице произойдет сказочное действо.

Что-нибудь надрывное?– спросил я.– Просьба о звёздном дожде?

Наверное, ты прав. Помнишь сказку о драконе и девушке? Так вот, сегодня свадьба бедной, очень красивой девушки и богатого, но уже в годах турка.

А–а–а... Ты хочешь, чтобы мы помогли запускать фейерверки?

Можете не помогать. Но этой ночью будет дождь только над нашей улицей.

– Тихий дождь

Погасил жажду любви.

Светлана положила голову на плечо Бориса. Мне показалось, что она кладёт голову на моё плечо:

– Ливень мчался с небес.

Я спала.

Вода обходила меня стороной.

Тепло.

Стас, ты музыкант?– спросил Борис.

Я исполнитель...

Когда ты любишь женщину, тоже исполнитель?

Я посмотрел на него. Он что, подражаться хочет?

Борис, тебе не стыдно? – с любопытством спросила моя жена.

Света, извини, я хочу задать вопрос. Сколько тебе осталось жить?

Не знаю.

У тебя есть то, что обязательно надо исполнить в этой жизни?

Да. – Она снова была одинока. – Сын, которого у меня нет, а может, и не будет.

Борис, зачем ты это делаешь? – как можно мягче спросил я.

Без особой цели, я тоже всегда себя об этом спрашиваю, – мой друг взял чашку чая. – Чепуха, не обращайтесь внимания, – извинился он и пролил чай на ковер. Я понял, что наша сегодняшняя встреча может закончиться чем угодно. – И всё-таки я приглашаю вас на свадьбу. Это свадьба аристократов.

Я попытался спастись: заявил, что не брился. Борис не обратил на мою попытку никакого внимания.

Идём, – Светлана дотронулась до моей руки. – Лиза, поможешь мне с волосами. И я тебе.

Хорошо, – согласилась девушка. – Во дворе есть сорняки, которые сейчас цветут.

Мы с Борисом пошли курить на улицу. Было все ещё светло и жарко.

Объясни, пожалуйста, что за аристократы?

Не знаю, что может связывать молоденькую приму балета и турецкого литератора – лауреата Нобелевской премии, но она решила выйти за него замуж после первого же разговора.

Звенели троллейбусы и крики детей, не боящихся солнца. Мне стало любопытно. В ком или в чём жертва? За что нас любят? Зачем наши мучения?

Я почему-то всегда обожал ходить на свадьбы, – начал Борис. – Архетип, сплетение любви и ненависти. Люди смеются и горюют почти одновременно. Неизбежное напоминание о смерти.

Ты часто произносишь это слово.

Когда чего-то боишься, можно об этом и поговорить. – Борис снял футболку. Вытер пот. – Жарко. Надену белую рубашку с цветочной вышивкой на уголке кармана. Цветы, Стас, повсюду цветы.

Зачем ты нас туда зовешь?

Не знаю, – Борис методично вытирал лицо: глаза, нос, губы, подбородок. – Хочу, чтобы ты писал музыку, чтобы тебя что-то тронуло. Ты ведь застыл, как воск.

Неправда. Воску не больно, когда друг говорит, что он воск.

– Музыка – это дело других сил. Не человеческих.

Человек тоже творение других рук.

Я ещё не разобрался в себе. Как я могу разобраться в музыке?

Борис смотрел на меня. От вечернего солнца его кожа была золотой. Женщины сооружали причёски неподалеку от нас. Кто-то из них тихо позвал: «Повернитесь», и мы повернулись. В волосах у Светы и Лизы солома переплеталась с живыми листьями. Ленты исчезали и появлялись. Но сами переплетения были ясными и простыми.

Идёмте, – почему-то строго сказал Борис. – Я думаю, гости уже начали собираться.

8

Мы шли по пыльной грунтовой дороге. Постепенно на этой дороге появлялось всё больше и больше людей. Кто-то пел долгую грустную песню.

Решайтесь! Придётся нам пробраться сквозь эту толпу. Надо поздравить новобрачных, – продолжал приказывать Борис. Он взял за руку Светлану, я – Лизу, мы пошли к людскому лабиринту. Светлана первая шагнула вперёд, и снова это чувство одиночества... Но теперь мы ощущали покой, начало пути.

Толпа расступилась, все смотрели на нас. Земля под ногами сделалась мягкой и шелковистой. Лиза наклонилась и потрогала её.

Она как ложе.

Это не страшно, – Борис, держа Светлану за руку, ушёл вперёд. На грунте остались следы. Я вёл за руку Лизу. Её ладонь была прохладной.

Что мы должны делать? – спросил я.

Дарить.

Дорогу перебежала коза. Я оглянулся. За нами шло зеркало.

У меня нет подарка, – тихо сказал я Лизе.

Предскажешь будущее.

Чьё?

Кто подарит тебе лилию, тому и предскажешь.

А твой подарок?

Загадка. – Лиза погрузилась. – Если не отгадают, – предупредила она, – свадьба затянется надолго.

На какое долго?

На какое захотят, на такое и долго. – Лиза не шла, а лилась.

Я музыкант... я должен подарить музыку...

Молодые стояли на острове цветов, ковров и подушек. Борис повернулся к нам. Он сиял.

Осторожно, не наступи, – Борис вытащил откуда-то снизу белую вязаную скатерть. Накрыл себя и Светлану.

Для нас я сама выберу, – крикнула Лиза. Я услышал скрипку. Это для меня мучительно. Показалось, что рядом проползла змея, почти коснувшись моих ног.

Светлана и Борис приоткрыли занавес и вошли.

Мы ждали своей очереди. Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся. Мне передали усеянный маленькими оранжевыми цветами стебель. В сердцевине цветов купались пчёлы. И тут же чередой рук передала мне ещё цветы. «Действительно, без цветов нехорошо», – подумал я.

Лиза взяла тот первый стебель с маленькими цветами. Пчёлы подбирались к вершине. Открылся занавес... Да, это было испытание. Нас встретило безмолвие. Кто-то победил его внезапно, с помощью медной трубы. Я подарил цветы старушке, возможно, охраняющей вход. Лизы уже не существовало, хотя она шла за мной...

9

Комната была светлая и почти пустая. Я увидел сидящую молоденькую женщину и стоящего рядом пятидесятилетнего мужчину. Они рассматривали нас. Перед ними было кресло. Я понял, что это для женщины. Я повернулся и взял Лизу за руку. Она села. Между ней и невестой на полу стояла ваза. Лиза опустила туда стебель.

Некоторое время они смотрели на нас, мы на них. Невеста подарила мне лилию. Всё-таки я страшно волновался. Нужно ли говорить то, что я сейчас скажу?

Ваш мальчик обретёт счастье, пройдя через большое несчастье, – сказал я.

Я почти чувствовала это, – ответила молодая женщина.

Вы музыкант? – спросил её муж.

Да. Но без музыки, – честно ответил я. Почему не соврал?

(Почему я, автор, всё время опекаю своих героев, не свожу с них глаз? Почему они не живут своей собственной, независимой от меня жизнью? И куда делись Борис и Светлана? Что, если они уже начали влюбляться друг в друга?)

Попытаюсь отвлечься. Воробей – свободная птица. Хочет купаться в луже? Купается. Хочет смотреть на тебя долго и удивленно? Смотрит. Накрошите хлеба, и тогда он запомнит вас).

Борис и Светлана стояли возле сарая. Борис набивал карманы пшеницей, зачерпывая из мешка. Светлана тоже взяла немного.

Избранничество не самая тяжелая стезя. Главное – не обманывать себя, и тогда всё уладится. Да, почему-то сегодня я думал об этом...

А какая самая тяжелая? – Светлана улыбнулась.

Быть обыкновенным человеком.

Борис опять начал танцевать, из его рук сыпалась пшеница. Подул ветер, закружилась вода, и что-то лопнуло неподалёку. Бело-розовый свет озарил всё вокруг.

10

Молодые шли под дождём по мокрому песку. Они сели в автобус. Машины наполнялись людьми. Светлана и Борис сидели где-то впереди. Мы с Лизой оказались за мужчиной в шляпе; на её широкой ленте был изображён бесконечный ручей, плыла египетская лодка, увитая лотосами, со спящей царицей и фараоном,

созерцающим покой раннего утра. Мужчина поправил шляпу, и мы увидели, что дальше ручей раздваивается: одно русло уходило к водопаду (он был обозначен белыми перьями), другое к бесконечной дороге, что в общем-то одно и то же.

Я бы хотела, – Лиза наклонилась ко мне, – чтобы один из рукавов ручья вёл к истоку, к замкнутости.

К наказанию? – предположил я.

Понимаете, – мужчина обернулся, – круг – одна из лучших дорог нашей жизни. Вы музыкант?..

Да, но музыку не пишу.

Разве?

Мы раздвигали шквалы воды. Автобусы рычали в тревожном ожидании ещё более сильного противника.

Смотрите! – крикнул кто-то.

В опустившихся к земле тяжелых облаках мы увидели светлый проём. Наша колонна въезжала в него. Все молчали.

11

Я люблю женщин, крепкое вино и очень холодную воду, – закричал невысокий сорокалетний мужчина.

А я, я, – стала оправдываться женщина рядом с ним, – люблю спать в жесткой, просторной постели, обнажённая. Мне кажется, что в этот момент на меня смотрят ангелы.

Ангелы? Сосед на тебя смотрит, сосед. У нас очень узкие переулки, – закричал мужчина.

Ну и что, я люблю, когда на меня смотрит мужчина. Мне становится тепло и страшно, – заговорила женщина вдохновенно.

В моё окно заглянул орех. Листья оставили запах. Гость с вышитой шляпой, который сидел перед нами, поднялся:

– Омытое ливнем лицо,

Горсть морских раковин –

Всё озарил солнечный луч.

Мне вдруг захотелось уснуть. Я успел заметить, что многие спят.

12

Когда открыл глаза, увидел небо. Оно полыхнуло, ослепив меня. Моя музыка хочет быть. Но ей не хватает цвета и запаха. Мне кажется, что всё это сон. Я заблудился? Вижу огромный шатёр. Я должен идти туда и занять своё место. Место. Что же сделает меня свободным? Почему я лежу на траве?

Ко мне бегут дети, катят лёгкую тележку.

– Зачем вы пришли? – кричу я, но убежать не удаётся.

Мы хотим показать вам то, что удивило нашего отца. А значит, удивит любого человека.

Я перестал сопротивляться. Они сняли с тележки покрывало. Из ивовых прутьев был сплетен купол. Я его поднял. На подстилке из травы лежала большая рыба.

И что тут удивительного? – спросил я.

Мальчик протянул руку; что-то щелкнуло на животе у рыбы, и живот раскрылся. Внутри она была из серебра. Я присел, чтобы заглянуть. Там было всё:

сердце, печень, желудок, пузырь с воздухом, жабры. Мальчик протянул мне серебряное сердце.

Оно живое, – почувствовал я.

Да, вы можете его раскрыть. Только очень осторожно... Положите между ладонями и чуть-чуть сожмите.

Сердце раскрылось, как маленькая шкатулка. Я увидел внутри вязкую жидкость, похожую на мёд, и понюхал её. Запах был чудесным.

Здесь больше ничего нет, – сказала девочка постарше. – Но вы можете ещё посмотреть печень.

Я закрыл сердце и осторожно положил на место. Печень была из красной начищенной меди, покрытой линиями белой и зелёной эмали. Я нажал и заглянул: внутри – белая эмаль, а по краям черный перламутр. Там сидело маленькое, с иголками и чешуёй существо. Оно зашипело на меня, а потом очень отчетливо воспроизвело звук лопающегося шарика. Я закрыл печень и положил внутрь брюшка.

А моему отцу печень подарила золотой зуб, – усмехнулся мальчик. – Рыба уснула. Мы отпустим её в речку. – Дети закрыли брюшко, спрятали под куполом, накрыли тканью.

Как бы я хотел вместе с ними отпустить рыбу! Но это невозможно. Я не могу вновь стать ребенком. А подыгрывать детям казалось мне неловким. Я другой.

Я сидел в высокой траве. Смотрел вслед уходящим детям. Рассматривал зонтики и сумочки крохотных, сложных цветов. Кажется, меня уже ничто не удивит. Не удивляет. Почему? Почему я участвую в этой свадьбе?

Что будет, если я уйду? Туда, откуда пришли дети...

13

Я шёл, не оглядываясь, и неподвижный воздух расступался. Я даже стал его дразнить.

А кто это, – говорил я, – зовется неукротимым, лихорадочным, блистающим, коварным? Эта странная пустота так зовется?

Мне показалось, я расслышал усмешку. Кто-то заглянул мне в глаза. Я поднял руки и сказал, что пошутил.

Всё равно будет гроза, – сказали мне с явным сожалением.

Я не боюсь, – настаивал я.

Ну что же... Иди.

Оглянулся на далёкий шатер. Жаль, не узнаю, что там... Дорога была растрескавшейся и отполированной.

14

Я почувствовал запах Спящей Рыбы. Тёмно-зеленый острый рогоз скрывал беззащитную бултыхающуюся живность.

Ля-ля-ля-а-а, – запела лягушка.

Тру-ту-ту, – ответила ей лежащая в мягком гнезде большая собака.

Ты кого это согнала с гнезда? – спросил я, остановившись рядом.

Собака удивлённо взглянула на меня. Из-за ее спины смотрел чей-то маленький глаз. Она никого не выгоняла. Они просто соседи.

Я вспомнил тело. Женское. Я шёл. Куда? Со мной происходят простые вещи. А я не понимаю их. Люблю вино. Люблю табак. Иду не быстро. Озеро идет рядом со мной. Кто-то зовёт меня.

Быстрее, быстрее, надо идти быстрее. Бегу. За озером холм, за холмом село. Уже раннее утро. Утро возвращалось.

Мне было всё равно, что денег у меня совсем немного, что я не знаю, где нахожусь и что со мной будет. Я не могу быть любимым, каким угодно, всяким. Что-то во мне должно стать влажным, а не сухим. Затравленность одарённости вызрела. Хочу плодом упасть в озеро.

15

Озеро в этой картине круглое. Я вижу сидящего на берегу человека. Кажется, он удит рыбу. Я подошёл и увидел его плечи, мокрые от росы. Человек обернулся. Это мальчик. Он испугался. Я тоже испугался. Я увидел дно озера.

Скажи, куда ведет эта дорога?

Первым на дороге стоит дом злого Валентина. Вторым – доброй Сони. А моего дома с дороги не видно.

К кому бы мне наняться на работу? Я не здешний. Хочу есть.

Мальчик вытащил из кармана свёрток. Отломил кусок плацнды:

Ешь, но брынза солёная.

Я сказал, что люблю солёную. Интересно, о чём сейчас думает Борис? Я сел рядом с мальчиком. Он сопел от смущения. Трава была мокрой. Мы помолчали.

Что ты умеешь делать? – спросил мальчик.

Чему научишь, то и сумею.

Я стал прислушиваться к озеру. Мне захотелось остаться здесь.

Если обидишь мою маму, я утоплю тебя, – мальчик пригладил траву.

Я молчал. Я решил слышать и слушать. Может быть, я когда-нибудь найду исток боли. Но я его не забросаю песком и ветками. Я его выпью весь. Он не бездонный.

Что ты умел до того, как появился на этой дороге? – мальчик подсёк небольшую рыбу, положил её в корзину.

Я умел многое видеть. Как мне казалось.

Мальчик начал собирать снасти:

К нам приходит много людей. Я потерял им счёт. Думаю, ты станешь одним из строителей.

Что я буду строить?

Зеркальный дом.

Дом-отражение?

Дом, который исчезает сам в себе.

Вокруг – ничего, кроме кустов и невысоких деревьев, Воздух был сырым. Мальчишка что-то насвистывал. Я прислушался. Что-то чужое. Поскрипывала корзина, которую я нёс.

16

Первый дом появился неожиданно. Он был пронзительно высоким и тонким. Бегали и кричали дети.

Неужели в таком доме можно жить?

Они всегда хотели быть как бы ни при чем, – мальчик говорил очень серьезно, а мне было смешно. – Нет, они не гордые. Наоборот. В их роду был гений, и

они решили, что этого достаточно: теперь нужно либо исчезнуть, либо прослыть дураками.

Их, наверное, очень любят здесь?– предположил я, идя рядом.

Да, – ответил мальчик. – Кажется, я дружу с сыном хозяина. Когда иду мимо, мы смотрим друг на друга. Иногда кидаемся чем-нибудь.

Мы всё шли и шли.

Вот, – сказал мальчик. Я увидел узкую тропинку, на которой стояла женщина. Огромная, прозрачная, вся в остановившихся круговоротах воды. Замкнувшая воду, стояла и смотрела на меня.

Она ничего не требует, – вдруг закричал я. – Никогда не видел никого прекраснее!

Ну, ты извращенец, – сказал мальчишка. – Она же мёртвая. Натюрморт.

Не может быть. Такая яркая! – я огляделся. – Где я?

А ты откуда?

Сбежал со свадьбы... или потерялся, – я смотрел на мальчишка с надеждой. Он задумался.

Соседи с южной окраины слышали о свадьбе. Но это очень далеко, новости идут к нам самое меньшее полгода.

Соседи с южной стороны? Кто это?

Южане.

Южане? Куда мы идем?

Ко мне.

А где это?

На южной стороне, – мальчик отвернулся и пошёл.

Ты южанин?– продолжил я интересный разговор.

Сейчас я северянин и не отвечаю ни за южан, ни за восточных людей, ни за западников, – мой собеседник нёс рыболовные снасти, которые тихо звенели.

Я эти колокольчики купил у одного вора. Он у меня их ворует и продаёт.

Где твой дом? – мне казалось, что у дороги нет конца.

Кто ты такой, чтобы я позволил тебе жить в моем доме? – закричал мой спутник.

Я не знаю, кто я, – я тоже кричал.

Забудь о прошлом, – тихо попросил меня рыбак.

Я никогда ещё не шел по бесконечной дороге...

Жалость к себе улыбнулась и погрозила пальчиком. Мы шагали по тяжёлой мягкой земле. Ребёнок шёл легко, и я начал ему завидовать.

Научись быть терпеливым.

Колокольчики на снастях больше не звенели.

– Я понял: прежде чем куда-либо прийти, мы должны построить там дом, – меня стремительно воспитывали безнадежность и бесконечность.

Думаю, твой дом уже построен, – мальчишка прошёл по мокрой траве и исчез.

17

Наверное, всё, с чем я соприкасаюсь, ложь. Попытался осмотреться кругом, никого не обвиняя. Дома стояли далеко справа. Навстречу мне шёл дождь.

А тебе, что тебе нужно? – крикнул я ему.

Родилась мелодия. Новая музыкальная форма. Форма противостояния. Вероятно, это что-то очень нежное. Вера, вера. Во что? В ошибки, в несовершенство, в любовь? Кто или что дает мне право верить? Чувство, что я для чего-то создан? Я устал. Трагедия. Комедия. Водевиль. Надеюсь, меня забудут.

18

Я стоял один на мокрой от дождя дороге. Мог бы сойти с неё, ступать по мягкой земле, оставляя следы, запоминая их форму, чтобы потом думать о них. Но, если я пойду дальше, что меня ждёт? Мне оставалось только мечтать. Мои мечты были о музыке. О чистом звуке.

19

Невысокие пыльные деревья скрывали придорожный трактир. Я вошёл, не постучавшись. А зря. Мужчина и женщина занимались любовью. Я вышел.

Мне нужны сигареты и чёрный кофе. Я затих. Дверь открылась. Меня позвали.

Что вам нужно? – спросил худой невысокий мужчина.

Сигареты и кофе.

Я угощу вас ужином, – предложил он.

Мы сели в углу. Он курил.

Ты откуда?

Хочешь знать название улицы, имя моей матери и моей утерянной любви? – уточнил я, надеясь, что на этом вопросы закончатся.

Дорогу тебе показал сын Кристины? – кажется, опять вопрос.

Он оставил меня одного, – не сразу ответил я.

Никто не может решать за тебя.

Как больно быть человеком, – скорее почувствовал, чем сказал я.

Много вины на человеке.

Чем её искупить? – я уже знал ответ.

Ты можешь искупить музыкой, – он погасил сигарету и снова закурил.

Женщина принесла тушёные овощи и холодное мясо. Я наслаждался. Где-то внутри обретал дом. Женщина принесла вина и две кружки. Ушла. Появилась в окне и стала развешивать мокрую одежду, бельё.

Можно, я останусь здесь?

У тебя будет свой дом и свой предел.

Предел горя? Предел жизни?

Предел начала, – какой ясный взгляд. Он прекрасно умён.

Женщина принесла холодной воды.

До края земли ты уже дошёл, – сказала она ласково. Я смотрел на её натруженные руки.

Здесь вам легче, чем там?

Мы те же, только чувствуем по-другому, – мужчина встал. Женщина посмотрела на него и сказала:

У тебя стало меньше седых волос.

А если я все-таки останусь?

Завтра проснёшься, и этого дома для тебя больше не будет.

Попробую не спать...

Мужчина рассмеялся.

В том-то и дело, что уснёшь.

Скажите, это сон? – я пытался продолжить разговор.

Не совсем. Если сравнивать, больше похоже на твоё детство. Здесь нет смерти.

Вы, я думаю, хотите сказать, что здесь нет и любви, – я снова ощутил тоску. Любовь бессмертна, – женщина курила.

20

Мне предложили комнату на втором этаже. Отдохнуть. Хорошая комната. Хороший запах.

Я хотел потрогать стены, стул, книги. Но не дотронулся. Просто походил.

В окно на меня смотрела девушка. Я открыл его. Она перелезла. Прошлась по комнате.

Я тебе нравлюсь? – спросила она.

Я люблю другую женщину, – произнёс я привычную фразу.

Сюда приходят в поисках любви, – девушка рассматривала книги.

Я пришел сюда случайно! – она злила меня своей естественностью.

Принести тебе черешни? – спросила она.

Ты её соберёшь?

Если сможешь, мы соберём её вместе, – девушка выбралась в окно и по приставной лестнице начала подниматься на крышу. Я за ней.

Обыкновенный сад. Ствол дерева тёмно-коричневый, шершавый. Черешня была спелой. Никогда не любил собирать с деревьев, а сейчас радовался.

Мы молчали. Я всегда считал себя бесчувственным, но сейчас ощущал свободу и боль. Между нами была музыка, ненавязчивая и необходимая. Что нас ждёт? Я представил, что девушка встаёт и уходит. Перестал бояться смерти. Стал бояться её смерти.

Ягоды собирал очень осторожно. Спустился вниз, отдал ей. Спросил:

Где наш дом?

Она погладила меня по голове. Поцеловала. Повела за собой. Я шёл, с любопытством разглядывая листья, тени.

Ты, наверное, устала ждать меня?

Перед тем, как ты пришел, я очень хотела умереть, но началась гроза, и я уснула. Если захочешь уйти – уйдешь.

Разве отсюда есть выход? – мне захотелось сделать ей больно.

Выхода нет, – тут она улыбнулась, – но ты свободен и найдёшь его.

Если я буду искать выход, моя жизнь станет бессмысленной...

Девушка шла рядом:

Я боюсь подчиниться чужой воле.

Мы встретились благодаря чужой воле, – я был готов ссориться.

Стас, время здесь бесконечно, – она обернулась ко мне.

Значит, снова терпение?

Я не удивился, что она знает моё имя.

Терпение, переходящее в шаг. В шаг к самому себе или к кому-то.

Мы поднялись наверх. Она постелила мне.

Приготовлю картошки. Есть молоко. Отдохни.

Она ушла.

21

Я закрыл за собой дверь. Спустился вниз. Оглядываться нельзя. Там, впереди, увидел море. Плоский берег и глубину. Тёплый песок. Море медленно

приближалось. Вода прикоснулась ко мне, как родной человек. Я чувствовал её любовь. Я шёл по песку. Вода тихо приближалась к моим губам. И залила их.

Она залила меня с головой, но позволила жить. Она обвивала меня. Я остановился, чувствуя опасность и покой. По поверхности воды плыло облако. И вошло в воду. Я увидел у облака голову. Чёрные волосы.

Облако подплыло сбоку, рассмотрело меня. Мы молчали. Оно поднялось выше и проплыло над моей головой. Я почувствовал, что теряю необыкновенное. Ухватился за струи и пошёл за уходящим. Я не боялся. Почему?

Мы уходили в темноту дна. Голова повернулась ко мне. Удивилась. Улыбнулась. Зачем ты за мной идёшь?

Мне интересно, – в воде мой голос звучал тихо.

Я убиваю током, – говорило со мной облако.

Объясни, зачем меня сводят с ума? – я смотрел в глаза воды.

Зачем ты сюда пришёл?

Скажи, музыка – это грех? Это ошибка? Это неверие? – я сел на донный камень и прислушался к близкому течению.

Неверие во что?

В любовь, – я закрыл глаза.

Вода рядом с облаком стала прозрачной. Оно молчало.

Любовь – серьезнейший противник. Музыка – всего лишь дыхание. Можешь не дышать. Советую с любовью драться. Мы врагам нужнее, чем друзьям. Только поступок, только движение дарит смысл.

Драться нужно и с нежностью? – меня задело это холодно-горячее облако.

Ты не предназначен для воды. Желание знать принесло тебе уязвимость. Чувствуй лишь необходимое.

Я живой, – сказал я ему. – Сказать нечто важное для меня не в твоих силах.

Облако не обиделось.

– Не проси у меня ответа. Его нет.

Есть лишь проявляющиеся черты лица, – я рисовал на морском дне.

У облака появились руки. Ладони прикрыли глаза:

Это не моё лицо.

Что его изменило? – я рисовал на песке.

Ожидание, – сказала облако. – Мне пора.

Я остался один. Мне захотелось подняться вверх. Вода – оболочка, повторяющая моё тело.

Моё одиночество. Непокой. Тёплые течения внутри меня. Я – частица. Я – целое. Вода молчит. Она сочувствует мне.

Бесконечное общение. Влечение к смерти. Музыка – дыхание. Это последнее, что останавливает душу в моём теле.

22

Когда я услышал этот гул, то уже знал, что хочу жить. Хватался за вершины волн. Погружался в воду. Уснувшие рыбы просыпались. Я бережно взял одну за плавник, и она повела меня туда, где родилась.

Я смотрел вниз. Дна не было. Услышал смех. Следом плыл небольшой косяк рыб. Они заглядывали мне в глаза. Хихикали, посвистывали. Глаза мои были заплаканы и красны.

Моя рыба остановилась. Повернулась и зашипела на веселую завесу недолговечных морских птиц. Зашипел и я.

Рыбоптицы замолчали. Они смотрели на нас, выстроившись в полукруг. Моя рыба засвистела. Слушатели затрепетали. Я тоже засвистел. В воде свист приобретает форму шара.

Могу опуститься на дно, но там, возможно, ничего и нет. Только отражение небесных тел.

23

Я выплыл. Я слышал ветер. Молодая луна пела.

Живу ли я? Я устал. Уснул. Несколько раз просыпался от того, что вода становилась другой. Мне снились Светлана, Борис, Елизавета.

Пытался рассмотреть их кожу. Цвет был разный. Почувствовал, что обретаю реальность решения.

Я – точка. Начинаю рисовать себя. Начинаю понимать, для чего руки, бедра, глаза.

Я сотворён. Я совершенен. Любовь боли.

Есть тайна. Она беззащитна. Её нельзя раскрывать. Любовь прикосновения.

Созвездие как соединение клеток, живущих в моей печени.

Гармония. На ощупь – шершавая. Ядрышко сладкое. Выстраивать фразы, идти по тропинке рядом с рекой. Чувствовать нежность воды.

Я сделал вдох. Я научился дышать.

Движение. Чувство. Ребёнок. Рождение. Возвращение. Музыка творит. Выбор. Лиза и Светлана танцуют. Я понимаю человеческий язык.

Девушка из сада приносит еду. Ставит рядом со мной. Она улыбается мне. Я понимаю язык птиц.

Он очень сложен. Одна мысль, пронесённая через всю жизнь. Мысль, переживаемая и осмысленная тысячи раз. И ни одного повторения.

Я – слух. Я – сердце. Я – человек. Работа рук, сердца, мысли. Мечта. Дом. Чувство.

Что-то хлынуло из меня. Кровь. Музыка.

Я лёг на кровать. Закинул ногу на ногу. Посмотрел в окно. Верхушки деревьев качнулись. Я устал. Я уснул.

ЕНАКИ АНЖЕЛА – окончила Академию аудиовизуальных искусств при «Молдова-филм», работала актрисой; как режиссёр сняла фильм «Ты», который вошёл в каталог фестиваля «Киношок»; работает над фильмом «Свадьба»; автор киносценариев; публиковалась в белоарарпских сборниках «Толстый журнал», «Белый Арап», «Невидимое море», «Пролетая над». Член АРП РМ.

НОВЫЕ КНИГИ

Радуга

Зоя Мастер – уроженка Кишинёва, музыкант и писатель, обладатель специального диплома Республиканского литературного конкурса «Шерпенский плацдарм», проведённого Ассоциацией русских писателей РМ в преддверии 65-летия Великой Победы, автор «Русского поля». Её произведения неизменно входят в короткий шорт-лист конкурса короткой прозы «Белый Арпап», проводимого одноимённым Первым независимым литературным фондом в Молдове, печатаются в беларуских сборниках.

Недавно у Зои вышла в свет дебютная книга коротких рассказов «Учитель музыки». Мы поздравили её с этим радостным событием и, пользуясь случаем, побеседовали:

– Что Вас заставляет писать?

– Ничто и никто. Свобода творчества означает не столько возможность писать о чём хочется, сколько возможность писать тогда, когда ты чувствуешь в этом потребность. Вообще, мне всегда нравилось читать и сочинять. В глубоком детстве я отправила какие-то стишки в журнал «Пионер», и оттуда даже пришёл ответ. Нет, не о качестве поэтических опусов, а о моей неуклюжей, на «московский» слух, фамилии. Впрочем, стихи были довольно беспомощные. Выйдя замуж, я сменила фамилию на теперешнюю, более благозвучную. Здесь, в Штатах, она звучит как родная. Но вот с российскими издательствами опять проблема. Почему-то они воспринимают фамилию Мастер как псевдоним. Вроде как я о себе высокого мнения – мастер слова. Доходит до анекдотов. Однажды, позвонила то ли в «Октябрь», то ли в «Знамя».

– Представьтесь.

– Зоя Мастер.

– Что, без фамилии?

– Ваши любимые места в Кишинёве?

– Это места, с которыми связаны воспоминания детства и юности. Например, фонтан в парке Пушкина и львы, на которых в своё время залезали все игравшие в этом парке дети.

– Насколько Ваши произведения подпитаны собственной биографией?

– Я не могу определить соотношение реальных событий и фантазии, но автобиографичность, конечно, присутствует. А как без этого? Люди, жившие в Кишинёве, Москве, или побывавшие в Испании, легко узнают «географию» места действия. А вот что касается сюжетов или персонажей, здесь всё гораздо сложнее. Мне бы не хотелось, чтобы читатель воспринимал текст, ассоциируя автора с «действующими лицами» моих рассказов. Автобиографичных рассказов, на самом деле, всего два: «Картина» и «Манная каша». В остальных – смесь воображения и личных переживаний, разграничить всё это уже невозможно.

– **Был ли в действительности педагог или «Учитель музыки», повлиявший на Ваше творчество? А если нет, почему музыка занимает столько места в Вашей прозе?**

– Музыка действительно присутствует почти во всех рассказах. Это получается произвольно, она как-то сама по себе проникает в фактуру рассказа, иногда звучит как аккомпанемент, иногда управляет сюжетом и тогда становится главной темой, но всегда способствует гармонии текста. Кроме того, может быть потому, что я много лет довольно серьёзно занималась музыкой, мне кажется, что форма, логичное построение текста так же обязательны, как и в музыкальном произведении. Бессвязное изложение, что в стихах, что в прозе, что в музыке, затрудняет восприятие.

Что касается педагогов, то прототипа рассказа «Учитель музыки» в моей жизни, к счастью, не было. Мне везло с самого детства. Собственно, встреча с учителем музыкальной литературы Семёном Александровичем Мировичем определила мой выбор профессии. Не могу сказать, что его обожали мои одноклассники. Но меня, 9-летнюю, он совершенно покори́л. Он садился к инструменту, рассказывал, играл, не заглядывая в ноты, – так, что урок пролетал, как одна минута. И тогда я для себя решила, что стану именно таким учителем музыки. А в общеобразовательной школе моим любимым предметом была литература, тоже во многом благодаря нашему учителю – Марку Иосифовичу Ярошевичу, который не только знал ВСЁ, не только умел несколькими словами донести суть, но и воспитывал правильный вкус, а самое главное – учил думать. Он из тех педагогов, которых помнят не потому, что с ними было легко, весело и просто, а потому, что они – учили. Там был такой интеллект, что, даже сегодня, страшно сказать, через сколько лет, помнишь его уроки. Мы настолько хорошо знали предмет, что для поступления в вузы не нужны были никакие репетиторы. Знаете, когда я поступала в московский вуз, получила четвёрку за сочинение, и мне эта оценка показалась настолько невозможной, что, уже поступив, я попросила показать своё сочинение. Тема была о «Войне и мире». В сочинении не было ни единой ошибки, но в конце краснела пометка: «Слишком точное цитирование. Списала?»

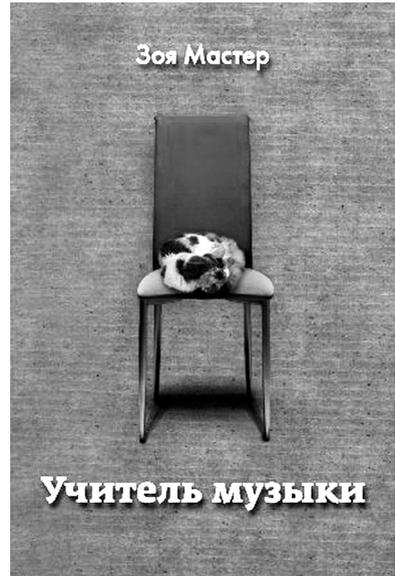
Я могу долго говорить о своих преподавателях, потому что мне повезло учиться у лучших – и в школе, и в училище, и в институте, но этим двум педагогам я благодарна безмерно, потому что, подходя к своей профессии творчески, они делали из нас личностей.

– **О чём Ваша книга?**

– О жизни, о судьбах, о том, о чём думается наедине с собой.

– **Кто издал этот сборник?**

– Издательство M-Graphics Publishing. Сначала я больше года пыталась работать с одним московским издательством, которое приняло книгу к печати и даже сделало вёрстку. Но они почему-то никак не могли составить и прислать контракт. И при этом то исчезали на несколько месяцев, то начинали слать сообщения с по-

стоянно меняющимися условиями сотрудничества. Мне это показалось странным. Я привыкла к тому, что любая сделка (а публикация книги – тоже сделка) начинается с договора. Впрочем, я ещё раз убедилась в правильности поговорки – «Что ни делается, всё – к лучшему», потому что за время этих бесполезных переговоров я написала ещё несколько рассказов, вошедших в сборник. Издательство «M-Graphics Publishing» находится в Бостоне и пользуется известностью, особенно после выхода романа Елены Катишонок «Жили-были старик со старухой», ставшего финалистом Русского Букера. Самое ценное то, что с каждым автором они работают на индивидуальных договорных условиях, и условия эти соблюдаются.

– Какой Вам из Америки видится Молдова?

– Знаете, я всегда любила возвращаться в Кишинёв: после колхоза, куда отправляли студентов музучилища, после московских сессий, после отпуска на море. Всё было уютным, тёплым, солнечным. Таким и получился этот город в моих рассказах. Но я ничего не хочу писать о Кишинёве 89–90-го годов, потому что именно тогда он перестал быть родным. Я помню, как стояла на балконе дома на Бельского (наверняка эту улицу переименовали) и с пятого этажа смотрела надвигающуюся от улицы Воссоединения к проспекту Мира толпу орущих людей. Рядом стоял мой двухлетний сын и девятилетняя дочь. Она читала надписи на самодельных транспарантах: «Ной сынтем акасы!», «Ваши квартиры – наши квартиры!», «Русские – в Россию, жида – в Израиль!», а я мысленно прощалась с городом, где жили несколько поколений моих предков, мои родители, для которых румынский был родным языком, где родилась я и мои дети. Что делать, инстинкт самосохранения сильнее эмоций. Я живу в Америке уже 23 года и ни разу не возвращалась в Молдову. Хотя, признаюсь, порывы были. Иногда я захожу в интернет, разглядываю фотографии сегодняшнего Кишинёва, читаю газетные статьи. Не могу сказать, что пристально, но всё-таки слежу за тем, что там происходит. И, честно говоря, особого оптимизма увиденное не внушает. Мне жаль, что Молдавия относится к самым бедным государствам Европы, мне обидно, что город ветшает (частные особняки – не в счёт), что многие места моего детства и юности – к примеру, Комсомольское озеро – попросту уничтожены. Мне неприятно сознавать, что национализм и сегодня побеждает разум. Поэтому я предпочитаю хранить в памяти тот Кишинёв, который любила.

– А в Россию за все эти годы Вы приезжали?

– Нет. Но связь не прервана. Довольно часто я делаю интервью с российскими знаменитостями: иногда «вживую», когда они приезжают к нам, иногда это виртуальные беседы по Skype или телефону. Но, так или иначе, мы разговариваем о проблемах, касающихся нас всех, независимо от места проживания.

– Кто из собеседников был Вам наиболее интересен?

– Мне было очень интересно делать интервью с Людмилой Улицкой, особенно первое, посвящённое роману «Даниэль Штайн – переводчик», именно потому, что эта книга мне резко не понравилась. Безусловно, запомнились беседы с Владимиром Спиваковым, Тamarой Сиявской, Марком Горенштейном, Верой Васильевой, Чулпан Хаматовой, Валерией Новодворской. Мне-то все эти люди, безусловно, интересны. Другое дело, что и ты, как журналист, должен быть интересен настолько, чтобы таким талантливым, ярким личностям хотелось отвечать на твои вопросы. Потому поневоле нервничаешь – а буду ли я ИМ интересна как собеседник, не набьют ли оскомину мои вопросы, захочет ли человек довериться и хотя бы в течение получаса быть самим собой, получится ли у нас «игра в четыре руки».

– Марк Горенштейн – бывший главный дирижёр Государственного симфонического оркестра имени Светланова, начинавший свою карьеру в кишинёвской филармонии.

– Да, первый раз я брала у него интервью, когда он был в этой должности, второй раз – через полтора года, сразу после скандала, связанным с его увольнением. Эта история заслуживает отдельного разговора. Впрочем, беседы с Марком Борисовичем, как и другие интервью, можно прочитать на моём сайте.

– Как Вам современная молдавская литература?

– Я так понимаю, вы имеете в виду русскоязычных писателей Молдовы? Во-первых, я должна сказать, что весьма ценю старания тех издателей и редакторов, которые делают всё возможное и невозможное для того, чтобы русскоязычная литература существовала и развивалась. Я понимаю, что они работают на энтузиазме, слегка разбавленном спонсорской помощью. Впрочем, то же самое происходит и в Израиле, и в Германии, и у нас, в США. Что касается авторов, мне очень нравится проза Михаила Поторака. У него лёгкое перо, интересный стиль и великолепное чувство слова. Мне кажется, он – самый яркий из современных молдавских литераторов. Но это субъективное мнение, кто-то может с ним не согласиться.

– А что происходит в «эмигрантской» литературе?

– Это слишком общий вопрос. Тем более, я никогда не ставила своей целью прочтение текстов всех печатающихся русскоязычных писателей США. Каких-то авторов я читаю регулярно, о некоторых – только слышала, а в основном читаю тех, с кем «пересекаюсь» на страницах публикующих нас газет и журналов. Наверное, здесь происходит то же, что и всюду: поиск новых литературных приёмов, стиля, языка. Иногда эти попытки радуют, иногда – шокируют. Много графоманства и дилетантства. Но, во-первых, у каждого своё понятие о профессионализме и таланте, а во-вторых, на всё находится свой читатель. Если, к примеру, я терпеть не могу стёб, то кто-то считает его вершиной вкуса. Не знаю. Могу только сказать, что иммигранты пишут часто и много. А серьёзных литературных изданий в США несколько: это журналы «Слово» (начинался при участии С. Довлатова), «Новый журнал» (издаётся с 1924 года и печатает писателей всех «волн» эмиграции) и альманах «Побережье». Первые два издания выложены на сайте «Журнальный зал» (наряду с журналами «Октябрь», «Знамя», «Нева», «Новый мир»). Зайдя на эти сайты, можно получить какое-то представление о том, что происходит в эмигрантской литературе.

– Какие современные и несовременные писатели значимы для Вас?

– Из несовременных – в смысле, ушедших в мир иной, я могла бы назвать многих. Но вот так, не задумываясь, назову Булгакова, Бабеля и Паустовского. В том-то и дело, что они будут современны всегда потому, что их проза по-настоящему талантлива. Она – вне времени. Если говорить о книгах ныне здравствующих авторов, мне нравится проза Людмилы Петрушевской и Александра Кабакова. Символично, что лица этих писателей не мелькают экранам телевизоров или на страницах гламурных журналов. Видимо, они заняты непосредственно творчеством. Кстати, знаете, что самое главное для писателя?

– Вдохновение?

– В одной из передач Дарья Донцова призналась, что для писателя главное «во-первых не умение размышлять, а чтобы удобно было сидеть за столом».

– *В XXI веке в литературе появились новые имена. Есть ли среди них такое, что Вам «легло на душу»?*

– Я стараюсь читать прозу современных писателей, хотя не могу сказать, что прямо таки отслеживаю все новинки российской литературы. До недавнего времени я из любопытства покупала книги, авторам которых серьёзные люди присуждали серьёзные премии. К примеру, я с удовольствием прочитала роман Елены Чижовой «Время женщин», получивший «Русского Букера» в 2009 году. Но после того как в 2010 году эту же премию вручили Елене Колядиной за роман «Цветочный крест», я перестала это делать. Сама автор охарактеризовала свою книгу как «галиматью об огненной елде и золотых лядвиях». Понимаете, если за такую откровенную чушь присуждают престижную премию, то это означает, что у авторов, создающих Литературу, а не псевдопатриотический лубок, мало шансов добиться признания, и что на смену ненавидимой всеми цензуре пришло дурновкусие. И неизвестно, что хуже. Кроме всего прочего, присуждение премий по литературе за китч или бездарную писанину дезориентирует авторов и читателей. Что касается «легло на душу», это другое. Таких книг очень немного, и написаны они не в XXI веке. А вообще, я люблю читать мемуарную литературу, потому что нет ничего интереснее хорошо написанных реальных историй о времени и людях.

– *А какие события в культурной жизни (музыка, театр, кино, литература) стали для Вас откровением?*

– Уже несколько лет Метрополитен Опера транслирует свои спектакли в кино-театры США, Канады. То есть, в определённые дни, не покидая Денвера, Филадельфии или Сан-Диего, можно пойти в кино и смотреть постановку, как если бы ты присутствовал на представлении. Причём, на экране лица исполнителей, дирижёра, оркестрантов показаны крупным планом, чего при всём желании не увидишь, сидя в партере или на балконе. Кроме того, в антрактах ведущие (обычно, это оперные примадонны), беседуют с солистами и заодно впускают тебя в «закулисы». Ты видишь, как составляют и меняют декорации, как сцена готовится к следующему акту, и эта слаженность в работе сотен людей поражает не меньше самого спектакля. Знаете, я видела немало спектаклей Большого театра, но постановки Метрополитен действительно стали откровением. Кстати говоря, всё это сценическое великолепие, возможность приглашать лучших солистов и постановщиков, осуществляется только благодаря благотворительности. Одним из самых серьёзных спонсоров Метрополитен является мэр Нью-Йорка, Майкл Блумберг, ежегодно жертвующий на благотворительность сотни миллионов долларов. И, кстати говоря, этот миллиардер ездит по утрам в City Hall не на лимузине, а на метро.

– *Пишете ли Вы о жизни в Америке?*

– Я очень хочу об этом написать. И надеюсь, что это случится.

ПЁТР ШОРНИКОВ

ШТОПОР «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Свидетельство о Смутных временах

Принято считать, что историки в силах если не предвидеть, то просчитывать будущее. В студенческие времена, где-то в 1971 году, мы с моим однокурсником Игорем Поляковым, будущим доктором философских наук, пытались делать это. Критикуя политику национальных преференций для титульной бюрократии, проводимую и в Молдавии, я утверждал, что все это приведет к развалу Союза. Политика эта, полагал Игорь, гнилая, но Родина выкрутится. При этом он ссылаясь на очевидное: политической оппозиции в республике нет, московских «диссидентов» народ считает проходимцами, продающими интересы страны за доллары, и потрясения невозможны. Другие думали так же, если, конечно, вообще задумывались об этом. Поэтому даже нас, якобы знатоков прошлого, но не страны, в которой живем, кризис СССР застал врасплох.

Что было делать? Традиции общественной самообороны были у нас забыты. Граждане привыкли верить государству и продолжали рассчитывать на его защиту. В Молдавии у русских отсутствовали даже национальная солидарность и навыки самоорганизации по национальному признаку. Особенно деморализующее воздействие оказывала на граждан утрата руководством правящей партии и верхами интеллигенции чувства ответственности за судьбы страны. Впрочем, падение общества в штопор началось постепенно. Возможно, нагляднее, чем в других коллективах, протекало оно в научном учреждении, где я проработал почти четырнадцать лет и знал всех и каждого.

Тихий омут

Академический Институт истории, носивший имя первого президента АН МССР Я.С.Гросула, был главным идеологическим учреждением Молдавии. Среди коллег в ходу была шутка: «Каков девиз советских историков?» – «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!». Институт страдал от наличия кадрового балласта. Имелись бездельники и люди, просто неспособные к научным исследованиям. В лучшем случае им удавалось собрать в архиве фактический материал, из которого их научные руководители изготовляли им диссертации. Таким образом подготовили в те годы немалую часть «национальных кадров». По этому поводу один из коллег, Леонид Бульмага, помню, пошутил: «В 30-е годы середняк пошел в колхоз, а в 60-е – в науку».

Однако в институте трудились серьезные ученые, велись фундаментальные исследования, готовилась научная смена. Научную школу молодые сотрудники проходили не только на методологических семинарах, – нередко интересных и действительно расширяющих научный кругозор, – но и в беседах за чаем и кофе, а также на лестничных площадках, где собирались курильщики. Именно там обсуждали мы и политические новости. Собрания и заседания, транжирившие наше время, про-

водились только в явочные дни. Оптимальным для научной работы временем года было лето, пора отпусков. Сам я уходил в отпуск в конце августа, когда в институт возвращались из отпуска администраторы, но еще не поздно было съездить позагорать на море. После напряженной и нервной работы в школе и редактирования университетской газеты Институт истории показался мне тихой заводью. Но вскоре я понял, что это – тихий омут.

Служебное продвижение, а отчасти и сам допуск к научной работе, во многом зависели от партийности. Уже поэтому мне, лояльному гражданину СССР, вступать в партию, этот клуб администраторов, действующих и будущих, не хотелось. Но, работая над диссертацией, посвященной истории Молдавии периода Отечественной войны, я нуждался в материалах архива Института истории партии при ЦК КПМ, куда допускались только члены партии. В 1982 году я подал заявление о вступлении. Полгода спустя секретарь партбюро нашего института Владимир Ильич Мокряк зашел к нам в сектор и с глазу на глаз честно разъяснил ситуацию. Прежде чем принять интеллигента, сказал он, в партию нужно принять четверых рабочих. Кроме того, по разнарядке райкома, следующим парторганизация института обязана принять в партию лицо коренной национальности. «Так что, – развел руками Ильич, – извини». Вместо меня коммунистом стал будущий член Совета Народного фронта Молдавии. Хотя это обеднило источниковую базу моего исследования, я обошелся без документов партийного архива. Попыток вступить в партию я больше не предпринимал.

В 1984–1985 годах, после смерти Андропова, Институт истории стал аренной непристойной «охоты на ведьм». Во время какого-то застолья с участием десятка сотрудников наши коллеги А.В. Хейстер, Н.В. Бабилунга и И.О. Князький критически отозвались по поводу ввода советских войск в Афганистан. Некоторые из присутствующих, кстати, будущие члены НФМ, сообщили об их высказываниях в КГБ. «Хозяина» с твердой рукой уже не было, и какой-то чиновник этого ведомства раздул «дело». Крамольников около года вызывали на «беседы» в КГБ, подвергли унизительным проработкам на открытых (то есть с обязательным участием беспартийных) партийных и профсоюзных собраниях. Будущие фронтисты (в 2011 году имена некоторых из них я нашел в пресловутом «списке Шандровского» – информаторов советской политической полиции) произнесли на собраниях речи, полные псевдомарксистского догматизма и обличительного пафоса. Но политическая конъюнктура не благоприятствовала организации политического процесса, и крамольников лишь понизили в должности.

Истинную причину возбуждения явно дутого политического «дела» некоторые из коллег усмотрели в том, что Хейстер, Бабилунга и Князький высмеивали такие постулаты исторической науки того времени, как политика «русификации» и «ассимиляции», якобы проводимая «царизмом» в Бессарабии в XIX – начале XX века. Сам же термин «царизм» трактовали как ненаучный ярлык, призванный опорочить дореволюционную российскую государственность. Другие полагали, что имеет место борьба за власть в академии. В действительности же, «дело о диссидентах» в Институте истории было направлено на компрометацию и смещение с руководящих постов президента АН МССР А.А. Жученко, а также столпов исторической науки Молдавии: члена-корреспондента АН МССР П.В. Советова, заместителя директора нашего Института В.И. Жукова и заведующих секторами, начиная с моего научного руководителя, профессора И.Э. Левита, главного разоблачителя преступной политики Румынии в Молдавии в годы фашистской оккупации. По существу, речь шла о смене власти в Академии наук и в Институте истории, об идеологическом переупорядочивании нашего института.

В участие политической полиции в заговоре бюрократов я поверил частично, полагая, что имеет место произвол некоторых чиновников КГБ. Но обилие стукачей, готовность, с которой КГБ их фактически сдал и публичная демонстрация механизма производства «диссидентов» изменили мое отношение к правящей партии к худшему. Я уклонился от участия в травле коллег. Несмотря на советы держаться подальше, я продолжал общаться с ними. Администрация института истолковала мое поведение как свидетельство политической «незрелости». По этой причине, а также потому, что «незащищенных» сотрудников было легче контролировать и эксплуатировать, дирекция перестраховалась, отложив на год представление моей диссертации к защите. Жаловаться было некому. Попеняв мне по поводу ненужной демонстрации порядочности, И.Э. Левит сказал, что это надо пережить, что я и сделал. Диссертацию «Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны» я защитил только 14 декабря 1984 года. Позднее издал ее в виде монографии. Все вроде бы окончилось благополучно. Но после защиты диссертации затяжной стресс обернулся для меня язвой желудка.

Новые времена начались со смены партийного лидера и волнующих ожиданий перемен. Ретроградов среди нас не было. Необходимость экономических реформ и освобождения общества от идеологического надзора для нас была очевидна. Избрание партийным лидером Горбачева сотрудники Академии наук МССР приветствовали уже потому, что он был самым молодым членом Политбюро. Мы надеялись, что страна станет на рельсы ускоренного развития, и на первых порах истолковывали в благоприятном для него плане каждый шаг нового генсека. И все же его практические действия, начиная с антиалкогольной кампании, подвергали наш оптимизм все более суровым испытаниям. Кампания эта нанесла тяжкий удар по союзному бюджету, особенно по бюджету Молдавии.

Конечно, можно было согласиться с утверждением о том, что народ у нас слишком много пьет. Пить следовало меньше. И всё-таки уже в этой кампании было нечто глубоко фальшивое. В то время, когда секретарь ЦК КПМ по сельскому хозяйству М.И. Снегур разъезжал по республике, лично контролируя вырубку виноградников, персонал райкомов, администраторы и милиция запасались «горючим» на оптовых базах и винзаводах, крестьяне готовили домашнее вино в подвалах, а городские умельцы отработывали технологию самогонварения. Всеобщий смех вызывали телевизионные передачи о безалкогольных свадьбах. Водку их участникам, как во времена Первой мировой войны, подавали под видом чая. Среди молодежи запрет на алкоголь вызвал волну наркомании и токсикомании.

Не отказались от традиции винопития и ученые. Накануне 23 февраля, 8 марта, 1 и 9 мая, 7 ноября, Нового года, а так же по случаям защиты диссертаций, дней рождений и тому подобным поводам, сотрудники Академии наук собирались в секторах за накрытыми столами. После 16:00 рабочие кабинеты запирались изнутри, и из них неслось ровное гудение. Академики и администраторы тоже «гудели» – в своем кругу. Пьяных после таких заседаний не бывало. Абсурдность запрета была очевидна всем. Кроме того, коллективно хранить тайны легче, поэтому за четыре года «горбачевщины» утечек информации в ЦК КПМ по поводу массовых нарушений в Академии наук МССР «решений партии и правительства» по части винопития не случилось. Как выяснилось позднее, нас прикрывал и персонал КГБ Молдавской ССР, поскольку грешил тем же.

Продолжая традицию застолий, сотрудники Института истории в полном составе вступили в Общество трезвости. И тут я вошел с коллективом в конфликт. Новые времена я встретил не только беспартийным, но и, из-за болезни желудка,

трезвенником, и участвовать в содержании еще одной бюрократической структуры отказался. Коллеги не приняли моих ссылок на язву, перешедшую в гастрит, и отказ вступить в ряды трезвенников осудили как неуместное упрямство. На нескольких собраниях – профсоюзных, партийных, производственных – ораторы вдохновенно трепали мою фамилию. Коллеги были правы, но после истории с отложенной защитой характер мой зачерствел, и в Общество трезвости я так и не вступил.

Сокращение производства и продажи вина нанесло ущерб бюджету Молдавии и благосостоянию десятков тысяч семей. Следующий удар республике нанесла экологическая кампания. Летом 1987 года в «Литературной газете», ставшей Библией интеллигенции, в том числе в нашей республике, появились две статьи, посвященные Молдавии: «Зеленый лист, вода и знаки препинания» писателя Иона Друцэ и «Крик земли» московской журналистки Капитолины Кожевниковой. Авторы стремились доказать несостоятельность существующей системы управления. Но при этом они использовали несостоятельные аргументы, утверждая, что в республике умышленно «химизируют» почву, что сельскохозяйственная продукция отравлена и т.п. Власть обвиняли в покушении на генофонд молдавской нации – якобы, с химизацией связано увеличение в Молдавии числа умственно-неполноценных детей. На страницах той же ЛГ ученые на фактах опровергли эти измышления, но за пределами Молдавии репутация молдавских овощей была подорвана. В августе, выехав вместе с Г.Н. Топузлу, будущим ректором Комратского университета, в командировку в Удмуртию, мы убедились в этом лично. «Как вы там выживаете, – спрашивал нас каждый, от горничной в гостинице до секретаря обкома партии, – у вас же там все отравлено!». Опровержения не действовали. Сокращение экспорта овощей и фруктов нанесло еще один удар по бюджету Молдавии.

В центре провоцируемой в обществе борьбы наш институт оказался во время следующей кампании – «За ликвидацию «белых пятен» истории». Термин внушал недоумение. Выявление недостаточно исследованных сюжетов, смена концепций, методологическое перевооружение – процессы в исторической науке естественные. Зачем подстегивать их, – толковали мы в курилках и даже на семинарах, – устраивая пропагандистские кампании? Отмените идеологическую цензуру, дайте деньги на издание книг, – и мы свое дело сделаем. Но ЛГ предоставила свои станицы секретарю Союза писателей Молдавии Д. Матковскому. Присоединение Бессарабии к России, поучал он в статье «Мы – варвары?», представляло собой захват, поскольку «Россия – тюрьма народов». Голод 1946–1947 годов был организован сталинским режимом с целью уничтожения молдаван, депортация кулаков в 1949 году преследовала ту же цель, ныне жизни молдавской нации угрожает химизация почв и бактериологическая катастрофа. Воспринимать эту галиматью всерьез мы не могли. Но публикации московской прессы подтверждали: устранение «белых пятен» предполагает очернение истории уже не только традиционной России, но и СССР, и Молдавии. Зная реалии национальной политики КПСС, мы поняли, что начата атака на основы существующей государственности.

Националисты в Молдавии имелись, но о националистических движениях у нас мы не слыхали. Не существовало националистических организаций, не выдвигалось публично требований националистического или, тем более, сепаратистского толка. Однако этнические привилегии титульной бюрократии, официально не оформленные, но реальные, требовали законодательного закрепления и усиливали в республике потенциал национального эгоизма. К концу 1987 года в восприятии грядущих перемен у научных работников наметились национально обусловленные различия. Многие сотрудники-молдаване усмотрели в лозунгах демократизации

возможность расширить и законодательно закрепить этнические преференции в доступе к научной работе и к партийности, т.е. к служебному продвижению. О том, как это отразится на межнациональных и межреспубликанских отношениях, они не задумывались. Политические события мы стали обсуждать раздельно. Один кружок составили будущие организаторы «Единства»: Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко, И.Ф. Грек, А.В. Хействер и автор этой работы; во второй же входили: Л.Е. Бульмага, А.М. Царан, П.А. Сандулаки, Н.Е. Кикиш, В.А. Варатик. Оба списка следует завершить сакраментальным «и другие».

В кризисные годы большинство историков-молдаван ушло из науки либо, что еще хуже для нее, примкнуло к унионистам, но я и сегодня позволю себе утверждать, что шовинистами они не были и, скорее всего, не стали. На личностном уровне межнациональные отношения в Академии оставались корректными. До поры мы обменивались ксерокопиями статей московских прогрессистов и дискутировали по поводу желаемой экономической модели. Искренность покидала наших коллег лишь при обсуждении вопросов национально-кадровой политики. В дискуссиях с ними мы постепенно вырабатывали основные положения политической платформы, вскоре сформулированной в документах Интердвижения. Все чаще приходили мы к заключению о необходимости создания в Молдавии организации для защиты национального равноправия. Но события опередили нас.

Инициативная группа

Самой разрушительной для гражданского мира в Молдавии стала языковая кампания. Третьего марта 1988 года на съезде советских писателей в Москве был оглашен тезис о необходимости защиты языков титульных наций союзных республик путем придания этим языкам государственного статуса. На съезде предложение прошло почти незамеченным, но несколько месяцев спустя в литературных журналах советских республик были опубликованы написанные по одному шаблону статьи в поддержку этого требования.

Весной 1988 года, после публикации в «Правде» известного письма Нины Андреевой, в Молдавии, как и в других союзных республиках, были приведены в действие скрытые механизмы дестабилизации. В начале мая Кишинев посетил секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев, курирующий КГБ. Его выступления перед интеллигенцией вызвали недоумение и разочарование. Но главный эффект оказался скрыт от общественности. В 20-х числах произошел переворот в Союзе писателей Молдавии. 27 мая группа членов СП «выдвинула предложение» учредить «Демократическое движение в поддержку перестройки», для чего было необходимо созвать собрание научной и творческой интеллигенции. Третьего июня в помещении СП состоялось собрание, на котором литераторы Молдавии проголосовали за список членов «Инициативной группы Движения в поддержку перестройки». В их числе оказались: секретарь партбюро СП Ион Хадыркэ, поэтесса Леонида Лари (Люба Тукилату), сотрудник Музея истории литературы Юрий Рошка, сотрудники Института истории Ион Цуркану и Леонид Бульмага. Под флагом «Инициативной группы ДД» 29 июня и 6 июля в Кишиневе были проведены митинги, на которых все более открыто звучали националистические мотивы. Группа национал-радикалов во главе с младшим научным сотрудником НИИ профилактической и генетической медицины А.В. Шалару начала собираться на Аллее классиков. Они распевали под гитару песни на стихи Эминеску, а литераторы читали вслух произведения все более националистического толка. Было объявлено об учреждении Клуба им. А. Ма-

теевича, автора стихов «Наш язык». В журнале «Нистру» (1989 год, N4) появилась статья «Вешмынтул фиинцей ноастре» («Одеяние нашей сущности»), призванная дать националистам подобие политической программы.

Накануне этих событий ко мне обратился А.В. Хейстер. Писателями, сказал он, создается общественная организация, и им надо оказать интеллектуальную помощь. Хейстер попросил меня отредактировать проект программы некоего «Движения в поддержку перестройки». Это был сумбурный текст на русском языке, проникнутый антирусским шовинизмом. На вопрос о том, кто составил эту бумагу, Хейстер ответил: «Разве не видишь? Идиоты!». И кивнул на коридор Института языка и литературы. Оставив у себя проект, я разработал совсем другую программу и отдал ее Хейстеру. Через несколько дней я понял, что старался зря. «Под ковром» творилось нечто непонятное. К созданию первой в Молдавии националистической организации, разъяснял Хейстер, оказались причастны заведующий отделом пропаганды ЦК КПМ С.Д. Рошка, заведующий отделом культуры И.М. Гросу, а также корреспондент московской «Литературной газеты» по Молдавии, член СПМ Георге Маларчук. В день создания ДД, 3 июня 1988 года, бывший председатель Союза писателей Павел Боцу застрелился.

Как рассказал мне впоследствии руководитель Гостелерадио МССР С.И. Лозан, Маларчук подступил к нему с вербовочным предложением: «Переходите на нашу сторону!», а когда Лозан отказался, вместе с Д. Матковским прибег к шантажу. Вскоре Лозан действительно был смещен.

На большие сомнения по поводу инициаторов создания «Инициативной группы ДД» наводил ее состав. Шестеро из 23 членов, как выяснилось вскоре, ранее лечились в психоневрологическом диспансере; в августе один из них повесился в приступе депрессии. Кое-кто из сотрудников Института языка и литературы заверил меня: «Мы это используем!». Но попыток такого рода не последовало. Некоторые члены ДД не приняли националистический курс. Двое из них, кандидат философских наук В.Г. Ефремов и работник комсомола Ю.В. Атаманенко, оба молдаване, печатно выразили свое несогласие с курсом организации и вышли из ДД. Обоих подвергли газетной травле, а Ефремов был жестоко избит на улице «неизвестными лицами».

Нам, будущим инициаторам создания Интердвижения, было ясно, что «Инициативная группа ДД» создана с согласия ЦК КПМ. Вопрос заключался в том, означает ли происходящее развертывание советского варианта маоистской кампании «Пусть расцветают сто цветов», направленной на выявление политической оппозиции? В 50-е годы в Китае проводили нечто подобное, и закончилось все репрессиями. Нет, все указывало на то, что союзный Центр действительно утратил представление о том, что вообще следует делать, и в угоду Западу приступил к формированию политической оппозиции привычными методами – при посредничестве политической полиции. Что особенно травмировало нас, так это близорукая игра в поддавки с румынизмом, еще в 50-е годы начатая партийным руководством Молдавии. В 1988 году эта игра была введена в завершающую фазу. Но мы были патриотами, имели собственное суждение о благе Родины и национальных ценностях, и по опыту отцов и дедов, переживших оккупации Бессарабии 1918–1940-го и 1941–1944-го годов, знали, что такое румынский государственный шовинизм. Осознав, что правящая партия «сдает» СССР и наши гражданские права, мы решились выступить в защиту целостности страны и национального равноправия.

Однако политическая инициатива оставалась за невидимыми дирижерами. 17 сентября 1988 года в газете «Ынвэцэмынтул публик» («Народное образование») было опубликовано «Письмо 66-и» с требованиями о придании государственного

статуса только молдавскому языку, о признании его идентичности с румынским и переводе на латинскую графику. До этого подобных требований не выдвигалось даже в курилках Академии. Но события развивались по какому-то неведомому нам жесткому графику. В начале ноября был смещен и вскоре по ложному обвинению арестован секретарь ЦК КПМ В.И. Смирнов, борец с коррупцией и национализмом. В конце декабря специальная комиссия лингвистов и историков вынесла заключение о целесообразности выполнения требований 66-и. Руководство КПМ практически не пыталось контролировать ситуацию. Выступление первого секретаря ЦК КПМ С.К. Гроссу со статьей, неопределенно одобряющей эти решения, общественность расценила как отказ партии от защиты национального равноправия и молдавского культурного суверенитета. Тем, кто не был согласен с капитуляцией, пока еще «только» этнокультурной, следовало действовать.

Накануне нового 1989 года на квартире у Н.В. Бабилунги, в общежитии аспирантов на улице Прянишникова, состоялось совещание историков. Кроме хозяина квартиры и автора этой статьи на нём присутствовали кандидаты исторических наук, сотрудники Института истории АН МССР Б.Г. Бомешко, Ю.П. Датий, А.В. Хейстер, а также преподаватели университета В.А. Андриевский, В.А. Солонарь, В.А. Лицкая, О.В. Рыбаков, доцент Сельскохозяйственного института О.П. Мартынов и заведующий отделом пропаганды газеты «Советская Молдавия» Г.Н. Павленко. Участники совещания, кроме Лицкая, Солонаря и Мартынова, были мне знакомы и прежде. Нам удалось сформулировать нечто вроде наброска политической платформы «Интернационального движения Молдавии». Также решили провести 8 января республиканское собрание наших единомышленников. Меня коллеги обязали составить проект «Заявления об избрании Инициативной группы Интердвижения» и привлечь к работе в ней заведующего кафедрой истории СССР Кишиневского университета профессора А.М. Лисецкого. Приглашение единомышленников с периферии и улаживание вопроса о помещении для проведения заседания взял на себя Павленко.

И Павленко, и я выполнили свою часть работы. Восьмого января конференц-зал Союза журналистов в Доме печати был забит до отказа. Прибыли патриотически настроенные люди из Тирасполя, Комрата, Чадыр-Лунги, Рыбницы, Бельц, Оргеева и ряда районных центров. Несколькими словами о сложившейся политической обстановке заседание открыл Г.Н. Павленко. Выступили А.М. Лисецкий, И.Ф. Грек, В.А. Солонарь, О.П. Мартынов, директор тираспольского завода «Точлитмаш», Герой Социалистического труда А.И. Большаков, директор птицефабрики в Рыбницком районе Б.Г. Палагнюк, журналист из Каменки А.Н. Бут, инженер завода «Виброприбор» Ходос, еще человек десять, мне неизвестных. Все говорили об угрозе установления в Молдавии национально-дискриминационного одноязыкового режима и о необходимости бороться против этой опасности. Постановили учредить Интернациональное движение «Единство» и избрали Инициативную группу из 17 человек, призванную подготовить Учредительный съезд. Председателем группы, как и предполагалось, был избран А.М. Лисецкий.

Мы создавали политическое формирование легальное, но противостоящее компрадорам из горбачевского руководства КПСС и пособникам националистов из ЦК КПМ. Арестов мы не ожидали, но досрочно декларировать свою оппозиционность всё равно не следовало. Из соображений конспирации большинство участников совещания 30 декабря, и я в их числе, в состав Инициативной группы не вошли. Скоро КГБ подтвердил свою репутацию всеведущей организации. Я сделал выводы относительно истинных мотивов участия некоторых интеллигентов в нашей рабо-

те. Но А.М. Лисецкий был уверен, что я с КГБ не связан. Выходя с чашками кофе на балкон его квартиры, мы обсуждали ситуацию в республике и планы работы Интердвижения. И все же эти беседы, понял я позднее, представляли собой не только рутину политической работы, но и, по замыслу профессора, и проверку меня на политическую «вшивость». Не берусь его за это осуждать. Подробности наших бесед, признался Лисецкий позднее, при его контактах с членами ЦК КПМ не всплыли.

В начале 1989 года темп политических событий возрос. Оплевывание молдавской истории и агитация за перевод молдавской письменности на латинскую графику встречали в молдавском обществе растущий протест. Но позиция номенклатуры была иной. За публикацию материалов в защиту молдавской самобытности редактора газеты «Советская Молдавия» В.М. Лебедкина то и дело вызывали «на ковер» в Отдел пропаганды ЦК КПМ. Он, в свою очередь, одергивал Георгия Павленко. Редакторов молдавских газет, угрожая увольнением, шантажировали члены Союза писателей Георге Маларчук, Думитру Матковский и некоторые другие. Тем не менее, по ходу полемики в прессе становилось ясно, что пропаганда румынизма ведет к изоляции румынистов от молдавской нации. В начале 1989 года закулисные манипуляторы изменили направление удара, нацелив румынистов на провоцирование конфликта между молдаванами и немолдавским населением. Был брошен лозунг «Объединяйтесь, молдаване!», а 16 февраля в органе Союза писателей, газете «Литература ши арта», появился законопроект «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», в котором с провокационной прямотой провозглашался курс на установление в Молдавии режима национальной дискриминации. Статья 13 проекта предусматривала административную и даже уголовную ответственность должностных лиц за использование в официальном общении языка, не являющегося государственным. В Бессарабии так карали за разговор на русском языке после установления королевской диктатуры в 1938 году.

Осознавая, что союзный центр власти уже не служит гарантом соблюдения их интересов, граждане начинали искать спасения, в основном, на путях эмиграции из Молдавии. Следовало объяснить им, что их дальнейшая судьба зависит от способности к гражданскому действию. 21 февраля при содействии коллег из народного движения «Гагауз халкы» мы провели в Комрате научно-практическую конференцию «Проблемы межнациональных отношений в Молдавской ССР и задачи Интернационального движения в защиту перестройки «Единство». На конференцию съехались учителя, служащие, студенты-гагаузы и болгары из Комратского, Чадыр-Лунгского, Бессарабского, Вулканештского районов Молдавии и Болградского района Украины, и зал комратского Дворца культуры был забит до отказа. От имени «Единства» выступил А.М. Лисецкий. По результатам дискуссии было принято «Обращение участников...», в котором мы огласили основные принципы Интердвижения: защита национальной самобытности молдавского народа, национальных прав русских, украинцев, других национальных групп, вынесение вопроса о графике молдавского языка на референдум, придание государственного статуса наряду с молдавским также русскому языку, создание в Верховном Совете МССР Палаты Национальностей, предоставление административно-территориальной автономии гагаузскому и болгарскому населению Молдавии.

Обсуждение законопроекта от 16 февраля 1989 года было блокировано. Но 31 марта в газетах появился проект закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», по тому же шаблону разработанный Рабочей группой Верховного Совета МССР. В листовке Инициативной группы, выпущенной в начале апреля, оба законопроекта о языковом режиме были охарактеризованы как

манифест националистической бюрократии. В марте-апреле 1989 года, используя благожелательное отношение к нашему делу редактора В.М. Лебедкина, Георгий Павленко опубликовал в «Советской Молдавии» серию написанных участниками Инициативной группы аналитических статей по дискуссионным вопросам истории Молдавии, а 8–25 апреля в серии статей вскрыли дискриминационный для нетитульного населения, антидемократический характер «официального» проекта закона «О функционировании языков на территории Молдавской ССР». Профессор-юрист В.Н. Яковлев разработал альтернативный законопроект, предусматривающий сохранение лингвистического равноправия³.

Эти выступления, опубликованные органом ЦК КПМ, воспринимались населением как изложение позиции партии. Вместе с тем они создали обоснованную репутацию Интердвижению как движению в защиту национального равноправия. На наш первый митинг, созданный 23 апреля, когда были оглашены программные требования «Единства», пришли, по данным МВД, 23 тысячи человек. А 28 апреля редактор газеты «Вечерний Кишинев» Павел Кристов и его заместитель Александр Квасников, сознавая, что идет на конфликт с национал-«демократами» из ЦК КПМ, опубликовали на двух языках программное Открытое письмо участников Инициативной группы Интердвижения. С позиций гражданской ответственности и национальной порядочности проанализировали проекты законов и авторы, с Интердвижением не связанные. Позицию Интердвижения подкрепила публикация в «Советской Молдавии» фундаментальных статей М.Губогло, В.Гросула и А.Антосяка, ученых – выходцев из Молдавии, живущих в Москве. Нам удалось задать тон обсуждению законопроектов о языковом режиме.

Мы смогли довести до сведения общественности политическую платформу Интердвижения. Серия публикаций определила оценку законопроектов не только нетитульным населением, но и значительной частью молдаван. Успех кампании создал в обществе условия, благоприятствующие развертыванию Интердвижения, созданию Советов трудовых коллективов и других общественных формирований. Нарушив монополию национал-радикалов на «неформальную» политическую деятельность, Инициативная группа Интердвижения внесла вклад в сохранение демократии в Молдавии. Политический опыт, накопленный участниками Инициативной группы, пригодился уже в апреле 1989 года. Инициативная группа обеспечила выдвижение кандидатом в народные депутаты СССР одного из ее участников, заместителя директора Института планирования при Совете министров МССР Ю.В. Блохина, и обеспечила его избрание. Стал депутатом еще один член Инициативной группы Интердвижения, Б.Г. Палагнюк. Третьим участником нашей команды в Верховном Совете СССР стал избранный в Бендерах рабочий Н.А. Костишин.

«Демократы» из ЦК КПМ не могли допустить превращения главной газеты правящей партии в орган Интердвижения. В мае-июне, под предлогом «плюрализма», они вынудили В.М. Лебедкина напечатать несколько материалов в поддержку законопроекта «О функционировании языков на территории Молдавской ССР», разработанного специальной комиссией Верховного Совета республики и предусматривающего придание государственного статуса только языку титульной нации, а после публикации статьи В.Гросула и А.Антосяка «История с историей», вызвавшей острую реакцию румынистов, газета была по существу подвергнута цензуре. В июле редактора заставили подать заявление об увольнении. Вынудили уволиться также его сына Юрия Лебедкина, журналиста молодежной газеты. Затем лишились работы Г.Павленко, и его жена, некоторые другие журналисты «Советской Молдавии». Редакция газеты была по существу разгромлена.

В 1865 году московский публицист Михаил Катков заявил: «У нас нет людей? – Неправда! Дайте нам учреждения, и люди появятся!». Создание Интердвижения Молдавии «Унитате-Единство» представляло собой институализацию течения общественной мысли и создало условия для формирования группы политиков-патриотов. Мы формулировали свои представления об общественных интересах независимо от позиции правящей партии. Но могла ли общественная организация перехватить у международных структур концептуальную, а затем и политическую инициативу? Мы предприняли попытку сохранить здравый смысл. Мы были группой партизан, зажигающих огонь сопротивления на окраине политически разобщенной, теряющей концептуальный суверенитет, страны. Сила «Единства» заключалась в том, что его позиция определялась местными потребностями, сочувствие сограждан и было нашим тылом.

Молдавский вопрос

В этнокультурном плане главной жертвой прорумынских национал-радикалов оказалась молдавская нация. Стремясь лишить существующую молдавскую государственность этнической и исторической легитимности, румыны с осени 1988 года перешли в открытое наступление на молдавскую национальную самобытность. Условия политической смуты давали им шанс какое-то время выдавать себя за выразителей воли молдавского народа. В целях моральной и политической изоляции молдавских патриотов румыны развернули борьбу против нетитульного населения Молдавии.

Стратегически этот курс представлял собой идеологическую подготовку аннексии Молдавии Румынией, он вел к утрате молдавской нацией культурного суверенитета и ее «упразднению». Нарушенная связь с исторической действительностью, умышленное забвение румынской политики 1918–1940 и 1941–1944 годов и непонимание того факта, что с распадом Союза молдавская национальная самобытность может лишиться государственной защиты, обусловили этнополитический конформизм молдавской интеллигенции в период кризиса СССР, позволили титульной бюрократии принести в жертву своим групповым, во многом мнимым, интересам фундаментальные интересы молдавской нации. Но молчание большей части образованного сословия перед лицом наступления румынизма нельзя признать свидетельством этнической переориентации молдаван. Это была национально безответственная политическая спекуляция образованцев, предпринятая с чисто социальными целями. Впоследствии кто-то из авторов правительственной газеты «Молдова суверан» с поразительной наивностью сформулировал ее принцип так: «С румынами мы должны быть немного русскими, а с русскими – немного румынами».

В годы кризиса румынизм стал идеологией компрадорских сил – не только антирусских, антиукраинских, антигагаузских, антиболгарских, но, в первую очередь, антимолдавских. В тактическом плане требование этнических преференций, – о предоставлении государственного статуса в двуязычной республике только языку титульной нации, – представляло собой политическую провокацию. Оно являлось средством обеспечения титульной бюрократии этнической монополии на власть и управление и было призвано подтолкнуть молдаван к сплочению вокруг унионистов, включению в орбиту румынизма.

Но аннексия Бессарабии Румынией была неприемлема для всех национальных сообществ, начиная с молдаван, утративших свою государственность в лице Молдавской Народной Республики, провозглашенной в декабре 1917 года. У них имелись

родные языки и культуры, общая государственность, и румынский этногосударственный проект был им чужд. И молдаване, и славяне, и гагаузы, и евреи Молдавии помнили оккупационный террор и политику национальной дискриминации и ассимиляции, проводимую во времена румынской оккупации в 1918–1940 и особенно в 1941–1944 годах. Ссылки на то обстоятельство, что Румыния 90-х годов XX века – уже другая, не та, что полвека назад, обесценивались фактами о насильственной ассимиляции румынами в «эпоху Чаушеску» трансильванских венгров, украинцев Южной Буковины, русских старообрядцев, и о румыно-венгерских столкновениях в Тыргу-Муреш весной 1990 года. Главный шанс нетитульных граждан Молдавии на дальнейшее национальное существование мы видели не в их противопоставлении молдаванам, а в совместной с патриотическими силами молдавской нации борьбе за общие цели. Этот курс согласовался с бессарабской традицией национальной порядочности и с потребностью молдаван сохранить молдавскую национальную самобытность. С учетом этих факторов «Единство» вырабатывало свою идеологию.

Интердвижение не было задумано как партия национальных меньшинств. В его состав, в том числе в руководство, с самого начала входили и молдаване. Нам были дороги молдавские национальные ценности, мы уважали молдавский народ и его национальное достоинство, знали его историю и отвергали подброшенную из-за Прута абсурдную и оскорбительную – прежде всего для молдаван, – идею модернизации посредством румынизации. Поэтому на Учредительном съезде Интердвижения 8 июля 1989 года вопрос о молдавской графике члены руководства нашего движения В.Н. Яковлев и И.Г. Руссу предложили решить путем референдума. «Единство» не возражало против придания государственного статуса молдавскому языку, требуя лишь законодательного закрепления такого же статуса за русским языком и обеспечения языковых прав украинцев, гагаузов, болгар Молдавии.

Попыток поддержать наши требования ни официальный Киев, ни София, ни другие столицы не предприняли. Но унионисты, наши противники, вступили в конфликт не только с принципами демократии, с интересами русскоязычных, но и с нравственными устоями молдавского народа, с его традицией корректных межэтнических отношений и приверженностью государственности России/СССР. Поэтому позиция Интердвижения выразила оценку законопроектов о языковом режиме не только «нетитульным» населением, но и значительной части молдаван. Формирование альтернативного унионистскому Молдавского национально-государственного проекта, начатое Инициативной группой Интердвижения, ускорило структурирование рабочего и национально-патриотического движения, создав в обществе условия, благоприятствующие развертыванию самого Интердвижения, формированию Советов трудовых коллективов, Союза трудящихся Молдавии, народного движения «Гагауз халкы», Молдавского отделения общества «Мемориал», этнокультурных организаций. Нарушив монополию национал-радикалов на «неформальную» политическую деятельность, «Единство» способствовало становлению политического плюрализма в Молдавии.

В развернувшейся весной 1989 года полемике были прояснены основные пункты общественного проекта, противопоставленного Интердвижением курсу унионистских национал-радикалов и вскоре закрепленного в программных документах «Единства». Проект этот включал:

- сохранение государственности Молдавии в составе СССР, интеграционных связей с Россией, Украиной и другими субъектами Союза;
- обеспечение гражданам Молдавии демократических свобод и национального равноправия;

- защиту культурного суверенитета молдавской нации, языков и культур русских, украинцев, гагаузов, болгар и других национальных групп;
- предотвращение развала и расхищения экономики в ходе «приватизации»;
- проведение сильной социальной политики.

«Демократия по-кишиневски»

Руками унионистов московские компрадоры и их зарубежные спонсоры навязали нам борьбу по базовым вопросам национального бытия, и наши противники вели ее методами, далекими от парламентских. Нас, наших родных и близких травили в печати, объявляли на митингах «персонами нон грата», оскорбляли на улице, пытались запугать по телефону, увольняли с работы. Под прикрытием КГБ МССР была сформирована «группа поддержки НФМ». У коллег-тираспольчан имелись собственные источники информации. Летом 1990 года депутат В.М. Рыляков, будущий председатель Совета обороны ПМР, показал мне написанный от руки список участников «группы» из 78 человек. По меньшей мере, 25 из них были людьми со справками о психической неполноценности, еще больше было лиц, отбывших тюремные сроки. Эта банда постоянно дежурила у здания парламента, по указаниям председателя НФМ И. Хадырки оскорбляя и избивая неугодных фронтистам депутатов.

Собственно, это была попытка повторить бухарестский опыт 1859 года, когда создавали Румынское государство. В Кишиневе «национал-радикальная» команда была введена в действие еще в августе 1989 года, когда НФМ не было и в помине. В дни 13-й сессии Верховного Совета МССР ее члены оскорбляли и запугивали депутатов, не желающих голосовать за дискриминационные законы о языковом режиме. На Интердвижение ее спустили с цепи весной 1990-го. На сопредседателя «Единства», 60-летнего профессора А.М. Лисецкого, штатные хулиганы из «команды НФМ» трижды напали после митингов, а в апреле 1990 года, уже после избрания депутатом, избили и едва не удавили шарфом при выходе из здания ЦК КПМ. Позднее подожгли дверь его квартиры и квартиры депутата Паламента, члена Президиума Интердвижения А.М. Сафонова. В бытность депутатом парламента четыре раза был избит другой член Президиума Интердвижения, И.Г. Руссу¹. Четвёртого мая 1990 года, после резкого выступления по поводу унионистских провокаций, при выходе из парламента ударом в солнечное сплетение вышибли дух и из меня. Затем те же бандиты попытались избить И.Н. Смирнова, В.М. Рылякова, П.А. Заложкова, В.М. Арестова и еще около десяти приднестровских депутатов. Даже супруга деятеля НФМ, журналистка Елена Замура², упоминала о звучащих у здания парламента призывах перевешать депутатов на фонарях.

Под влиянием пропаганды быстро возрастало число, говоря словами московского профессора В.Я. Гросула, национал-шизофреников. Через пару дней после инцидента у парламента, когда я проходил мимо памятника Стефану Великому, где собирались национально-озабоченные маргиналы, какой-то молодой человек завопил, указывая на меня рукой: «Шорников! Шорников!». Шанс сбежать имелся, но

¹ См.: Лесниченко В. Обсуждаем проекты закона о языках. // СМ. 1989. 8.04; Солонарь В. Странный рецепт. // СМ. 1989. 18.04; Лисецкий А. Трудные раздумья. // СМ. 1989. 19.04; Яковлев В. В интересах равноправия и дружбы народов. // СМ. 1989. 20.04; Грек И. Необходим паритет. // СМ. 1989. 21. 04; Галинский И. Сформулировать четко и грамотно. // СМ. 1989. 25.04; Большаков А. и др. Наша сила в дружбе и единстве. // СМ. 1989. 7.05; Это нужно живым. Интервью Г.Павленко с Н.Бабилунгой. // СМ. 1989. 11.05; Бабилунга Н. и др. Проблемам прошлого всестороннее освещение. // СМ. 1989. 18. 05.

² Киروشко К., Воронин С. Четвертый раунд депутата Руссу.// Независимая Молдова. 1992. 16 декабря.

если бы я побежал, за мной бы бросились всей толпой. Я медленно, чтобы не испугать крикуна, подошел к нему и спросил по-молдавски, что он мне хочет сказать? Сказать ему было нечего, он поперхнулся. Но нас обступили завсегдатаи этого места. К счастью, среди них оказался мой бывший студент – молдаванин из педагогического института им. И. Крянгэ, где в 80-е годы я читал курс новейшей истории. Он взял меня за локоть и вывел из круга.

Затем предупредил:

– Не подходите к ним, это же наркоманы, психи, алкоголики.

На бестактный вопрос о том, что же он делает в этой компании, мой бывший студент не ответил. Делает карьеру, – предположил я тогда. Вскоре он получил должность в аппарате Министерства образования. Но тогда он меня выручил, спасибо ему.

В другой раз на всю улицу завопил «Шорников! Шорников!» какой-то тип, увидевший меня у подземного перехода у гостиницы «Кишинэу». Не смея напасть в одиночку, он кого-то звал на помощь. Хотелось пришибить придурка, но я прошел мимо. Придя домой, узнал, что жена, не спросив моего согласия, обратилась к президенту Снегуру с письменным требованием обеспечить мою безопасность. Оказывается, ей позвонил по телефону «доброжелатель» и сообщил, что сегодня, когда я выйду из парламента, мне плеснут в глаза кислотой. К угрозам, что меня убьют, она привыкла, а тут не выдержала...

Переломным в кампании организованного насилия стало убийство 18-летнего учащегося техникума Димы Матюшина. Вечером 14 мая, проходя с сестрой и еще одной девушкой мимо памятника Стефану Великому, где собирались националистические «неформалы», он «слишком громко» говорил по-русски. Национально-озабоченные хулиганы избили его, и четыре дня спустя Дима скончался. 22 мая, в день его похорон, «группа поддержки НФМ» кастетами разогнала у здания Театра оперы и балета митинг женщин-матерей, протестующих против уличного насилия. При выходе из здания парламента были избиты более 20 депутатов, в основном приднестровцы и гагаузы. «Обстановка, – вспоминает те дни бывший депутат Анна Волкова, – конечно, была тягостная. Встречали и провожали нас воем, свистом, улюлюканьем, отборным матом, периодически забрасывали какой-то гадостью, если дотягивались – били. 22 мая депутатов от Приднестровья едва не линчевали. Толпа заполнила всю площадь, коридор оцепления кончился прямо в центре сборища. Пока шли, я видела, как били и рвали за бороду Виктора Михайловича Арестова, видела, как Смирнова, шедшего впереди, изо всех сил ударил дубинкой по спине... милиционер из оцепления. Потом и мне крепко врезали. Когда мы с трудом вырвались и вернулись в здание Верховного Совета, пришлось подниматься на третий этаж: охрана с трудом сдерживала ломившихся в двери молодчиков»³.

Наиболее разнузданный характер кампания запугивания приобрела в мае, когда шло формирование парламентских комиссий и правительства. Четвёртого мая, после острого выступления против политики национал-радикалов (свое выступление я закончил вопросом, не собираются ли они направить в Тирасполь карательную экспедицию), при выходе из здания парламента автор этих строк также получил удар ногой в солнечное сплетение. Любители восточных единоборств из добровольческой группы охраны «Единства», вышедшие встречать депутатов, выволокли меня из милицейского коридора-ловушки, успев сделать кому-то должное «внушение». Шедшего следом за мной И.Н. Смирнова также ударили

³ Советская Молдова. 1991. 6 февраля.

в грудь, но он устоял и наотмашь нанес «боевику» ответный удар в нос. Депутаты Рыляков, Заложков, Аристов, Манойлов и другие приняли боксерскую стойку и также отбились. Другие нападения закончились менее благополучно. Бельцкого депутата-агрария парламентские «фронтисты» подвергли оскорблениям и ударили в туалете парламента; корреспонденция о расправе с другим членом фракции «Сельская жизнь» и парламентской комиссии по безопасности, Н.А. Малаки, называлась «Депутата били как футбольный мяч». За время работы в парламенте XII созыва националистические «неформалы» и полиция четыре раза избивали члена президиума «Единства» депутата И.Г. Руссу, трижды нападали на сопредседателя Интердвижения депутата А.М. Лисецкого; лица, оставшиеся неизвестными, ночью подождли двери его квартиры и квартиры депутата А.М. Сафонова. Нас пытались запугать, угрожая по телефону нам, нашим родным и близким.

В сентябре 1990 года, после вторжения «группы поддержки НФМ» в редакцию газеты «Молодежь Молдавии», аналогичный «визит» ожидался в редакцию «Вечернего Кишинева». Редактор Павел Крестов попросил меня зайти в это время в редакцию. «Увидят Вас, – не без юмора разъяснил его заместитель Александр Квасников, – и пойдут за указаниями: бить или не бить?». Я согласился и в назначенное время пришел в редакцию. Штатные «пикетчики» не замедлили явиться. Во главе их были Сырбу и Николэицэ, как говорили, рецидивисты, но сумасшедшей «тетки в тапках», ходившей на дежурство к зданию парламента с цветком в горшке, к счастью, не было. Толпа заполнила коридор и вход в кабинет. «Беседа» протекала на все более повышенных тонах, пока Сырбу не узнал меня. «А что здесь делает господин депутат Шорников?» – возмущенно спросил он Крестова. «Пьет чай», – насмешливо ответил редактор. Я действительно сидел с чашкой чая. Присутствие парламентария сценарием погрома предусмотрено не было. Один из погромщиков, как и предполагал Квасников, отправился за указаниями. Я произнес на молдавском несколько слов о том, что диктовать журналистам, как им следует освещать события, недемократично, и предложил «пикетчикам» покинуть помещение: «Убирайтесь, домнилор!». Инструкции шефа запаздывали, и они подчинились. Возможно, больше, чем мои депутатский статус и красноречие, погромщиков впечатлило появление в кабинете редактора группы любителей кун-фу, сопровождавших меня в те дни. Саша, старший из них, устроил мне выговор: «Петр Михайлович, нельзя же без нас ходить где попало!». Оказалось, они наблюдали за «пикетчиками» и в редакцию пришли вслед за ними.

Инициаторы уличного насилия готовили условия и кадры для погрома наподобие тех, какие состоялись в Сумгаите, Баку, Оше, дабы принудить русскоязычное население Кишинева к бегству. Их намерения выболтала Леонида Лари. В ответ на заданный ей на одном собрании вопрос о том, как она предполагает решить жилищную проблему, она спросила участников, есть ли среди них немолдавانه? Несколько человек подняли руку. «Вот ваши квартиры!» – указала поэтесса.

Одна из наиболее решительных попыток устроить в Кишиневе погром была предпринята после «похода на Юг» и Дубоссарского расстрела, когда в Кишинев были отведены жаждающие сатисфакции «волонтеры». Вечером 15 ноября 1990 года у памятника Стефану Великому шел очередной митинг. Выступали Дабижа, Ватаману, Лари, другие члены СП. Это было привычно, и мы с Сафоновым и еще одним депутатом, Ильей Тромбицким, пройдя по параллельной улице 25 октября, зашли в кафе «Орион» и заказали кофе. В этот момент в зал вошли человек семь в камуфляже, а потом десятка полтора молодых людей в джинсах и черных куртках. Это тоже была униформа, но я этого не понял. Шедший первым человек в камуфляже подсел

к соседнему столу, где сидели парень и девушка, и спросил по-молдавски: «Штий ромынеште?» («Знаешь румынский?»). Молодой человек ответил по-молдавски: «Ну», и «волонтер», протянув руку через стол, ткнул его кулаком в лицо. Другие погромщики – в камуфляже и куртках – схватили парня за руки, прижали к столбу в центре зала и, мешая друг другу, начали избивать кулаками и ногами. Я только снял с ноги гипс после разрыва связок, ходил с трудом и драться не мог. Но на глазах у нас происходило убийство, и я, ругаясь на двух языках, бросился расталкивать дерущихся. «Вы им по-молдавски», – подсказал из-за плеча Тромбицкий. Я, не выбирая выражений, повторил требование прекратить безобразие на молдавском языке, добавив: «Вы что, с ума сошли, идиоты?». И тут меня сзади крепко схватили двое. Заломив руки, сноровисто обшарили карманы.

– Отпустите его, он депутат, – сказал кто-то по-молдавски у меня за спиной. Погромщики оказались дисциплинированными. Меня вывели из кафе и отпустили, так и не ударив. Но парламентский иммунитет, как оказалось, был признан только за мной. Сафонова, который, вынув удостоверение, крикнул: «Я депутат Сафонов, прекратить, вашу мать!...», ударили по голове кастетом, потом били в лицо и, – ногами, – в живот, пытались стащить ботинок. У Тромбицкого спросили: «Ты молдаванин?». Он ответил утвердительно; из кафе его выпустили, отобрав кошелек. Посетители, в том числе молдаване, люди молодые, да еще с девушками, начали отбиваться стульями, и драка пошла с переменным успехом. Следовало вызвать милицию. Протиснувшись сквозь толпу, я вошел в фойе кинотеатра «Бируинца». Там имелся телефон, и я сообщил дежурному МВД, что в кафе избивают посетителей, в том числе депутатов, а на улице стоит толпа, пришедшая с митинга. В этот момент в фойе ворвался Тромбицкий.

– Быстрее, за нами идут! – с порога предупредил он.

Через зрительный зал, – (там начался очередной сеанс), – мы вышли во двор. На улице стояла милицейская машина, «Москвич». Я назвал себя водителю и потребовал вызвать по радио наряд. Но страж порядка завел мотор и отъехал. Что было делать? Мы с Тромбицким прошли к зданию МВД. Кроме часового с автоматом у входа там был только дежурный офицер в звании подполковника. О том, что происходит на улице, он знал, но, по его словам, никаких сил в его распоряжении не было, и послать в «Орион» для прекращения драки он не мог никого. Мы потребовали принять меры и предупредили: если сегодня погромщики кого-нибудь убьют, завтра он пойдет под суд. Мы – депутаты, и добьемся этого: «Косташ Вас сдаст!». Последний довод подействовал, подполковник задумался и включил рацию. Наряд в «Орион» был все же послан. Придя туда через четверть часа, мы нашли Сафонова в помятом виде: глаз у него был подбит, пиджак и рубашка порваны, часы и кошелек исчезли, но держался он бодро. Показав на голове шишку размером с ладонь, и разорванное депутатское удостоверение, наш товарищ рассказал подробности драки. Парня, первым избитого погромщиками, уже отправили в больницу, но мы с Тромбицким поговорили с его спутницей. А затем достали записные книжки и, с согласия владельца «Ориона», взялись за телефон. Около часа мы звонили в МВД, требуя информации о ситуации в городе, председателю парламента М.И. Снегуру, а затем, рассказывая о случившемся, в Москву – члену Президиума Интердвижения Молдавии народному депутату СССР Ю.В. Блохину и знакомым журналистам. Сафонов все-таки ощутил последствия удара кастетом и отправился домой, а мы с Тромбицким прошли в отделение милиции Ленинского района Кишинева на улице Болгарской.

Туда стекались жертвы погромщиков. Помню двух плачущих девушек в белых блузках, запятнанных кровью. Одну из них, требуя снять с пальца золотое колечко

ко, погромщик ударил кулаком в лицо, у другой оказалась повреждена мочка уха, из которой выдергивали золотую сережку. Ограблены были многие. Мы сообщили журналистам телефоны МВД и официальных лиц Молдовы, и они не преминули навести справки из первоисточников. Закулисные организаторы провокации поняли, что столь ранняя осведомленность оппозиции, Москвы и прессы грозит им немедленным разоблачением. Присутствие депутатов вынуждало милицию хотя бы имитировать попытки прекратить бесчинства. Если начальник Ленинского УВД полковник Вырлан сделал вид, что его нет в городе, то милицейские начальники других районов депутаты Парламента подполковники С.Н. Куртев, А.Г. Давыдов, а также Б.П. Муравский приняли меры по недопущению бесчинств на подведомственной территории. Кое-кто из бандитов угодил в «обезьянники» отделов МВД. Но главное, погромщики оказались в изоляции, к ним никто не присоединился. Хотя уличные беспорядки продолжались до полуночи, а число избитых только в центре Кишинева превысило 80 человек, не погиб никто. В квартирах, куда пытались врваться погромщики, жильцы встречали их с топорами в руках. В Долине Роз местная молодежь устроила на погромщиков облаву. Погром не удался.

Позднее унионисты предприняли еще несколько попыток спровоцировать в Кишиневе массовые беспорядки. В январе 1991 года они под водительством Леонида Лари несколько дней носили по городу гроб с телом 17-летнего Руслана Боянжиу, погибшего в автомобильной катастрофе, утверждая, что его убили «русские». 27 февраля, в 20:00, когда мы с группой коллег-депутатов собирались вылететь на международную конференцию по правам человека в Рим, ко мне домой постучались неизвестные лица. Поскольку на лестничную площадку с лаем рвалась моя добрейшая собака Чика, я лишь приоткрыл дверь. В эту минуту зазвонил телефон. Решив, что визитеры ошиблись адресом, я закрыл дверь и взял трубку. Звонил Тромбицкий. К нему, сказал он, явилась команда подонков. Когда он открыл дверь, ему кастетом сломали нос. Лица нападающих следовало запомнить. Но когда я, прикрыв лицо топором и держа собаку на поводке, выглянул на лестничную площадку, они уже ушли. Солонарь, предупрежденный Тромбицким ранее, вообще не открыл дверь.

Стремясь сдерживать политику насилия, каждый акт националистических бесчинств мы предавали гласности. В конце 1989 года мы начали показывать на форумах рабочих организаций России снятый сторонником «Единства» любительский телефильм о штурме здания МВД, а 16 ноября 1990 года я выступил в парламенте с требованием привлечь к наведению порядка в Кишиневе силы МВД СССР. После поджога нашего штаба 26 апреля 1992 года мы передали в СМИ заявление протеста, – оно было опубликовано не только в Кишиневе, но и в Москве. На этот раз я также выступил в парламенте и уговорил Тромбицкого, который чувствовал себя очень скверно, не отказываться от участия в «демократической» конференции в Риме, куда мы были приглашены. Там я выступил с речью на русском и в переводе на пять языков переданной по радио на всю Европу, закончив ее фразой: «Разбитое лицо депутата Тромбицкого – вот истинное лицо демократии в Молдове!». Тромбицкий с забинтованным носом и кровоподтеком во все лицо предстал живым экспонатом «демократии по-кишиневски».

Вид Тромбицкого произвел впечатление, и железо следовало ковать пока горячо. Мы собрали подписи депутатов разных стран с призывом к литовскому президенту А. Бразаускасу обеспечить справедливое разбирательство «дела» заключенного в тюрьму лидера Интердвижения Литвы В.В. Иванова. Главную роль в сборе под-

⁴ Волкова А. Лидер. Тирасполь. 2002.

писей сыграл И.Д. Тромбицкий. Поставить свою подпись под письмом отказались только чешские и польские депутаты. Под давлением Яни, венгра-депутата парламента Румынии, с которым у нас установилось взаимопонимание, письмо подписали и депутаты парламента Венгрии. За то, чтобы выручить русского из литовской тюрьмы, подписались болгары, двое румын, а также депутаты-азербайджанцы и даже их смертные враги – армянские полевые командиры из Нагорного Карабаха; подписал письмо и председатель Народного фронта Армении Степан Григорян.

Огласки, особенно на Западе, проводимой ими политики насилия национал – «демократы» Молдавии все-таки опасались. По возвращении в Кишинев, рассказал мне Анатолий Царан, Снегур выслушал часовой рассказ троих депутатов – его, Влада Дарие и Валерия Матея, и задал только один вопрос: «Так что, Шорников так и сказал: «Разбитое лицо депутата Тромбицкого – вот истинное лицо демократии в Молдове!»? Только это и заинтересовало президента из происшедшего на римской конференции. Возымело действие и наше письмо, отправленное из Рима в Вильнюс по факсу. Через несколько месяцев Валерий Иванов вышел на свободу⁵. Отчасти благодаря принятым нами мерам гласности, до актов террора, подобных убийству депутатов Н.И. Остапенко и А.Д. Гусара в Приднестровье, конфронтация в Кишиневе не дошла. А главное, погром и изгнание нетитульного населения города, замысленное закулисными манипуляторами по сценарию изгнания армян из Азербайджана, «еразов» – из Еревана и турок-месхетинцев – из Узбекистана, удалось предотвратить.

Но против деятелей «Единства» национал-радикальные власти без колебаний пускали в ход административные рычаги. В сентябре 1990 года по указанию М.И. Снегура президиумом Академии наук была обсуждена и осуждена политическая деятельность двоих депутатов – В.Н. Яковлева и С.С. Куроголо. Парламентские полномочия двоих деятелей Интердвижения, И.Г. Руссу и В.А. Солоняра, мандатная комиссия парламента во главе с бывшим работником аппарата ЦК КПМ А.Ф. Плугару семь месяцев отказывалась признать, а депутатские полномочия подполковника внутренних войск П.М. Моторного, так же участника «Единства», так и не были признаны. В дни «похода на Юг» унионисты продолжили политическую «чистку» парламента. 26 октября 1990 года, при содействии парламента «болота», они добились прекращения полномочий 9 депутатов-гагаузов, а также сопредседателей Интердвижения А.И. Большакова, А.К. Белитченко, В.Н. Яковлева и А.М. Сафонова. И, наконец, в августе 1991 года, после провала «путча» ГКЧП, несмотря на парламентакий иммунитет, был арестован и более месяца провел в заключении еще один деятель «Единства». Г.Ф.Пологов. Случайно избежал ареста В.Н. Яковлев.

Политика запугивания была продолжена и позднее, и направлена она была также против центристов. Но их было больше, они были молдаване, и коса нашла на камень. 11 июня 1992 года, когда депутат Андрей Цуркану потребовал отправить в отставку министра национальной безопасности Плугару, вечером на квартиру к парламентариям явился молодой человек и вручил его жене завернутую в газету отрубленную собачью голову. На следующий день Цуркану рассказал об этом в парламенте. Плугару отрицал свою причастность к этому инциденту, но ему уже не верили. Цуркану обвинил МНБ и МВД в создании террористических групп (что было уже известно) а А. Царан, накануне избранный председателем парламентакой комиссии по обороне и безопасности, поддержал его обвинения, сообщив, что его

⁵ К несчастью, через пару лет, опубликовав книгу «Литовская тюрьма», он вновь был арестован.

жену предупредили по телефону: если ее супруг будет усердствовать на новом посту, ему не сносить головы⁶. Смещение министра было предрешено.

* * *

Патриотические силы, а не инструмент зарубежных сил – шовинистический унионистский «Народный фронт» и другие «неправительственные» формирования – стали в Молдавии главным моментом истории. При посредстве «Единства» молдавское общество начало преодолевать политическое безволие, а его патриотические силы обрели свои цели, задачи, нормы, свой политический язык, свою волю к самореализации. Интердвижение «Унитате-Единство» выразило накопленный в обществе потенциал протеста против национального эгоизма, против использования лозунгов демократии для прикрытия крепнущего в Молдавии этнократического режима.

Доводится слышать, фиксация на противоречиях переходного периода сослужила Интердвижению скверную службу. Быть может не отказавшись от защиты официального статуса русского языка, права граждан на выбор языка воспитания и обучения детей, «Единство» упустило возможность предстать в глазах молдавского общества чем-то большим, чем организация, отстаивающая интересы национальных меньшинств? Но могло ли быть иначе? Мы не могли отказаться от борьбы за национальное равноправие, потому что поражение в этой борьбе означало установление в Молдавии режима, нацеленного на ликвидацию как этнических сообществ русских, украинцев, гагаузов, болгар, так и других нетитульных граждан. Пример Румынии свидетельствует о возможности в современной Европе, толерантной и демократичной, «этноликвидации» национальных меньшинств при поощрительном молчании национальной и мировой общественности.

Верили ли мы в возможность отстоять целостность СССР? Мы понимали, что страна вступила в полосу кризиса, и нам не дано остановить губительное развитие событий. Но как далеко будет отброшено в своем развитии молдавское общество, полагали мы, зависит и от нас. Мы боролись против тех, кто толкал Молдавию к государственной катастрофе. О том, кто и как это делал, следует рассказать подробнее.

⁶ Замура Е., Голбан З., Кироско Б. Призрак собаки Баскервилей бродит по Парламенту.// Независимая Молдова. 1992. 16 июня.

ПЁТР ШОРНИКОВ – кандидат исторических наук, специалист по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны. Автор 6 монографий и более 500 статей, посвященных истории и современной проблематике межэтнических и этногосударственных отношений в Молдавии.

Председатель Движения за равноправие «Унитате-Единство» (1990–1999), депутат парламента РМ (1990–1994, 1994–1998). Участвовал в разработке проектов Конституции РМ, законов «О гражданстве», «Об образовании», «О правах национальных меньшинств», «Концепции государственной национальной политики Республики Молдова» и других. Научный сотрудник академического Института истории (1977–1991), доцент Приднестровского университета имени Т.Г.Шевченко. Редактор газеты «Единство» (1989–1998), член редколлегии журналов «Русский альбом» (1999–2002), «Русин» (с 2005 г.). Постоянный автор «Русского поля» и ряда газет.